

Э. Семон-Томпсон

Маленькие дикари

Эрнест Сетон-Томпсон
Маленькие дикари

© Г. Хондкариан. Литобработка, 2012
© М. Петров, наследники. Иллюстрации, 2012
© А. Масейкина. Обложка, 2012
© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2012

Предисловие от издательства

Канадский писатель, художник-анималист и естествоиспытатель Эрнест Сетон-Томпсон (1860–1946) родился в британском городе Саут-Шилдс. Когда мальчику было шесть лет, семья переехала в Канаду.

Любовь к природе проявилась у будущего писателя очень рано. Еще мальчиком он часто уходил в лес, чтобы изучать и рисовать животных.

Первое литературное произведение Сетона-Томпсона «Жизнь лугового тетерева» было опубликовано в 1883 году. Известность в США и Канаде писателю принесли сборники «Дикие животные, как я их знаю», «Жизнь тех, на кого охотятся», а также восемьтомный труд «Жизнь диких зверей». Иллюстрации к своим рассказам и повестям писатель часто рисовал сам.

Сетон-Томпсон стал одним из зачинателей литературного жанра произведений о животных; онказал мощное влияние на многих писателей-анималистов.

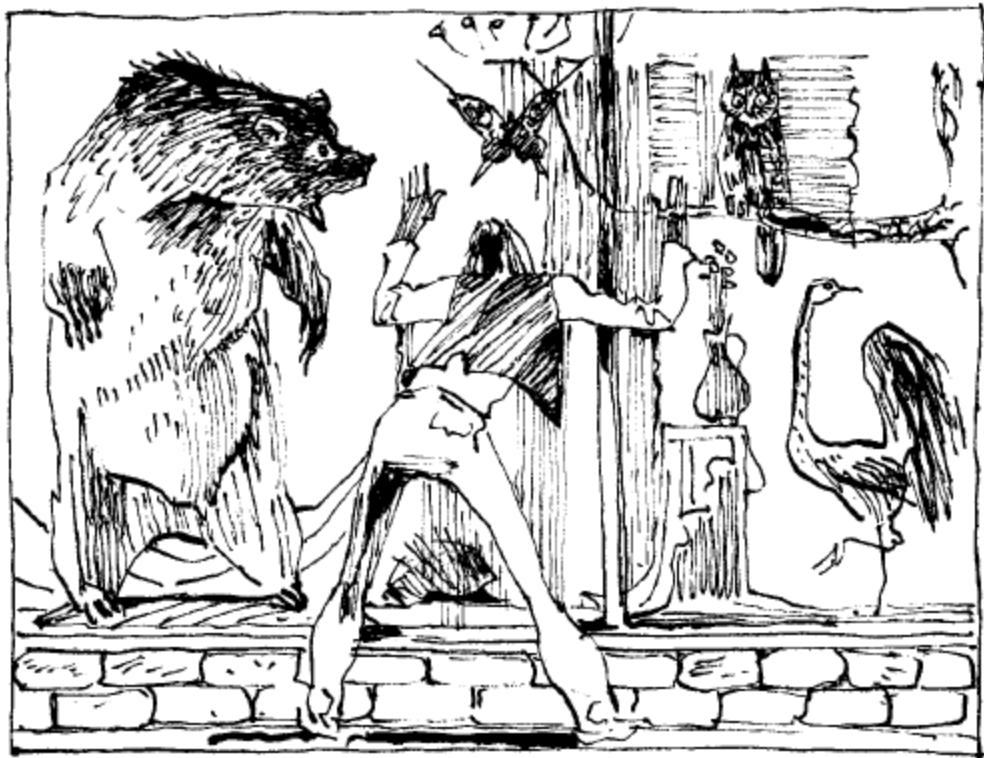
Книги, которые подарили человечеству Эрнест Сетон-Томпсон, привили искреннюю любовь к природе миллионам людей – ведь они издавались и переиздавались сотни раз.

Кроме откровенно «натуралистических» книг писатель оставил потомкам и приключенческую повесть «Маленькие дикари». Она рассказывает о приключениях канадских мальчишек, которые, желая во всем подражать коренным обитателям леса – индейцам, решают построить настоящую индейскую хижину и поселиться в ней. Взрослые сначала с недоверием относятся к фантазиям новоявленных «дикарей», но вскоре тоже проникаются духом приключений.

Сетон-Томпсон и в приключенческой повести остался верен себе, развивая идею единения с природой. «Я знал мучения жажды и решил вырыть колодец, чтобы из него могли пить другие», – эти мудрые слова писатель поместил в качестве эпиграфа к первому изданию книги.

Часть первая

Гленьян – Ян

Глава 1

Ян

Как все двенадцатилетние подростки, Ян очень интересовался жизнью индейцев, и чем старше он становился, тем усерднее собирал сведения о быте, нравах и обычаях этого народа.

Отец Яна имел характер довольно своеобразный. Это был человек хорошего воспитания и с утонченными вкусами, но суровый по отношению к собственным детям. Он никогда не разделял увлечений Яна свободной жизнью дикарей, и когда ему показалось, что они могут помешать школьным занятиям мальчика, тотчас же запретил сыну и думать о них.

Тем не менее Ян не подавал родителям ни малейшего повода подозревать его в увiliвании от учебы. Напротив, в классе он всегда был лучшим учеником. Ян вообще любил читать, но больше всего его увлекали книги, в которых описывались природа и быт дикарей. К сожалению, таких книг в его время было очень немного, и местная общественная библиотека могла предложить мальчику лишь две-три повести Фенимора Купера, «Скандинавских охотников» Ллойда да «Ботанику» Грея. Но и ими Ян зачитывался до упоения.

По природе Ян был послушным и добрым мальчиком, но постоянное стремление отца подавить увлечение сына, не содерявшее в себе ничего дурного, заставило мальчика сделаться непокорным. Ян слишком боялся сурового родителя, чтобы выражать открытое неповинование, но пользовался каждым подходящим случаем улизнуть из дома в поле и в лес. Вид каждой новой птицы, каждого насекомого или растения пронизывал мальчика смешанным чувством восторженной радости и мучительной тоски от невозможности узнать сразу название и природу новых для него живых существ и растений.

Главной страстью Яна была любовь к животным. Благодаря этому путь мальчика из дома в школу и обратно был всегда очень извилистым, поскольку захватывал несколько смежных улиц, на которых располагался ряд чрезвычайно заманчивых пунктов. Он не мог пройти мимо мастерской художника, в окне которой красовалась картина, изображавшая двух терьеров, гоняющихся за крысой. Привлекала его и табачная лавка, вывеску которой украшал слон, нагруженный табаком. А витрина магазина напротив была завалена множеством только что настрелянных птиц и разными набитыми чучелами. Что уж говорить о меховом ателье, вход в которое охранялся чучелом медведя огромных размеров!

Все это сосредоточивалось на одной улице, а на другой мальчика привлекала гостиница, где была собака, загрызшая енота. Немного далее, на Джерви-стрит, находился коттедж с высокой террасой, под которой когда-то сидел на привязи большой медведь. Ян не застал в живых этого зверя и знал о нем только понаслышке, однако находил особенное удовольствие в том, чтобы проходить возле этого легендарного места. На углу улиц Грэнд и Пембертон когда-то был убит хорек, и школьники поговаривали между собой, что в сырье туманные ночи там еще чувствуется запах убитого зверька. Ян потихоньку несколько раз приходил туда дождливыми вечерами и с наслаждением вдыхал в себя воображаемый запах.

В сущности, Ян не знал, чем оправдать свою слабость, и каждый раз сгорал от стыда, когда старший брат принимался журить его за эти «бессмысленные и бесцельные» увлечения.

Особенно притягательной для Яна была мастерская чучельника Сэндера на Мэн-стрит. Здесь, прижавшись носом к широкому окну, мальчик, как зачарованный, был готов простоять часами. Птицы, с их пестрым оперением, казались ему одна красивее другой. Некоторые из них, имевшие честь красоваться на выставке местной ярмарки, были снабжены ярлыками с названиями. Эти надписи, вместе с формой и оперением особенно красивых экземпляров, запечатлевались в памяти мальчика, обогащая его скучные сведения

по естественной истории. По правде сказать, некоторые названия были не совсем точны, но это не имело в глазах Яна никакого значения.

Года два мальчик пробавлялся чтением знакомых книг и ежедневным созерцанием картин и чучел животных, но потом у него вдруг с непреодолимой силой вспыхнуло желание во что бы то ни стало побывать в самой мастерской Сэндера.

Ян отличался большой робостью и застенчивостью. Поэтому понадобилось несколько месяцев, чтобы у него наконец смогла созреть непреклонная решимость осуществить свое страстное желание. Конечно, если бы он решился открыто попросить у хозяина мастерской разрешения осмотреть все заключавшиеся в ней диковинки, то едва ли получил бы отказ. Но на такой подвиг у мальчика не хватало смелости, и он решил добиться своего обходным путем.

Наметив в окне самую невзрачную птицу – лесную сову, – Ян направился к двери в мастерскую. Храбро отворив дверь, он перешагнул через порог, ужасаясь и своей необычной отваге, и громкому дребезжанью дверного колокольчика. Едва прия в себя, с замирающим сердцем мальчик сделал несколько шагов по направлению к прилавку, за которым возвышалась внушительная фигура самого Сэндера, и с трудом проговорил:

– Скажите, пожалуйста, сэр, сколько стоит вот этот... эта сова... вон там... на окне.

– Два доллара, – послышалось в ответ.

Напускная храбрость Яна сразу испарилась. У него сроду не было в руках такой огромной суммы! Мальчик опрометью бросился к двери. Растерянный и пристыженный, он бежал с таким чувством, точно пробрался было в рай, но оказалось, что он этого недостоин. Мальчик не посмел бросить даже беглого взгляда на окружавшие его в этом раю чудеса...

Глава 2

Весна

Будучи от природы довольно слабым мальчиком, Ян тем не менее очень любил физические упражнения и завидовал вольной жизни индейцев. Каждую весну, с возрождением природы, он чувствовал непреодолимую склонность к бродяжничеству. Карканье первой вороны в начале марта пронизывало свободолюбивое сердце мальчика сладкой болью, а вид диких гусей, длинным треугольником проносившихся на север, заставлял бурлить его кровь. Вообще в это время вид каждой новой птицы, каждого животного и насекомого вызывал в мальчике такое ощущение, точно у него за спиной растут крылья, на которых можно облететь весь мир.

Школьные товарищи Яна говорили, что они тоже любят весну, а некоторые из его знакомых девочек даже «обожали» это веселое время года. Но никто из этих мальчиков и девочек не мог понять, почему в марте глаза Яна делаются «сумасшедшими», щеки начинают пылать огнем, и он сам так усиленно и отрывисто начинает дышать; почему в школе во время перемен он проявляет несвойственную ему раздражительность и способность возмущаться каждым пустяком; почему вся нервная энергия Яна так и рвется наружу и он ни минуты не может пробыть в спокойном состоянии.

Да, весна захватывала Яна всецело. Небо, земля, поля, леса, луга, вода, солнце, ветер – все это действовало на него самым чарующим образом. Все звало, манило, тянуло его к себе, и он сам не знал почему. Мальчик слышал вокруг себя какие-то голоса, но не мог разобрать их. Хаос звуков оглушал, ошеломлял его и увлекал в какую-то неопределенную даль.

– Господи, как мне хотелось бы убежать отсюда! – воскликнул он вне себя от непонятного томления.

Мальчик сам удивлялся тому, что творится с ним. Только одно удерживало его от безумного желания присоединиться к бродячим индейцам – боязнь наказания, на которое строгий отец был очень скор.

Глава 3

Братья Яна

Один из братьев Яна, Рэд, двумя годами старше, был рослым и крепким мальчиком. В школе он отставал от Яна, зато никогда не упускал случая доказать брату превосходство в силе.

Как-то раз Ян, рискуя быть выпоротым отцом за испачканную одежду, забрался под дом. Он полз дальше и дальше, пока не очутился в довольно глубокой яме, где можно было стоять почти выпрямившись.

«Эх, вот бы устроить тут мастерскую!» – подумал Ян. Сердце его встрепенулось. Мальчик знал, что если он один попросит у отца позволения устроиться в этом помещении, то непременно получит отказ. Но если его просьбу поддержит благоразумный Рэд, позволение будет дано. Значит, сначала необходимо уломать Рэда.

Тот неожиданно поддержал младшего брата и даже вызвался сам уговорить отца и получить от него позволнение привести замысел в исполнение. Взялся и сделал: позволнение было получено.

В тот же день братья приступили к делу. Прежде всего они принялись углублять, расширять и удлинять яму, так чтобы она стала футов^[1] шести в высоту и ширину и не менее четырнадцати в длину. На этот труд потребовалось немало времени, и Ян усердно предавался ему каждую свободную от школьных занятий минуту. Что же касается Рэда, то он кое-как поработал только в первый день, а потом отлынивал под разными предлогами.

Когда земляные работы были закончены, нужно было взвести стены и настлать полы. Ян добывал для этого материал, а Рэд, как искусный плотник, принялся помогать ему в сколачивании и прилаживании по местам досок.

Частенько случалось, что Рэд, поработав немного, ссылался на неотложные дела, бросал работу и уходил, а Ян был вынужден

продолжать ее один, следуя указаниям, оставленным братом.

В один прекрасный день мастерская оказалась полностью готовой. Были сколочены стены, настлан пол, прорублены окно и дверь, которую даже снабдили замком с ключом. Ян был на седьмом небе от радости и гордости по поводу так успешно воплощенного замысла. Убрав последнюю соринку с пола и торжественно расставив самодельную мебель, мальчик восторженным взором обвел помещение, как вдруг Рэд сухо сказал:

– Ну, теперь выйдем отсюда и запрем дверь.

Ян покорно вышел вслед за братом. Тот запер снаружи дверь, положил ключ в карман и тоном, не допускавшим возражений, добавил:

– С этой минуты ты не должен даже носа сюда совать. Мастерская *моя*, потому что разрешение на ее устройство было дано отцом *мне*, и тебе здесь делать нечего!

Если бы дом, под которым была устроена мастерская, вдруг разрушился и придавил под своими обломками Яна, последний не испытал бы большего отчаяния. Так после всех хлопот и трудов Ян остался ни при чем, и его радость сменилась горьким разочарованием.

Второй брат Яна, Альмер, был моложе его на полтора года и почти одинакового с ним роста; но этим и ограничивалось сходство между братьями. Целью жизни Альмера было поражать всех своим изяществом. Однажды он привел в сильное смущение мать, вставив в свою детскую молитву следующую «отсебятину»:

– Господи, сделай меня, ради Христа, самым франтоватым щеголем!

Тщеславие было главной слабостью Альмера, а лень – главным пороком. Лестью его можно было заставить сделать что угодно, лишь бы только это не требовало особенного труда с его стороны. Он жаждал известности и признания; желал, чтобы все смотрели на него, отличали его в толпе. Однако усилий ради достижения всего

этого Альмер старался избегать; по его мнению, всё должно было делаться само собой, в силу одного его желания.

В школе он считался безнадежным лентяем, тупицей и олухом; он учился на три класса ниже Яна и был последним учеником. По приказу отца Ян и Альмер ходили в школу вместе, но там почти не встречались, – слишком уж мало было у них общего. К тому же «индейские вкусы» Яна внушали ему ужас.

– Фу, до чего противные эти индейцы! – презрительно говорил он. – Живут безобразно, одеваются Бог знает во что! Это то же, что обезьяны. Смотреть на них ради любопытства, пожалуй, еще можно, но *подражать* им – слуга покорный! Для этого надо быть человеком, лишенным всякого понятия об изяществе и порядочности.

Таковы были братья Яна, и потому неудивительно, что он чувствовал себя рядом с ними одиноким.

Глава 4

Книга

Вскоре после печальной истории с мастерской в жизни Яна произошло событие, имевшее для мальчика серьезные последствия. Однажды он прочел в газете, что в свет вышла книга «Птицы Канады». Стоила книга один доллар.

Она страшно заинтересовала Яна, и мальчик первый раз в жизни пожалел о том, что у него нет денег. Ему во что бы то ни стало было нужно раздобыть этот доллар!

Никогда раньше деньги не казались Яну такими необходимыми, как в эти дни, и он весь отдался погоне за ними. Выигранные им в разное время мраморные шарики он принялся обменивать на кубари^[2], кубари – на другие игрушки, а потом и на мелкие монеты. Кроме того, Ян за самую ничтожную плату оказывал разные мелкие услуги соседям: колол и носил дрова, таскал воду для поливки сада, ходил за покупками и так далее.

Прошло шесть недель, прежде чем в руках мальчика оказался долгожданный доллар. Чувствуя себя богачом, Ян бросился в книжную лавку за книгой.

Его вдруг обуял страх: что если книга уже распродана или цена ее возросла? Однако, к его радости, ничего подобного не случилось. Приказчик молча потянулся к полке за книгой, но прежде чем достать ее, спросил:

- Вам в каком переплете, в красном или зеленом?
- В зеленом, – поспешил наобум ответить Ян и, затаив дыхание, с ужасом ждал, что будет дальше.
- В зеленом переплете книга стоит девяносто пенсов, – равнодушно объявил приказчик, кладя книгу на прилавок.
- Девяносто пенсов!.. – повторил пораженный мальчик.

Господи, если бы он знал раньше, что книга в зеленом переплете стоит только девяносто пенсов! От скольких душевных терзаний он был бы избавлен!

Ян поспешил вручить продавцу требуемую сумму и прижал книгу к груди. По дороге домой он не утерпел, на ходу принялся перелистывать ее – и тут же несколько разочаровался.

Он не нашел в книге того, чего так жаждал, но обвинил в этом самого себя: ему казалось, что он недостаточно внимательно читает книгу. Мальчик принялся перечитывать ее от корки до корки; впоследствии он даже выучил ее наизусть, уверенный, что так овладеет всеми чудесами и тайнами пернатого царства... Только через пять лет он понял, что эта книга была самой бессовестной стряпней, часто преподносимой доверчивой публике под видом научного труда.

Но при всех своих недостатках книга содержала и кое-что полезное: в ней оказался перечень названий птиц и несколько десятков их изображений, правда, сомнительного качества.

Глава 5

Незнакомец

Каждый год весной Яна неудержимо тянуло на природу. Как-то чудесным апрельским днем мальчик отправился в лес неподалеку от города. Лес был полон неизвестных цветов, птиц, тайн и звуков. Из каждого куста, с каждого дерева неслись голоса. Гомон стоял и в густой осоке вокруг прудов и луж. «Пип-пип-пип!» неслось отовсюду. Но как только Ян приближался к месту, откуда исходили эти приветствия, они тотчас же умолкали, чтобы возобновиться с новой силой, когда мальчик отходил прочь.

Особенно заинтересовал Яна тонкий писк, который раздавался возле большого заросшего пруда. Мальчик бросал в воду камешки и сухие ветки, шарил руками в высокой осоке, но так и не смог заставить «пискунов» показаться.

Зато под старым гниющим пнем Ян заметил маленькую ящерицу, которая тотчас же скрылась в глубокой ямке. «Уж не свистящая ли это ящерица?» – подумал мальчик.

Не успел Ян отойти от воды, как таинственный писк возобновился с новой силой. Обрадованный мальчик бросился назад к пруду – звук снова смолк. Казалось, кто-то дразнит мальчика, манит, зовет играть с ним в прятки.

Лежа на животе, Ян притаился в густой траве на берегу пруда и стал внимательно следить за каждым движением в воде. Он так увлекся, что едва услышал позади себя чьи-то шаги.

Оглянувшись, Ян увидел наблюдавшего за ним незнакомца. Это был человек средних лет в сильно поношенной одежде. За плечами у него болтала зеленая жестянка на ремне, а в правой руке человек держал сачок для ловли насекомых. Взгляд серовато-голубых глаз был задумчивым и мягким.

– Что ты тут ищешь, дружок? – обратился незнакомец к Яну.

Голос у него был приятный, а в произношении слышался шотландский акцент.

– Ничего не ищу... – отрывисто ответил мальчик, пытаясь подавить в себе смущение. – Мне хотелось посмотреть на ящериц, которых называют «свистящими». На самом деле они не свистят, а пищат...

Незнакомец улыбнулся:

– Сорок лет назад я, как и ты, лежал у пруда и старался разгадать тайну весеннего пискуна... Много дней провел я там понапрасну, и только на третью весну мне повезло. Тебе не придется терять столько времени. Вот смотри!

С этими словами незнакомец опустил руку в воду и вытащил небольшого лягушонка, не больше дюйма^[3] в длину.

– Вот твоя «свистящая ящерица», – с добродушной улыбкой продолжал он. – Как видишь, это вовсе не ящерица, а обыкновенная лягушка... Именно она и пищит здесь всю весну. А не видно ее потому, что она высовывает из воды только нос, да и тот старается скорее спрятать, если кто-нибудь к ней подходит... Возьми эту пищунью с собой, посади ее в банку с водой и корми хорошенько. Тогда увидишь, как она будет надувать горлышко и свистеть.

Смущение Яна совсем прошло, и он рассказал незнакомцу о ящерице, которую видел под пнем.

– Вряд ли то была ящерица, дружок, – возразил незнакомец. – Я их здесь никогда не видел. Это, вероятнее всего, тритон. А ящерица – та же змея, только с ногами...

Объяснения незнакомца были настоящим откровением для любознательного мальчика. Его недоверие к чужому человеку совершенно исчезло. Он засыпал незнакомца вопросами и сообщил ему о приобретенной книге про птиц, не вполне удовлетворившей его. Незнакомец неожиданно рассердился, когда узнал имя автора, и саму книгу назвал «бездобразной чепухой».

Поведал Ян и обо всех своих стремлениях, смущениях и неудачах. На все это он нашел в своем собеседнике теплый, сочувствующий отклик, на все вопросы – ясные ответы. Мальчик узнал, что черная

птица, которую он видел в поле, называется «тоу-хи»; что нежные «клёк-клёк-клёк» в весеннем лесу издает серый дрозд; что птица с красной головой и золотистыми крыльями и хвостом, поражавшая мальчика своей красотой в окне набивальщика чучел, называется «златокрылым дятлом»...

Над головами собеседников быстро пронеслась черная бабочка, и Ян узнал, что это – «кембервельская красавица» и что она появилась из обычновенной коричнево-черной гусеницы.

По ярко-голубому небу носились стаи диких голубей, и незнакомец рассказал мальчику о гнездовьях этих птиц на далеком юге, о том, что весной голуби устремляются на север в поисках орешков гладкоствольного канадского вяза, что в августе они летят на рисовые поля штата Каролина, а осенью – в долину Миссисипи, где в лесах созревают дубовые и буковые желуди.

Было уже далеко за полдень, когда незнакомец прервал свою лекцию и объявил, что ему пора уходить.

– Ну, до свидания, дружок, – проговорил он и протянул мальчику руку. – Надеюсь, мы еще увидимся?

Ян горячо пожал протянутую руку. Но, занятый своими мыслями, он даже не спросил, ни как зовут его спутника, ни где он живет. Он спохватился только потом, когда незнакомец скрылся из вида. Потом Ян часто бродил в тех местах, надеясь на новую встречу, но незнакомца словно след простыл.

Глава 6

Гленьян

Ах, какую чарующую песню пели в тот год дикие гуси! Как пронизывал сердце Яна их громкий походный трубный клич! Какой страстный отклик пробуждал он в сердце мальчика, задевая его тайные струны!

Стараясь вникнуть в смысл этой чарующей песни, Ян долго шел вверх по реке, по самым пустынным местам, выбирая безлюдные пути, все дальше и дальше на север. В одном месте река повернула на восток, но с севера в нее впадал небольшой ручей, и Ян продолжал следовать вдоль этого ручья по лесной чаще, пока, наконец, не очутился в небольшой долине, сплошь поросшей величественными деревьями.

Огромные вязы, сосны, ели и березы осеняли своей прохладной тенью светлый, весело журчащий ручеек. Всюду пестрели цветы; по вершинам деревьев перепархивали веселые птички и шныряли болтливые красные белки. На влажном песке вдоль ручья виднелись следы выдр и других мелких четвероногих, еще неизвестных Яну. Высоко над его головой в золотистых сумерках лесного полудня какие-то незнакомые еще ему птицы выводили звонкие протяжные трели.

Место было такое уединенное и волшебно-прекрасное в своей первобытной чистоте, еще не тронутой рукой человека, что Ян почувствовал себя точно в раю. Уверенный, что до него ничья нога еще не ступала в этот чудесный уголок и он первый открыл его, мальчик назвал это действительно райское местечко своим полным именем – Гленьян.

Этот живописный укромный уголок сделался средоточием всех помышлений Яна. Сюда он приходил отдохнуть душой, лишь только у него появлялась возможность отлучиться на несколько часов из

дома. Ему было так хорошо здесь, что он тщательно скрывал ото всех тайну этого убежища. Мальчику иногда хотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью, и он страстно искал новой встречи с незнакомцем, давшим ему столько бесценных сведений, и мечтал, как он приведет его сюда, в Гленьян, но в то же время и боялся, что тогда его тайна уже перестанет принадлежать ему одному и окажется общим достоянием.

Мальчик всегда томился тоской по лесу, и два года назад горько плакал, когда узнал, что отец был вынужден продать принадлежавший ему участок земли, покрытый роскошными деревьями. Теперь же Ян мог всласть любоваться наклонившимися над журчащим ручьем зелеными лесными великанами, считая их своей неотъемлемой собственностью, упиваться раздававшимся для него одного птичьим многоголосием, влюбленными глазами следить за потешной возней проворных белок или разглядывать следы разных лесных зверьков на песке.

Нет, очень хорошо, что у него не было никого, кому он мог бы открыть тайну этого восхитительного местечка! Ведь это значило бы, что Гленьян очень скоро сделается известен всем, в него нахлынут целые толпы глупых зевак и вся прелесть этого чудесного уголка будет испорчена.

– Нет, пусть лучше эта тайна умрет вместе со мной! – твердил себе мальчик, лежа в густой тени на берегу неумолкавшего ручья. – Это мой рай, только мой, и я никому ни за что не отдам его!

Глава 7

Хижина

С помощью самых простых орудий Ян принялся строить в своем «царстве» жилище. Он часто вспоминал об отличных инструментах Рэда, но опыт с мастерской научил его не прибегать к помощи брата.

Место для постройки хижины Ян выбрал на зеленом бугорке, на самом берегу ручья, среди чащи деревьев. Хижина там была укрыта со всех сторон: это способствовало сохранению его тайны. Он читал в какой-то книге, как пронырливые лазутчики, пробираясь среди джунглей и раздвигая ветви кустарника, вдруг увидели перед собой прекрасно устроенное жилище, о существовании которого в таком месте никто не мог и подозревать. Точно такое же тайное жилище Ян хотел устроить и для себя.

Самодельной лопатой Ян принялся копать отвердевшую глину на берегу ручья. Ценой неустанного труда в течение двух праздничных дней мальчику удалось вырыть яму в семь футов шириной и в четыре фута длиной. Здесь он и намеревался воздвигнуть хижину.

Для хижины было нужно не менее двадцати пяти бревен. Как добыть их при отсутствии настоящего топора и пилы? Ян утешил себя тем, что индейцы в подобных случаях обходятся первобытными орудиями и используют самые простые способы, и приступил к работе.

Каждое дерево, вернее, каждый годный обрубок тотчас же водворялся на место. Другие строители сначала собирали бы весь необходимый материал и только потом начали бы прилаживать его, куда следует. Но Ян сгорал нетерпеливым желанием увидеть скорее, как будут возводиться стены, поэтому поступал по-своему.

Вскоре постройка достигла трех футов в высоту. Бревна отличались полнейшим разнообразием: одни были слишком длинны,

другие – коротки, третьи – совсем кривые; кроме того, большинство из них были полугнилыми, потому что такие легче было срубать.

Трехфутовой высоты стен было, конечно, недостаточно; необходимо довести их, по крайней мере, до пяти футов. Подходящего материала поблизости более не оказалось. Бродя по окрестностям, Ян обнаружил груду отличных кедровых стволов, когда-то кем-то срубленных, а потом, вероятно, за ненадобностью, брошенных. Стволов оказалось двенадцать штук, то есть именно столько, сколько не хватало.

Каждый ствол пришлось тащить, конечно, отдельно. На этот труд юный строитель потратил несколько воскресений и благополучно довел его до конца.

Девять стволов пошли на добавление высоты стен, а остальные три были употреблены на стропила. Ян расположил их на равном расстоянии друг от друга и покрыл толстым слоем валежника. Поверх он настелил траву и кору вяза, а затем обмазал крышу глиной. Чтобы она не очень выделялась среди ветвей, Ян разбросал по ней хворост и зеленые ветки.

Потом мальчик проконопатил стены мохом и глиной, вставил дверь – и хижина была готова.

В заключение Ян уничтожил все следы своего строительства, чтобы по ним никто не мог догадаться о существовании в этом месте лесного дворца. Этот «дворец», шести футов в ширину и длину и пяти в высоту, был очень неуклюже сложен, но его создатель чувствовал себя в нем вполне счастливым.

Глава 8

Первое знакомство с лесной жизнью

Сооружение хижины заняло целый месяц и так поглотило Яна, что ему было не до птиц и прочих вольных обитателей лесного простора. Таков был характер мальчика: увлекаясь чем-нибудь, Ян всецело отдавался этому и почти не обращал внимания на все остальное.

Привязавшись всем сердцем к своему маленькому царству, Ян, закончив строительство, стал мечтать о том, чтобы совсем поселиться в своем «дворце» или хотя бы провести здесь несколько дней. Однако он понимал, что это невозможно, пока он зависит от воли родителей.

Чтобы хоть в отдаленном будущем иметь возможность устроить жизнь по-своему, Ян принял усерднее учиться. Он с жаром читал книги, рассказывающие про лес и его обитателей.

Мальчик смастерили себе лук и стрелы. Они, впрочем, оказались никуда не годными, но Ян чувствовал себя настоящим индейцем, когда вооружался ими. Первые стрелы были с деревянными наконечниками, а последующие он снабдил железными, соорудив их из старых обручей. Эти стрелы он назвал «боевыми». Всаживая их из лука в ближайшее дерево, он прыгал от удовольствия и издавал победный клич индейцев, воображая, что убил свирепого врага.

Отыскав где-то лоскут овечьей шкуры, Ян соорудил из него жалкое подобие настоящих индейских мокасин; сломанный кухонный нож превратил в «боевое оружие» и сшил для него ножны из обрезков кожи. Две-три плитки акварельной краски и обломок зеркала, вставленный в расщепленную с одного конца палку, служили ему весьма существенным подспорьем, когда мальчик изображал на своем лице «индейскую татуировку».

Сестра подарила Яну ленту. Ею он обвязывал голову, украсив тремя вороньими перьями. Этот головной убор, по мнению мальчика, был вполне индейским. Разряженный таким образом, он с гордостью расхаживал по своему «царству» и все ближе знакомился со всеми особенностями вольной жизни.

Все, что попадалось ему под руку, он тащил в свой «дворец»: разные палки, кости, перья, черепа животных, коровьи рога, раковины. Он сам не мог объяснить, почему его так привлекали все эти ни на что не годные предметы. Из раковин он, впрочем, соорудил себе ожерелье, просверлив и нанизав их на рыбью спинную кость.

Целыми часами он лежал на солнцепеке и приходил в полный восторг, когда домашние ужасались его загару, сравнивая его с индейцем.

Ян старался во всем подражать индейцам: ходил неслышной походкой, оставлял разные знаки на деревьях, узнавал время по солнцу, выражал свои чувства гортанными индейскими восклицаниями.

Из березовой коры юный «индеец» настряпал себе разной посуды. Вставив деревянное дно, он сшивал ее по краям крепкими растительными волокнами, а щели замазывал сосновой смолой, так что посуда не пропускала даже воду.

Как-то раз на дворе отцовского дома Ян приметил доселе не знакомую ему птицу. Он притаился, чтобы не вспугнуть ее, внимательно рассмотрел и даже зарисовал. Птица была светло-серого, почти пепельного цвета, с темно-бронзовыми пятнами на голове и возле хвоста и с белыми полосами на крыльях. Ни его специальная книга о канадских птицах, ни другие книги, которые он мог достать, не дали ему никаких сведений о ней. Лишь впоследствии, через несколько лет, он узнал, что это был дубонос.

Мальчик рисовал множество птиц, которые попадались ему на глаза. Однажды у него появились сомнения: следует ли делать зарисовки и согласуется ли это вообще с индейскими взглядами? Но потом он припомнил, что краснокожие имеют обыкновение

разукрашивать свои щиты и другие предметы цветными изображениями разных животных. Сомнения рассеялись, и Ян продолжил свои наблюдения, делая бесконечные зарисовки.

Глава 9

Следы

На влажном песке возле ручья Ян однажды разглядел незнакомые ему следы и для памяти срисовал их. У него появилось предположение, что это следы енота, и при первом же удобном случае Ян показал набросок одному из местных охотников.

– Как вы полагаете, сэр, это следы енота? – робко спросил мальчик, показывая мужчине свой рисунок.

– Это в натуральную величину? – заинтересовался тот и сдвинул шляпу затылок.

– Да, сэр.

– Ты прав, парень, это действительно следы енота. Осмотря хорошенько все деревья вокруг того места, где ты нашел следы. Если в одном окажется дупло, а возле него найдутся волоски, там наверняка живет семейство енотов!

В первый же свободный день Ян поспешил воспользоваться этими драгоценными указаниями. Дуплистое дерево действительно вскоре было найдено возле ручья, и мальчик усердно начал зарисовывать его в свою тетрадку. Вскидывая время от времени на дерево глаза, он вдруг увидел и самого енота. Красивый зверек сидел на сучке перед дуплом и внимательно наблюдал за работой мальчика.

От такой приятной неожиданности Ян неосторожно испустил такое громкое «ах!», что енот в испуге юркнул в дупло. Но мальчик запомнил, как выглядел зверек, и потом по памяти нарисовал его.

Сведения Яна о мире животных и растений постепенно обогащались, и у него как-то само собой, инстинктивно, вырабатывался несомненно верный метод исследования.

Однажды он нашел в лесу растение, похожее на зонтик. Мальчик выкопал его и на корешке обнаружил белую луковицу. Ян откусил кусочек – по вкусу она напоминала обычновенный огурец. Мальчик

отправился в городскую библиотеку, разыскал учебник по ботанике и нашел статью об «индейском огурце». Описание этого растения вполне подходило к найденному Яном зонтику.

Спустя некоторое время Яну встретилось в лесу другое незнакомое растение. Мальчик попробовал пожевать его листья; он слышал, что так всегда делают индейцы для определения свойств незнакомых им растений. Но не успел он разжевать и один лист, как вдруг почувствовал сильную боль в желудке и в страхе бросился домой. Мать тотчас же развела в воде большую щепотку горчицы и заставила его выпить. А потом юного исследователя основательно выдрали и строго-настрого запретили дальнейшие опыты и лесные похождения.

Ян подчинялся этому запрету ровно два дня, а на третий снова удрал в лес и продолжил свои исследования. Только теперь он соблюдал всевозможные предосторожности относительно ядовитых растений.

Глава 10 Бриджита

В доме родителей Яна появилась новая служанка. Звали ее Бриджитой, или уменьшительно – Бидди. Бабушка этой девушки была известной знахаркой, исцелявшей людей от многих болезней с помощью растений. От нее и внучка нахваталась кое-каких сведений по ботанике.

Гуляя как-то с детьми, Бриджита нарвала большой пучок цветов и трав и наломала небольших веток с деревьев. Когда все уселись передохнуть, она начала свою лекцию по ботанике и народной медицине.

– Вот эта ветка с дерева сассафрас, – говорила она детям, раскладывая на скамье растения. – Настой из его листьев помогает при болезнях кожи. Это «кошачий клик», его настой пьют от простуды. Вот тсуга, из ее коры делают розовую краску; а для получения зеленой краски берут кору маслянистого ореха...

Лекция продолжалась довольно долго. Меньшие братья и сестры Яна слушали, как говорится, вполуха, но Ян с жадностью ловил каждое слово Бидди.

Когда весь пучок был разобран и каждая отдельная его часть была описана, «ученая» Бидди, как назвал девушку восторженный мальчик, решила похвастаться своими познаниями и в практической зоологии:

– Подержите паука-сенокоса за одну ножку и скажите: «Паук-паук, покажи мне, куда побежали коровы», или спросите его вообще о чем-нибудь пропавшем, и он тотчас же укажет вам это другой ножкой... Как-то раз я потеряла свои бусы; и он указал мне, где искать, и я нашла их.

Нельзя сказать, чтобы Ян очень уж верил этой части рассказа, но все-таки слушал Бидди.

– Кто тронет руками жабу, у того на руках обязательно появятся бородавки, потому что все жабы сами покрыты бородавками, которые очень прилипчивы. Поэтому никогда не следует трогать руками этих противных гадин. Змея всегда жалит языком. Попробуйте наступить ей на хвост, и вы увидите, как она вдруг поднимет голову, чтобы ужалить вас... Хвост у нее отпадает каждый вечер, когда заходит солнце, а к утру вырастает новый...

И эта лекция продолжалась бы, вероятно, не менее предыдущей, но Яну больше понравилась первая лекция, о растениях. Он решился перебить лекторшу и попросил подробнее рассказать о некоторых растениях. Девушка охотно исполнила эту просьбу.

Ян и впоследствии часто расспрашивал Бидди. Он слышал, что индейцы хорошо знают названия и свойства всех деревьев и растений в своих лесах, и страстно желал усвоить эти знания. Девушка, очень польщенная этим, всегда охотно делилась с ним всем, что знала.

Глава 11

Целебный бальзам

Как-то раз Бриджита, проходя с Яном по окраине города, указала своему юному спутнику на небольшое дерево и сказала:

– А вот и черная вишня.
– То есть *дикая* вишня? – хотел поправить ее мальчик.
– Нет, именно черная, а не дикая! – настаивала на своем девушка. – Дикая вишня ни на что не годится, а кора черной очень полезна при болезни легких. Бабушка всегда держит у себя эту кору...

В этот же день Бидди с Яном отправились за корой черной вишни. Девушка принялась острым топориком надрезать на вишневых деревьях кору, а своему спутнику поручила сдирать ее.

– Только та и годится, которая находится на солнечной стороне, – поясняла она мальчику, когда он спросил, почему надрезы делаются не вокруг всего дерева, а лишь с одной его стороны.

По возвращении домой Бидди попросила у Яна перочинный ножик и осторожно сняла с коры верхний твердый слой. Очищенную таким образом кору она положила в глиняный кувшин, залила водой и поставила на неделю в чулан настаиваться. По прошествии этого времени вода в кувшине превратилась в коричневый кисель с горьким вкусом, но довольно приятным запахом. Разбавив этот кисель водкой и подсластив сахаром, Бидди слила всю смесь в стеклянную банку и туго обвязала ее.

– Вот легочный бальзам и готов, – довольно объявила она. – Бабушка страх сколько вылечила им больных... Вот, например, хоть Бёд Эллис. От него уж и все доктора отказались; говорили, что у него и легких совсем не осталось. А бабушка дала ему этого бальзама и научила, как делать его. Через полгода от его чахотки и следа не осталось...

С этого времени Бидди стала постоянно жаловаться на боль в груди, и эта боль утолялась только несколькими рюмками легочного бальзама. Но, должно быть, бальзам действовал не только на грудь, но и на голову, и если был полезен для груди, то нельзя сказать того же про голову, потому что Бидди стала пренебрегать своими обязанностями и вообще очень странно вести себя. В конце концов ее уволили и взяли на ее место другую служанку.

Домашний врач подтвердил слова Бидди о пользе бальзама из коры черной вишни. Ян поспешил записать способ приготовления этого чудодейственного средства, хотя и был крайне огорчен тем обстоятельством, что пришлось расстаться со своей учительницей.

Мальчик по-прежнему проводил все праздничные дни в своем «царстве». Перед возвращением домой он тщательно прятал свой индейский наряд, смывал с лица татуировку и надевал ненавистный бумажный воротничок, который был обязан носить в городе.

Глава 12

Кризис

В конце лета Ян, наколов дров для кухни, поспешил в свой маленький рай. Добравшись до своего «царства», он пошел медленнее, с наслаждением вдыхая лесной воздух и прислушиваясь к веселому пению пернатых певцов, как вдруг услышал грубые человеческие голоса.

Пораженный такой неожиданностью, мальчик опустился на землю и стал пробираться вперед ползком, пока не добрался до дерева, за которым находилась его хижина. В открытую настежь дверь было видно, что в хижине сидели трое бродяг; они играли в карты и громко ругались. На полу перед ними стояла большая бутыль, очевидно, с водкой. В костре догорал лук со стрелами.

Отчаяние Яна при виде непрошеных гостей было выше его сил. Не помня себя от горя, он бросился в укромный уголок, в стороне от своего оскверненного святилища, и там дал волю обуревавшим его чувствам. Он горько плакал и в бессильном бешенстве вырывал пучками траву, колотил кулаками землю. Тем временем бродяги, прикончив бутыль с водкой, принялись с веселыми воплями разрушать то, что мальчик так любовно построил...

Маленький рай Яна был уничтожен. Подавленный, мальчик уныло поплелся домой.

Вскоре наступила осень с ее короткими днями, резкими ветрами и холодными дождями. Ян старался не думать о своем навсегда потерянном «царстве», он с головой ушел в школьные занятия и книги. Дома мальчик по-прежнему чувствовал себя совершенно одиноким, здесь его никто не понимал, и ему не с кем было делиться своими чувствами и мыслями.

С каждым днем Ян становился все худее и бледнее. Он и раньше не отличался крепким здоровьем, а теперь выглядел совсем

больным. Дома никто не замечал этой перемены. Отец был занят своими делами, а все помыслы матери сосредоточивались на других детях и на хозяйстве.

До самого Рождества мальчик постепенно хирел, но мужественно перемогался, пока совсем не свалился.

– У него полное истощение сил, и более двух месяцев он вряд ли проживет, – изрек врач, исследовав Яна.

– Разве в его годы умирают от этого?.. Он должен жить! – кричала мать. – Спасите моего сына, доктор!

– Сделаю, что могу, – сочувственно ответил тот.

Опытному врачу пришлось побороться, чтобы вырвать из цепких когтей смерти молодую жизнь. Все это время мать почти не отходила от постели Яна и окружила его самой теплой заботой. Боясь потерять сына, она смирилась с его стремлением к жизни среди природы.

Глава 13

Рысь

К весне Ян уже настолько окреп, что опять мог совершать длинные прогулки. Ясным мартовским днем он в сопровождении собаки отправился за город. Чувствуя в себе с каждым шагом прилив новых сил, Ян машинально повернулся к своему «царству».

Очутившись в долине, он заметил следы, ясно отпечатавшиеся на свежем снегу. Они с первого взгляда походили на медвежьи, но были не такими глубокими.

Ян направился по этому следу. Собака подозрительно обнюхала его, фыркнула и почему-то не решилась взять его; мальчик заставил ее идти насильно. Проходя мимо развалин своей хижины, мальчик взглянул на них с сердцем, полным горечи. Далее след вел по переброшенному через ручей бревну.

У мальчика мелькнула мысль, что отпечатки на снегу оставила большая рысь. Ян подобрал толстую сухую жердь и смело пошел вперед, увлекаемый жаждой новых знаний. Грип (так звали собаку) очень неохотно следовал за ним, выказывая явное намерение повернуть назад.

В конце долины, где начиналась густая лесная чаща, Ян вдруг услышал громкое, почти кошачье: «яу! яу! яу!»

Ян замер на месте. Грип, весь дрожа, прижался к нему. Между тем крик слышался все отчетливее, и наконец мальчик увидел, что из-за деревьев к нему приближается рысь. Пес в ужасе бросился наутек. Мальчик был совершенно безоружен, и потому был вынужден последовать примеру собаки.

Дома Ян решился поведать старшему брату про свою встречу с рысью. У Рэда было ружье – и это решило дело.

– Рэд, хочешь ли отправиться на интересную охоту? – спросил Ян.

– Конечно, если она действительно интересная, – ответил старший брат.

– Я знаю одно местечко, где много разной дичи, – с воодушевлением продолжал мальчик.

– Ну да, много ты знаешь!

– Сам увидишь! Я покажу тебе одно местечко, если будешь держать язык за зубами.

– Ладно. Где это?

– В лесу, в нескольких милях от города. Я вчера встретил там большую рысь! Пойдем туда в следующее воскресенье! Только захвати с собой ружье.

– Ладно, пойдем. Но если ты врешь, пеняй на себя...

В ближайшее воскресенье братья отправились в лес. Ян, как настоящий индеец, повел брата в обход, стараясь «запутать следы».

Но не успели мальчики дойти до указанного Яном места, как навстречу им из кустарника вдруг вышел какой-то незнакомец. На плече он нес убитую рысь.

На расспросы братьев незнакомец сообщил, что вообще-то рыси в окрестностях не водятся, а эта, скорее всего, забрела сюда случайно.

Убитое животное было очень красиво. Полосы на голове рыси и широко открытые янтарного цвета глаза придавали ей большое сходство с тигром.

Надежды братьев на интересную охоту не оправдались. Душу Рэда терзала досада неудовлетворенного охотника, но Ян был вполне доволен – ведь он точно определил породу ни разу не виденного им животного, руководствуясь только поверхностным его описанием в школьном учебнике.

Глава 14

Мать и сын

С момента болезни Яна мать, боясь потерять сына, стала выказывать некоторое участие к его увлечениям. Это, главным образом, и сблизило сына с матерью.

В ней мальчик нашел поверенного, которому мог открыть душу. С увлечением рассказывал Ян о растениях и животных и о том, как он переживал, когда не мог узнать их названий.

Как-то мать и сын прогуливались по берегу небольшой реки. На одном из прибрежных камней сидел береговой жаворонок и, греясь на солнышке, весело посвистывал. Ян стал осторожно подкрадываться к птичке, но она заметила его и вспорхнула. Мальчик бросил в нее палку, которую держал в руках. Палка попала в цель, и птичка упала на землю, беспомощно трепеща крылышками. Ян бросился к ней, подхватил и вернулся с ней к матери. Бедное пернатое существо несколько минут судорожно потрепетало у него на руке, потом, склонив на бок головку, безжизненно вытянулось.

Мать была сильно огорчена таким поступком сына.

– Так вот какова твоя любовь к животным! – с горьким упреком воскликнула она. – Первая весенняя птичка попалась тебе на глаза, и ты убил ее!.. Такой любви я не понимаю. По-моему, любовь состоит не в разрушении того, что любишь, а в сохранении...

Ян был подавлен. Полными слез глазами смотрел он на мертвую птичку, неподвижно лежавшую у него на руке:

– Мне так понравилась эта птичка, что во что бы то ни стало захотелось поближе увидеть ее. Мне было очень досадно, что она улетает и я не успею рассмотреть ее... Если бы у меня была возможность каждый день любоваться на жаворонка, я ни за что не бросился бы следом... Мне хотелось только взять его, а не убивать... Это вышло совсем нечаянно, против моей воли...

Мать на минуту задумалась и потом сказала:

– Нет, сынок, как ты ни рассуждай, как ни вертись, ты все-таки виноват, потому что забыл великую Божью заповедь, призывающую нам миловать и скота.

Она умолкла и взглянула на сына. Ян низко склонил голову и глубоко задумался.

Часть вторая Сангера – Сэм

Глава 1

На новом месте

Яну исполнилось четырнадцать лет. Длинноногий и болезненно худой, он очень быстро рос, и домашний врач посоветовал родителям отправить мальчика на год в деревню.

Так Ян оказался на ферме Уильяма Рафтена в Сангере. Это было небольшое местечко, основанное преимущественно выходцами из Ирландии, народом крепким, трудолюбивым, и, главное, земледельческим. Кроме того, каждый взрослый мужчина и даже подросток в Сангере были прирожденными плотниками.

Мистер и миссис Рафтен встретили Яна на станции. Поужинав в местной таверне близ станционного здания, поехали на свою ферму и торжественно ввели мальчика в довольно обширное помещение, служившее одновременно кухней, столовой и гостиной.

За огромной печью сидел рослый, неуклюжий подросток с огненно-рыжими волосами, маленькими темными глазами и печальным лицом.

Обернувшись в его сторону, мистер Рафтен крикнул:

– Сэм, иди познакомься с новым членом нашей семьи!

Подросток с чисто медвежьей неповоротливостью выступил вперед, вяло обменялся с Яном рукопожатием и, буркнув: «Очень приятно!», тотчас же ретировался на прежнее место за печью, откуда украдкой и принялся наблюдать за новоприбывшим.

Хозяева отправились по своим делам. Ян, оставшись в обществе этого молчаливого подростка, ощутил себя несчастным.

Мальчик трудно привыкал к мысли о том, что ему пришлось покинуть любимую школу и переехать на ферму, однако потом он нашел, что променять тесный город на сельский простор совсем недурно. Целый год жизни под открытым небом, среди полей, лугов и лесов!

Но теперь, когда он очутился один среди чужих людей, его вдруг охватила тоска. Вернувшаяся в дом миссис Рафтен сразу поняла, в чем дело. «Тоскует по родительскому дому, – подумала она. – Ничего, завтра все пройдет!»

Она взяла мальчика за руку, повела его наверх и уложила там в постель. Немного погодя, она вернулась взглянуть, хорошо ли ему спать. Добрая женщина подоткнула вокруг Яна одеяло и, наклонившись, поцеловала мальчика в лоб. Заметив, что его лицо мокро от слез, она прижала его к груди, поцеловала еще раз и, ласково проговорив: «Не грусти, милый, завтра будет легче!», оставила мальчика одного.

Действительно, на другой день тоску как рукой сняло. Ян бодро вскочил с постели и с восторгом отдался интересам нового для него мира.

Уильям Рафтен оказался собственником нескольких благоустроенных ферм и каждый год расширял свои владения. Это был человек строгий и даже суровый, но все, кто близко знал его, понимали, какое мягкое сердце прячется у него в груди.

Почти неграмотный, он преклонялся перед ученостью и постоянно говорил, что не пожалеет никаких средств, лишь бы сделать своих детей образованными людьми, причем вся образованность, по его убеждению, сводилась к умению бойко читать, писать и считать.

Рафтен не переносил дурного обращения с животными. «Человек может жаловаться, если он несправедливо обижен, а бессловесное животное лишено этой возможности», – часто повторял он. Рафтен был единственным фермером, ни разу не позволившим себе даже помыслить о том, чтобы убить или продать на убой состарившуюся лошадь. Один из его коней целых десять лет прожил у него на «пенсии».

Миссис Рафтен была очень миловидной, отчасти даже изящной женщиной. Превосходная хозяйка, неутомимая помощница мужа, она была беззаботно предана ему и детям, которых было двое: пятнадцатилетний Сэм и трехлетняя Минни.

Обязанности Яна на ферме, строго определенные Рафтеном, состояли в присмотре за птичьим двором и отчасти за скотным. Кроме того, мальчик был обязан помогать Сэму в некоторых других делах по хозяйству. Дел было порядочно, но оставалось достаточно времени и на удовлетворение личных интересов Яна. Рафтен был справедливым человеком: если мальчики добросовестно исполняли свои обязанности, строго соразмеряющиеся с их силами и способностями, он предоставлял им полную свободу в остальное время.

Глава 2 Сэм

Сын Рафтена, Сэм, оказался лучше, чем на первый взгляд. Его неуклюжие манеры и протяжная, певучая речь придавали ему вид дурачка, хотя на самом деле он вовсе не был им.

После того, как сам Рафтен ознакомил Яна со своим домом в общих чертах, Сэм посвятил нового товарища по все подробности.

– Вот наша гостиная, – протянул он своим певучим голосом, вводя Яна в какую-то запыленную комнату в нижнем этаже.

Гостиную открывали только изредка, в особо торжественных случаях. Зато в ней оказалось кое-что, сразу послужившее поводом к сближению Яна с Сэном, а именно – собрание яиц разных птиц, размещенное на подстилке из отрубей в деревянном ящике со стеклянной крышкой. Некоторые из яиц были даже снабжены надписями. Никто особенно не интересовался этими яйцами, но для Яна и Сэма они оказались драгоценным связующим звеном.

– Сэм, ты любишь такие штуки? – сразу оживился Ян.

– Очень даже люблю! – ответил молодой Рафтен с таким оживлением, которого никак нельзя было и подозревать в этом апатичном с виду подростке. – Я бы много набрал их, да отец не велит. Он считает, что это нехорошо: пусть, говорит, эти яички лучше остаются в гнездах, чтобы из них выходили птицы.

– А какие птицы здесь водятся?

– Разные. Я знаю всех птиц в окрестностях и как они живут.

– Это интересно! – воскликнул Ян. – Ты мне потом, пожалуйста, расскажи.

– Хорошо... Я бы тебе и яичек набрал, да вот отец... Он сказал, что если я не стану больше разорять гнезда, он позволит мне поохотиться на кроликов и даже пострелять из ружья.

– А здесь и кролики есть?

– Прошлой зимой я добыл себе целых трех... Какие они потешные!

– Зимой! – разочарованно воскликнул Ян. – А теперь?

– Можно поискать, хотя не знаю, удастся ли нам найти... Ведь они больше зимой... В воскресенье, как закончим работу, попрошу у отца позволения, и мы с тобой отправимся на охоту.

«Как закончим работу» было любимой фразой Рафтенов. Ею они начинали и заканчивали каждый разговор.

Открыв ящик небольшого стола, Сэм вынул оттуда разные интересные «редкости»: несколько кремневых наконечников от индейских стрел, обнаруженных им при вспахивании поля, челюсть бобра, найденную в реке, и плохо сделанное чучело совы.

Вид этих «драгоценностей» восхитил Яна.

Польщенный Сэм с гордостью пояснил:

– Я сам застрелил эту сову у нас в амбаре.

На почве общих интересов мальчики быстро подружились. Однажды Сэм после ужина отвел Яна в сторону и таинственно шепнул ему:

– Поклянись, что никому не скажешь, и я тебе кое-что покажу.

– Клянусь всеми святыми!

Сэм удовлетворился такой клятвой и повел приятеля в амбар. На полдороге он вдруг спохватился:

– Забыл одну вещь! А ты ступай в сад и жди меня под старой яблоней.

Вернувшись, Сэм торопливо шепнул Яну:

– Пойдем скорее!

Он повел товарища на другой конец сада, к старой бревенчатой хижине, превращенной теперь в амбар. В ней Рафтены обитали до того, как выстроили кирпичный дом.

Мальчики поднялись на чердак. Там Яну пришлось снова повторить клятву «вечного молчания». После этого Сэм порылся в каком-то ящике и последовательно извлек оттуда несколько стрел, заржавленный железный капкан, большой старый нож, с десяток

рыболовных крючков, обточенный кремень и стальной бруск для выsekания огня, коробку спичек и какой-то грязный кусок, оказавшийся, по словам Сэма, сушеным мясом.

– Вот! – торжественно произнес он, показывая все эти предметы Яну. – Я всегда хотел быть охотником. Но отец говорит, что я должен сделаться зубным врачом. Он считает, что охотой немного раздобудешь, а зубные врачи зарабатывают пропасть денег... А еще он говорит, что отправит меня в колледж, чтобы сделать из меня адвоката, если я не хочу быть зубным врачом. Адвокаты зарабатывают еще больше. Отец это хорошо понял, с тех пор как у него была тяжба с Бойлем... А я не хочу быть и адвокатом, – вздохнул Сэм.

В ответ на эту откровенность, выражавшую полное доверие Сэма к новому приятелю, Ян также открыл ему свое сердце. Он рассказал о своем маленьком лесном царстве, о том, как он построил там хижину, как любил ее и что с ней сделали разбойники. Весь красный от волнения и захлебываясь от вновь переживаемых чувств, охвативших его при воспоминании о счастливом прошлом лете, мальчик не упустил ни одной подробности. Сердце его вновь закипело жаждой лесной жизни и ничем не стесняемой свободы.

– А твой отец не будет против, если мы выстроим себе хижину в его лесу, на берегу реки? – спросил Ян.

– Думаю, что нет, – ответил Сэм. – Только сначала нужно сделать всю работу...

Глава 3 Вигвам

Позволение у мистера Рафтена юные приятели выпросили на следующий же день и, закончив свою работу на ферме, отправились в лес выбирать подходящее место. Сэм привел своего друга к поросшему кедром болоту и сказал, что если его обогнуть, то попадешь на небольшую возвышенность, вполне удобную для постройки хижины. По топи туда было не больше сотни шагов, но обходной путь оказался довольно длинным.

Зато само место было действительно великолепным и годилось для постройки не только небольшой хижины, но и настоящего жилого дома: высокое, сухое, поросшее редкими, но густыми деревьями. Внизу протекала речка, образуя прелестный заливчик.

Ян был в восторге. Сэм, догадавшийся захватить с собой топор, выразил полную готовность хоть сейчас приступить к рубке необходимых для постройки хижины деревьев. Но Ян вдруг сказал:

– Знаешь что, Сэм? Нам лучше сделаться не белыми охотниками, а индейцами...

– Вот еще что выдумал! – возразил молодой Рафтен. – Отец говорит, что белые все делают лучше индейцев...

– Неправда! – горячо перебил Ян. – Разве заметит какой-нибудь белый след мокасина на камне? Разве он выживет в лесу, не имея при себе никакого оружия, кроме ножа? Сможет охотиться за крупными животными с простым луком и стрелами? Нет, Сэм, белые ничего этого не умеют! Поэтому, если мы хотим быть настоящими охотниками, нам лучше стать индейцами.

Убежденный этими доводами приятеля, Сэм согласился.

– Но тогда нам нужно устроить не хижину, а типи^[4]... – продолжал Ян. – Индейцы ведь в хижинах не живут!

– Гм! – с задумчивым видом промычал Сэм. – Это, действительно, было бы очень забавно... А из чего мы устроим типи?

– Индейцы, обитающие на равнинах, обычно делают типи из шкур разных животных, а живущие в лесах – из березовой коры, – авторитетно объявил Ян. – Мы будем жить в лесу, поэтому и нам...

– Откуда ж мы достанем столько березовой коры, если берез тут так мало? – возразил Сэм.

– Тогда сделаем типи из коры вяза, – нашелся Ян.

– Вот это дело! – подхватил Сэм. – Отец осенью срубил много вязов, и с них нетрудно будет содрать кору, потому что они теперь хорошо просохли. Но сперва нужно начертить план.

Ян сначала приступил бы к постройке, а потом уж вспомнил бы о плане, но Сэм привык все делать как раз наоборот.

Ян набросал на песке палкой план.

– Я читал, что типи делаются индейцами следующим образом, – проговорил он, указывая палкой на изображенное им на песке подобие конусообразного шалаша. – Похоже на сахарную голову, острым концом вверх, с торчащими шестами... Вот тут, наверху, отверстие для дыма, а здесь, внизу, пошире – для входа и выхода, вместо двери... Кажется, так?..

– Ну что ж, попробуем, – согласился Сэм. – Только вот еще что: какого размера мы будем делать типи?

После некоторого совещания было решено сделать шалаш в восемь футов высотой и во столько же шириной.

Сэм живо срубил четыре длинных шеста, а Ян отнес их на облюбованное место возле заливчика.

– Теперь нам нужно придумать, чем связать шесты, – сказал он.

– Чем же еще, как не веревками! – удивился Сэм.

– Да, пожалуй, только не настоящими, а такими, которые можно добыть здесь же, в лесу. Индейцы всегда употребляют их.

– Когда отец делал изгородь, он связывал шесты ивовыми прутьями, – заявил Сэм.

Тотчас же была нарезана целая охапка ивовых ветвей, и мальчики начали перевязывать ими шесты. Однако дело у них не клеилось: скользкие прутья то развязывались, то соскакивали с шестов. Строители растерялись, но тут за их спинами раздалось насмешливое фырканье. Обернувшись, Ян и Сэм увидели мистера Рафтена, который, похоже, уже давно наблюдал за ними.

Мальчики смущались.

– Ребятки, – добродушно заговорил Рафтен, – зачем вы попусту тратите время? Почему не попросили у меня веревок?

Ян поспешил ответить:

- Нам нельзя пользоваться тем, чего нет в лесу.
- Почему же? Кто вам запрещает это?
- Индейские обычаи, которым мы хотим следовать.
- Ага, вот что! – засмеялся Рафтен. – Погодите, быть может, я помогу вам...

И подошел к низкому деревцу и позвал Яна.

- Знаешь, что это?
- Нет, сэр, – сознался тот.
- Попробуй-ка отломить ветку.

Ян попытался исполнить приказание, но ветка оказалась гибкой и крепкой, как кожа.

– Индейцы называют это дерево кожаным, – продолжал Рафтен, – и его ветви употребляют вместо веревок. В первое время и мы пользовались ими.

Когда Рафтен удалился, мальчики нарезали прутьев кожаного дерева и перевязали ими вверху все четыре шеста, а концы последних уперли в землю. Свое сооружение они решили назвать вигвамом, а не типи; такое название, по мнению Яна, больше подходило к шалашу, потому что он сооружался не из шкур, а из древесной коры.

Посоветовавшись, строители опоясали все шесты футах в четырех от земли обручем из толстого ивняка, накрепко привязав его к

шестам. Таким образом, остов вигвама был готов; можно было приступать к обшивке его корой.

Сэм мастерски снял кору с трех срубленных прошлой зимой деревьев. Прилаживать кору к шестам оказалось непросто. Сэм предложил прибить ее гвоздями, но Ян пришел в ужас:

– Ты что! Разве индейцы пользуются гвоздями?!

– Тогда как они прикрепляют кору или кожу к шестам? – осведомился Сэм.

– Конечно, ремнями! – авторитетно ответил Ян и, подумав немного, нерешительно добавил: – И, должно быть, деревянными кольями.

– Деревянными кольями! – фыркнул Сэм. – Из какого же дерева должны быть колья, чтобы можно было вкототь их в твердые кедровые шесты? Не попросить ли нам у отца бурав?

– Нет, Сэм! – возразил Ян. – Это будет не по-индейски... Давай попробуем привязать кору кожаным деревом.

– Ну, ладно, попробуем, – согласился Сэм. – Только сначала придется сделать шило.

И заострил дубовый колышек. Этим «шилом» строители протыкали края коры и сквозь отверстия пропускали тонкие прутья кожаного дерева. Вскоре вигвам был готов.

Впрочем, когда мальчики вошли внутрь, их радость поутила: вигвам больше походил на решето, нежели на непроницаемое для дождя и ветра помещение; всюду зияли дыры. Прикрыв кое-как большие отверстия кусками коры, а маленькие заткнув мхом, строители приступили к новому важному делу – разведению индейского огня в вигваме.

Они собрали кучу сухого хвороста, и Ян достал было из кармана коробку со спичками, но Сэм удержал его:

– Ты что! Разве индейцы пользуются спичками?

– Ах, да! – сконфуженно пробормотал Ян. – Индейцы получают огонь посредством трения дерева о дерево. Но я не знаю, как это... Неужели нам придется остаться без огня, Сэм?

– Нет, огонь обязательно должен быть! – мотнул головой Сэм. – Мы потом сообразим, как его добывать, а сейчас придется прибегнуть к спичкам. Ну, зажигай!

Ян зажег спичку и поднес ее к хворосту, но она тут же погасла. Вторая и третья спички тоже.

– Э, да ты совсем не умеешь разводить костер... – догадался Сэм. – Смотри, как это делается.

Он отрубил топором с соснового корневища несколько отростков, на концах каждого настругал ножом тонких стружек.

– Понял! – радостно воскликнул Ян, с любопытством наблюдавший за действиями товарища. – Я видел на рисунке, как делают эти штуки индейцы, но в описании было сказано, что это у них называется «молитвенными ветками».

– Ну, как это у них называется, я не знаю, – сказал Сэм. – Но делают именно так. Зажигай спичку!

Через минуту в вигваме весело пыпал огонь.

– Меня этому научила бабушка Ньювиль... – проговорил Сэм. – Она хорошо знает все эти штуки.

– Что это за бабушка Ньювиль? – полюбопытствовал Ян.

– Старая колдунья. Она живет тут поблизости, у реки...

– А у нее, случайно, нет внучки, которую зовут Бидди? – спросил Ян, вспомнив служанку в доме своего отца.

– Есть, – подтвердил Сэм. – Бидди – молодец, она умеет делать все...

Ян уселся возле костра и с восхищением оглядел тесное помещение:

– Настоящий вигвам!

– Кажется, похоже, – подтвердил Сэм, не переставая отмахиваться от дыма, который лез ему в глаза. – Только вот с дымовой трубой что-то неладно... Давно, должно быть, не чищена, – со смехом прибавил он.

Дым не желал выходить в оставленное для него отверстие наверху и вскоре так заполнил все тесное помещение, что

«индейцы» были вынуждены спасаться бегством.

– Что-то мы сделали не так! – сокрушался Ян. – У индейцев дым выходит в верхнее отверстие...

– Может быть, нужно загородить выход, и тогда дым поневоле потянетсѧ наверх? – предположил Сэм.

Но и это не помогло: сначала дым действительно потянулся было кверху, а потом снова стал разгуливать по всему вигваму. Кроме того, самый вигвам оказался слишком тесен и неуютен. Покрывавшая его кора все больше и больше трескалась, и в трещины дул ветер.

На следующий день, когда «индейцы» снова возились в своем вигваме, пытаясь добиться нормальной дымовой тяги, внезапно хлынул ливень. Целые потоки воды начали литься не только сквозь многочисленные дыры в стенках, но и через дымовое отверстие.

Мальчики со всех ног бросились домой и явились труда промокшими до костей.

Ночью была сильная буря. Когда к утру она затихла и «индейцы» явились взглянуть на свой вигвам, то вместо него нашли одни развалины.

Дня через три мистер Рафтен за ужином спросил у мальчиков:

– Ну, как поживает ваш вигвам, ребятки?

– Прошедшей бурей его совсем разрушило, – уныло ответил сын.

– Вот как? Почему же он не выдержал бури?

– Должно быть, мы непрочно его построили. К тому же и дым плохо выходил в отверстие, так что в вигваме нельзя было сидеть, когда мы там разводили костер.

– Значит, вы не так что-нибудь сделали, – заметил Рафтен. – А почему вы не попробовали устроить настоящее типи? – спросил он после некоторого молчания.

– Да мы не знаем, как оно делается, – ответил Ян. – К тому же у нас не было и подходящего материала.

– Работали вы хорошо, от дела не отлынивали. Поэтому я дам вам старый тент от фургона, – сказал Рафтен. – Вот если бы здесь был

кузен Берт, он научил бы вас, как сделать типи... Впрочем, может быть, расскажет и Калеб Кларк. Он тоже сведущ в этих делах. Попросите этого чудака, только не от моего имени...

После ужина мальчики достали тент от фургона и принялись рассматривать его. Это оказался огромных размеров брезент. Убрав пока отцовский подарок, Сэм сказал товарищу:

- Нам нужно пойти к Калебу. Он знает, как делается типи.
- А кто этот Калеб? – спросил Ян.
- Это один старый чудак. Он стрелял в отца за то, что тот скупил какие-то его старые векселя и заставил уплатить по ним. С тех пор ему не везет, и он очень сердит на отца. Но он хорошо знает лес, потому что был охотником и знаком с индейцами. Только бы он не догадался, что я сын его неприятеля!

Глава 4

Калеб

На другой же день Ян и Сэм отправились к Калебу. Дорога шла вдоль ручья, в противоположную сторону от фермы. Подойдя к одной излучине, мальчики увидели небольшую бревенчатую хижину, перед которой разгуливали куры и свинья.

– Вот тут живет колдунья, – сказал Сэм, указывая на хижину.

– Бабушка Ньювиль? – спросил Ян.

– Она самая.

– Интересно бы зайти к ней и посмотреть...

– Не стоит! – возразил Сэм. – Она меня недолюбливает за то, что я как-то раз распугал ее свиней. А отец вырубил несколько вязов, которые ей нравились... Она очень странная и не терпит, когда уничтожают деревья, даже если они ей и не принадлежат. С тех пор она ненавидит отца и всех нас.

Мальчики отправились дальше и вскоре очутились на небольшой ферме. Когда-то ферма была собственностью Калеба, но теперь он только арендовал ее.

Подойдя к небольшому домику, стоявшему при входе на ферму, мальчики увидели высокого плечистого человека с огромной седой бородой, несшего охапку дров.

– Вот и Калеб, – шепнул Сэм Яну. – Переговори с ним сам, потому что со мной он, пожалуй, не станет и разговаривать.

– Здравствуйте... – несмело начал Ян, сняв свою шляпу. Тут же из-за дома выскоцила собака и засыпалась хриплым лаем.

– Что вам нужно? – спросил старик.

– Вы мистер Калеб Кларк?

– Я, – ответил старик и прикрикнул на собаку. – Молчать, Турок! Зачем пожаловали?

– Я пришел... Мы хотели кое о чем спросить вас... – с запинкой ответил Ян.

– Как тебя зовут?

– Ян. А мой товарищ – Сэм.

– Сэм Хорн, – добавил товарищ Яна.

В этих словах была доля правды, потому что полное имя Сэма было Сэмюэль Хорн-Рафтен, но Ян не знал этого и сильно смущался.

– А откуда ты? – продолжал старик, обращаясь исключительно к Яну.

– Из Боннертона.

– Только что приехал?

– Нет, я... – начал было Ян, но Сэм, державшийся до сих пор в стороне из боязни быть сразу узнанным, очень испугался, как бы его смущенный товарищ не проговорился сразу, и поспешил за него ответить:

– Мы, мистер Кларк, устроились в лесу и хотели бы сделать себе настоящее индейское типи, но не знаем как. Нам сказали, чтобы мы обратились к вам. Материал у нас есть...

– А кто вам сказал?

– Бабушка Ньювиль.

– Где же вы живете теперь?

– В лесу. Построили там вигвам, но его разрушила буря.

– В каком лесу?

– В миле отсюда, у речки.

– Ага!.. Значит, в лесу Рафтена?

– Может быть... Не знаю...

– Нет, ты это хорошо знаешь, потому что ты Сэм Рафтен! – разозлился старик. – Вздумал обмануть меня, негодный мальчишка... Вон отсюда!

Ян поспешил отступить. Но Сэм недаром был сыном Рафтена. Он выступил вперед:

– Напрасно вы сердитесь на нас, мистер Кларк. Мы же ни в чем не виноваты и пришли к вам, чтобы только расспросить вас кое о чем

по своему делу... Только вы и можете нам помочь... Я знал, что вы не ладите с отцом, и хотел схитрить, но, вижу, не удалось... Вы можете сердиться на меня, но за что же обижать моего товарища? Ведь его отец вам ровно ничего не сделал дурного. А мой товарищ так любит лес, и ему очень хотелось бы устроиться в нем. Потому я и привел его к вам...

Любители леса всегда испытывают друг к другу симпатию и готовы поделиться своими знаниями. К тому же у вспыльчивого старика Калеба было доброе сердце. Он вдруг подозвал Яна и хмуро спросил:

– Твоя фамилия тоже Рафтен и ты им родственник?

– Нет, сэр.

– Отлично! Никого из Рафтенов я знать не хочу. А ты что хотел узнать у меня?

– Мы устроили вигвам из коры, но он вышел очень неудачным, и его разрушило бурей, – уже смелее ответил Ян. – Теперь у нас есть большой брезент для типи, но мы не знаем, как его построить.

– Типи?.. Гм?.. – проговорил с задумчивым видом старик. – Лет сорок назад я и сам жил какое-то время в типи. Но одно дело носить куртку, а другое – сшить ее. Помнится, устроено оно так...

Старик принялся рисовать угольком на клочке бумаги.

– Я как-то видел, как индейские женщины приступали к устройству типи. Сначала они сшили шкуры вместе и разостлали их на земле. Посредине верхнего края они воткнули колышек, привязали к нему веревку с куском угля на конце и нарисовали полукруг. По намеченной линии обрезали шкуру ножом, а из обрезков сделали два клапана и пришили их. Эти клапаны дымовые и способствуют тяге. Вот и все для начала. Я полагаю, что для десятифутового типи нужно десять кольев и два – для дымовых клапанов. Ты начинай так. Свяжи вместе три кола и воткни их покрепче в землю, потом установи еще шесть кольев и свяжи их хорошенько веревками. К последнему, десятому, колу привяжи брезент, потом поставь его на место и оберни брезентом все шесты.

Два длинных шеста вставишь в дымовые клапаны, ими будешь приспосабливать отдушину к направлению ветра.

Все это Калеб говорил Яну, как бы не замечая внимательно слушавшего Сэма. Но тот, нисколько не смущаясь этим и понимая в строительном искусстве больше своего товарища, поспешил вмешаться в разговор.

– А как сделать, чтобы ветер не сорвал типи? – спросил он.

– Очень просто, – ответил стариk, обращаясь по-прежнему к Яну, – длинную веревку, связывающую все шесты, опускают вниз и крепко обкручивают вокруг колышка, вбитого в землю. Кроме того, все края брезента надо прикрепить к земле колышками.

– А как правильно сделать дымовую тягу?

– Нужно шестами раскачивать клапаны, пока они не встанут по ветру.

– А как быть с дверью?

– У некоторых типи просто края покрышки заходят один на другой. Но лучше сделать настоящую дверь, натянув брезент на раму из веток гибкого дерева и прикрепить ее одной стороной к шесту. Все поняли?

– Поняли, поняли! Спасибо!

Ян бережно свернул драгоценную бумажку с планом типи и запихнул ее в карман. Мальчики попрощались со стариком и отправились в обратный путь.

– Быть может, я как-нибудь приду взглянуть на вашу работу! – крикнул им вслед Калеб.

– Милости просим! – ответил, обернувшись, Сэм. – Следуйте от живой изгороди по меченой тропинке.

– Сэм! – укоризненно сказал Ян, когда они отошли на довольно значительное расстояние от фермы. – На тропинке нет никаких меток.

– Это сейчас их нет! – возразил молодой Рафтен. – Но мы их сделаем прежде, чем стариk соберется навестить нас.

Глава 5

Сооружение типи

Рафтен был доволен, узнав, что мальчикам удалось повидать Калеба и расспросить его обо всем.

– Теперь вы будете работать со знанием дела! – сказал он.

На следующий же день, закончив работу на ферме, мальчики вновь занялись строительством. Для начала они разостлали во дворе брезент и принялись его тщательно осматривать. Он оказался очень жестким и почти весь в дырах, особенно по краям.

– Ага, вот почему отец отдал нам эту покрышку! – с оттенком неудовольствия проговорил Сэм. – Прежде чем начинать кроить, ее нужно сначала залатать.

– Нет, – авторитетно заявил Ян, – лучше сначала раскроить, тогда не придется чинить те куски, которые отрежутся.

– Это верно! – воскликнул Сэм, пораженный сообразительностью своего товарища. – Только вот заплатки будут не особенно красиво выглядеть.

– Это ничего. Индейцы тоже делают заплаты на свои типи, когда во время сражений их пробивают стрелы, – философски заметил Ян и принял измерять брезент. – Двенадцать футов в высоту, следовательно, двадцать четыре фута по длине материи, – продолжал он вычислять. – Так. Ну, я намечу. Держи крепче, Сэм!

Разложив перед собой план Калеба, юные мастера выкроили покрышку для типи. Вышло довольно точно. После этого они принялись за починку. Они шили толстыми кривыми иглами и делали длинные стежки, но все равно работа подвигалась очень медленно.

Вечером работу мальчиков увидели работники фермы. Один из них, с китайским именем Си Ли, с добродушной ironией спросил:

– Почему вы наделали заплаток снаружи, а не на изнанке?

– И в самом деле! – воскликнул Ян. – Как же это мы не догадались, Сэм?

– Так мы же будем жить внутри, – успокоил товарища молодой Рафтен. – Изнутри заплатки будут не так заметны!

– А почему вы вокруг этой дыры наделали так много стежков? Можно бы сделать гораздо меньше, – продолжал Си Ли, указывая на одну из аляповатых заплат.

– Вот и сделай лучше, если тебе не нравится! – пробурчал Сэм. – Тут и так еще полно дел.

– Да! Нужно выкроить дымовые клапаны, пришить их. Да и края надо бы подрубить... – подхватил Ян.

– Вот что, господа, – предложил Си Ли, – если вы сходите нынче вместо меня к сапожнику и возьмете у него мои сапоги, которые я отдал в починку, то я, пожалуй, сделаю вам все, что нужно.

Мальчики с удовольствием согласились и после ужина отправились к сапожнику, жившему милях в двух от фермы. А Си Ли принялся за работу. Он три года служил матросом на одном китоловном судне, где ему нередко приходилось заниматься починкой парусов, так что это дело было для него знакомым и привычным.

Глава 6

Тихий вечер

Был чудесный июньский вечер, и птицы вовсю предавались своим вокальным упражнениям. Почти на каждом сучке дерева сидела какая-нибудь пернатая пичуга и громко заливалась от переполнявшего ее счастья.

Когда мальчики вышли из своего сада на дорогу, высоко в воздухе, широко распустив крылья, парил ястреб. По мере приближения страшного врага лесные певуньи постепенно умолкали. Все они успели скрыться от алчного взора хищника, только жаворонок, резвившийся на открытой лужайке, напрасно искал себе убежища.

Ястреб ускорил полет. Жертва напрягала все силы, чтобы скрыться в саду, но хищник нагонял ее. Еще мгновение – и он схватил бы беспомощно метавшегося из стороны в сторону жаворонка, как вдруг из-за деревьев выпорхнула небольшая черная с белым птица. Это была пустельга. С боевым кличем, взъерошив серые перышки на голове, под которыми виднелись нижние, ярко-красные, она бросилась на хищника, который был чуть ли не в десять раз крупнее ее.

Продолжая грозно чирикать, храбрая птичка налетела на ястреба как раз в тот момент, когда жаворонок в ужасе прильнул к земле и спрятал голову в траву, ожидая смертельного удара.

Хищник потерял голову от неожиданного нападения и забыл про жаворонка, который не преминул воспользоваться этим обстоятельством и упорхнуть. Ястреб взмыл ввысь, а пустельга вернулась в лесную чащу, громко сообщая соседям о своей победе.

– Вот молодчина! – восхитился Сэм.

Тут еще одна птичка промелькнула над тропой.

– Это воробей спешит в гнездо, – заметил Сэм.

– Нет, это ласточка! – возразил Ян. – Разве ты не узнал ее? А еще говорил, что знаешь всех здешних птиц!

– Я тебя тогда еще не знал и малость прихвастнул, – откровенно признался Сэм.

Мимо них пролетел красноголовый дятел, гонясь за бабочкой. Лучи заходившего солнца озарили яркое оперение птицы и золотистые крылья насекомого; это сочетание живых красок привело Яна в восторг. На одной из веток сидел полевой жаворонок, на другой – трясогузка, на третьей – какая-то необыкновенно красивая птичка, и все это щебетало, пело и радовалось.

– Как же тут хорошо! – воскликнул Сэм, а Ян просто онемел от избытка чувств.

Сапоги оказались готовы, и Сэм, перебросив их через плечо, отправился вместе со своим товарищем в обратный путь. Солнце уже скрылось за горизонтом, но было еще светло, и птицы не попрятались по своим гнездам, а продолжали сидеть на ветках, оглашая воздух веселым гомоном.

– Эх, если бы можно было остаться здесь навсегда! – воскликнул Ян, вдыхая полными легкими лесной воздух.

– Так и оставайся! – откликнулся Сэм. – Наши отцы наверняка ничего не будут иметь против этого.

Вдруг над головами мальчиков раздалось громкое гулкое уханье. Путники остановились.

– Большая сова! – прошептал Сэм.

– Сова?! – воскликнул Ян, и сердце его затрепетало от радости.

Он много читал о совах и даже видел их живыми в клетках, но ему не приходилось еще слышать крика настоящей дикой совы на воле.

Вечерний сумрак продолжал сгущаться, но голоса лесных обитателей свидетельствовали о том, что дневная жизнь еще не замерла. Из леса доносились крики козодоя, а из окрестных болот неслось кваканье лягушек и шипение жаб.

Из чащи раздались пронзительные звуки, походившие на плач новорожденного ребенка.

– Это что еще такое? – спросил Ян.

Сэм прислушался и шепнул товарищу:

– Это енот. Когда уберут хлеб, можно будет поохотиться на этих зверьков.

– Ах, как это было бы хорошо! – воскликнул Ян. – Я никогда не участвовал в настоящей охоте... А почему непременно нужно дожидаться осени?

– Осенью их легче выследить.

– А их тут, должно быть, много! Слышишь? Вот другой кричит...

– Нет, это сова-сипуха, – возразил, прислушавшись, Сэм. – У нее голос протяжнее и нежнее, нежели у енота.

Мальчики приблизились к дереву, с которого слышался крик совы, и над их головами вдруг пронеслось что-то серое с двумя сверкающими в темноте янтарными огоньками.

– А вот и сама сипуха, – шепнул молодой Рафтен приятелю.

– Знаешь, Сэм, мне бы очень хотелось поохотиться на енота, – сказал Ян.

– Ну, что ж, если тебе этого очень хочется, можно и теперь, – ответил Сэм. – Попросим отца как-нибудь пойти с нами. Например, на Дальнее болото. Там олени водятся... Жаль, что отец поссорился с Калебом. Стариk отлично знает все эти места!

Домой приятели вернулись довольно поздно, на ферме все спали. А утром, заглянув в сарай, они обнаружили, что Си Ли не только пришел дымовые клапаны, но и исправил все заплаты, которые были плохо сделаны, а также подрубил весь низ тента.

Вечером мальчики отнесли брезент на место, выбранное для устройства типи. Ян захватил и топор:

– Оставим метки для Калеба. Как это делают?

– Оставляй зарубки на деревьях через каждые пять-шесть ярдов^[5], – ответил Сэм.

– Так вот? – уточнил Ян, ударив пару раз топором по стволу.

– Нет, – возразил Сэм. – Это ты сделал «метку охотника», которая указывает, где находится его западня. «Метка дороги» делается на

обеих сторонах дерева, тогда ее увидишь и при возвращении. А если тропой ходят ночью, то зарубки делаются глубже, чтобы их можно было ощупать руками.

Глава 7

Священный огонь

– Десять толстых и коротких шестов и два подлиннее и потоньше, – говорил Ян, просматривая записи Калеба.

Шесты тотчас были срублены и перенесены на место постройки.

– Теперь связать наверху три шеста и упереть их в землю. Потом вместе с покрышкой поставить остальные, – продолжал юный строитель.

– А чем будем связывать? – спросил Сэм.

– Калеб говорил, что индейцы связывают шесты ремнями. Но тогда и покрышка должна быть из шкур. А так как у нас нет ни ремней, ни шкур, то придется связывать простыми веревками...

– Я это знал, – с живостью отозвался Сэм, – поэтому захватил и веревки. Вот они, завернуты в брезент.

Юные строители накрепко связали веревками три шеста и укрепили их на земле. Вскоре и остальные шесть были уже на своих местах. Десятый шест, с привязанной к нему покрышкой, установили у входа. Настало время закрепить брезент. Понадобились «булавки», то есть мелкие деревянные колышки.

– Сделаем их из белого дуба, – сказал Сэм.

Он взял кусок этого крепкого дерева и наколол из него тоненьких колышков, которые затем обтесал и заострил ножом. Их воткнули в заготовленные заранее дырки – и покрышка была натянута. Оставалось только укрепить ее кольями снизу.

– Вытеши, пожалуйста, десяток дубовых кольев, Сэм, – попросил Ян. – Я знаю, как прикрепить к ним покрышку.

Пока его приятель заготавливал колья, он отрезал десяток концов веревки по два фута длиной, продел их в дырки по краю брезента и связал узлами. Получившиеся десять петель он накинул на вбитые вокруг постройки колья, крепко притянув типи к земле.

Можно было переходить к торжественной церемонии – зажиганию первого огня.

– Надо как следует развести огонь, поэтому лучше не спешить. Будет досадно, если не зажжем костер с первой спички, – заметил Сэм.

– Разумеется! – подхватил Ян, охваченный священным трепетом. – Эх, вот если бы зажечь огонь по-индейски, трением...

– Здорово, молодцы! – вдруг раздалось позади юных строителей. Те поспешили обернуться и увидели подходящего Калеба.

– Ну что, устроили типи? – спросил он. – Вижу, вижу... Что ж, недурно. Только почему вы повернули ее лицом на запад?

– Чтобы она смотрела на речку, – пояснил Ян.

– Да?.. Гм... Жаль, я позабыл вам сказать, что индейцы всегда устраивают типи лицом на восток. Тогда утреннее солнце освещает переднюю часть типи. К тому же ветер чаще дует с запада, и тогда дым лучше выходит.

– А если ветер дует с востока, как бывает во время дождей? – спросил Сэм.

– Когда дует с востока, – продолжал старик, обращаясь по-прежнему к Яну, – индейцы натягивают клапаны и кладут их один на другой. Вот таким образом, – прибавил он, скрестив на груди руки. – Это способствует правильной тяге и не пропускает дождя. Когда ветра нет, можно немного приподнять край покрышки под дверью. Потом вот что еще имейте в виду. Никогда не устраивайте шалаш под деревьями: во время грозы деревья притягивают молнию. Кроме того, ветер ломает ветки, и они падают на шалаш, а после дождя с них долго капает вода. Типи всегда нужно устраивать на открытом месте и на солнечной стороне.

– А вы не знаете, мистер Кларк, как индейцы добывают из дерева огонь? – спросил Ян.

– Знаю. Я не раз видел их приспособления для этого.

– И могли бы добыть огонь их способом?

– Конечно, мог бы, если бы нашелся необходимый материал. Не каждое дерево пригодно для этого. Индейцы, живущие в равнинах, употребляют корень виргинского тополя, а обитающие в горах – корень шалфея. Канадские индейцы для этой цели пользуются липой, кедром и сухой белой сосной. Лучше всего устроить бурав... Найдется у вас полоска какой-нибудь мягкой кожи?

– К сожалению, нет! – расстроился Ян. – А ремешки от моих башмаков не сгодятся?

– Тонки... Впрочем, их можно будет сложить вдвое. Годилась бы и веревка, но она быстро перетирается. Разыщи-ка мне небольшой камень с углублением посередине.

Мальчики отправились к ручью, а Калеб в лес. Вскоре мальчики принесли несколько камней, а старик плоский обрубок сухой пихты, заостренный с обоих концов колышек из того же дерева, трехфутовую, слегка согнутую дубовую палку и охапку сухого валежника.

Пихтовый колышек толщиной в три четверти дюйма имел восьмигранную форму, чтобы лучше держался ремень. Калеб привязал ремень к обоим концам согнутой палки, как привязывают тетиву к луку, но свободно, так чтобы ремень можно было обернуть еще раз вокруг колышка и таким образом натянуть. Плоский обрубок пихты он обстругал, на одном конце сделал выемку, а рядом с ней – небольшое углубление.

Потом Калеб наделал мелких стружек из куска сухого кедра, уложил их вместе с сухим сосновым сучком в выкопанную в земле ямку и прикрыл сверху плоским пихтовым обрубком. Придерживая этот обрубок ногой, старик вставил в его углубление нижний конец пихтового колышка, обернув вокруг него ремень, а на его верхнее острие надел один из принесенных мальчиками камней. Сам камень он крепко держал левой рукой, а правой принялся двигать назад и вперед лук. Колышек стал быстро вращаться, и спустя несколько секунд через выемку обрубка в ямку с треском посыпалась бурая пыль. Выемка росла, темнела, вместе с этим потемнел и порошок.

Потом из выемки начал подниматься легкий дымок. Калеб посильнее прижал камень левой рукой и еще быстрее заработал правой. Дымок постепенно сгущался, и вот уже стал целыми клубами выходить из-под бурава. Увидев это, Калеб стал осторожно раздувать тлеющий трут. Вскоре в новом типи весело затрещал первый огонь.

Все пришли в полный восторг. Стариk точно помолодел, и лицо его сияло торжеством. А о самих юных «индейцах» и говорить нечего: они были на верху блаженства.

Глава 8

Лук и стрелы

Однажды мальчики стреляли в лесу из лука, сделанного Сэмом.

– Ну, лук у тебя неважный, – сказал Ян. – Он напоминает мне тот, который я смастерили себе в молодости.

– А теперь ты уж стариk? – воскликнул со смехом Сэм. – Ну, «дедушка», какой же ты теперь сделал бы лук?

– Да по крайней мере раз в пять тяжелее...

– Но тогда из него нельзя стрелять.

– Если держать стрелу как ты, то, конечно, нельзя. Ты одновременно зажимаешь стрелу и натягиваешь лук. А если подсунуть пальцы под тетиву, можно натянуть ее гораздо сильнее. Так делают индейцы.

Сэм попробовал и скривился:

– По-моему, очень неудобно!

– Сначала действительно неудобно, но потом привыкнешь, – продолжал Ян. – Я вычитал в одной книге описание такого лука и стрел с более глубокими выемками и теперь хочу сделать такие же.

– Ну, что ж, делай... А в книге сказано, какое для этого нужно дерево?

– Да. Лучше всего испанский или орегонский тис.

– Ну, я не знаю таких деревьев, – покачал головой Сэм. – У нас их нет.

– Можно взять яблоню, орешник, вяз и красный кедр...

– Кроме красного кедра, все есть... Пойдем в сарай. Я покажу тебе.

– Только дерево должно быть совсем сухим и без сучков, – говорил Ян, следуя за товарищем к сараю.

– Это подойдет? – спросил Сэм, указывая на кучу ореховых палок, сложенных в одном из углов и заготовленных, очевидно, для

огораживания цветочной клумбы. – Они давно уже лежат здесь и вполне высохли.

Приятели выбрали длинную, без сучков, палку. Сэм разрубил ее на две части и искусно расколол пополам, так что получилось два прута, каждый в пять с половиной футов длины и дюйма два в поперечнике.

Припоминая вычитанные в книге указания об устройстве длинных луков, Ян руководил работой, а исполнял ее Сэм, искусно владевший топором и ножом. Скоро оба лука были готовы.

Много было возни с тетивой. Простая веревка не годилась, – она после нескольких натягиваний рвалась. Мальчиков выручил тот же Си Ли. Он достал сапожной дратвы и кусок воска. Нарезав из дратвы несколько кусков, бывший матрос сплел из них не очень тугую и не особенно толстую веревку, которая, однако, оказалась замечательно прочной.

– Такая тетива нескоро лопнет, – самодовольно сказал Си Ли.

Когда луки были совсем готовы, мальчики покрыли их лаком.

– Да, этот лук будет получше моего прежнего, – сказал Сэм, любясь новым оружием. – А как же нам быть со стрелами? – спросил он, примеряя свою прежнюю стрелу к новому луку.

– Конечно, придется наделать новых стрел. Твои не годятся, – ответил Ян. – Но над ними придется повозиться: их сделать труднее, чем лук.

– А ты не знаешь, как и из какого дерева их делают индейцы?

– Знаю. Они берут совершенно прямые стволы гордовины. Но здесь, кажется, нет ее. А между тем стрелы должны быть совсем прямые, иначе они будут лететь не туда, куда следует. Мы можем наделать их из какого-нибудь крепкого дерева; например, из ясеня или орешника.

– Этого дерева у нас много, – проговорил Сэм. – А сколько, по-твоему, нам понадобится стрел?

– Пары дюжин будет достаточно. Лучше всего сделать их из сухого ясеня. Нужно заготовить палочек в двадцать пять дюймов

длинной. Кроме того, нам потребуется клей и перья...

– Вот тебе перья, – сказал Сэм, вытаскивая целый пук индюшиных перьев, заготовленных для чистки печей. – Выбирай, какие хочешь. А я пока займусь палочками.

Из ясеневого полена он наколол две дюжины палочек. Ян схватил одну палочку и начался обстругивать ее перочинным ножом.

– Так у тебя едва ли выйдет что-либо путное! – воскликнул Сэм и, забрав все палки, начался обстругивать их рубанком на верстаке.

– Индейцы не пользуются рубанками, – недовольно заметил Ян.

– Равно как и перочинными ножами! – отрубил Сэм.

Ян сконфуженно замолчал.

– Из чего мы сделаем наконечники? – спросил Сэм, окончив стругание.

– Я тоже думаю об этом, – отозвался Ян. – Индейцы делают каменные наконечники и привязывают их к стрелам жилами. Но у нас такого материала нет. Придется сделать роговые или костяные... Я пробовал вытачивать наконечники из кости, но они выходили очень ломкими... Я читал, что индейцы иногда обходятся без наконечников, просто обжигают концы стрел, чтобы сделать их тверже.

– Ну, это ерунда! Мы сделаем наконечники, – заметил Сэм. – Давай смастерим несколько штук на пробу.

Они сделали дюжину «боевых» стрел с наконечниками из гвоздей, прикрепив их проволокой, а другую дюжину, по настоянию Яна, простых «охотничьих» с обожженными и заостренными концами.

Теперь дело осталось за перьями. Ян показал товарищу, как следует расщепить перо и отделить бородку.

– Нам нужно два пера на стрелу, значит, всего сорок восемь штук, – соображал Сэм.

– Нет, по два пера недостаточно, – возразил Ян. – Нужно по три. Следовательно, всего семьдесят два пера. И имей в виду: для каждой стрелы перья должны быть с одного крыла птицы, иначе она в цель не полетит!

В это время к ним подошел Си Ли:

– Ну, как ваши дела?

– Да вот делаем стрелы, – ответил Ян. – Но не знаем, как прикрепить перья. Белые их приклеивают, а индейцы привязывают, – продолжал Ян, припоминая вычитанное из книг. – Приклеенные лучше и вернее летят, зато не выдерживают сырой погоды, а привязанные не боятся сырости.

– А вы сделайте тем и другим способом вместе, – посоветовал Си Ли. – Я вам покажу, как это сделать. Где у вас клей и дратва?

И он с изумительной ловкостью принялся приклеивать и привязывать перья к стрелам.

Когда все было сделано, стрелы были разложены для просушки. На следующий день Ян выкрасил стрелы красной краской, причем на стрелах Сэма он сделал синие полоски, а на своих – белые. Теперь оставалось только сделать колчаны.

- Разве у индейцев есть колчаны? - заворчал Сэм, которому начинала надоедать эта возня.
- Конечно! - воскликнул Ян. - В чем же, по-твоему, они носят стрелы?
- Из чего же они их делают?

– Да из чего придется. Из березовой коры, из шкур животных. Нам, полагаю, можно сделать их и из брезента.

Мальчики сшили себе по мешку из обрезков брезента, сделав их немного короче стрел. Ян разрисовал колчаны индейскими узорами.

– Ну, теперь пойдем пробовать наше оружие! – сказал Сэм.

И приятели поспешили направились в сад. Они целились в одно и то же дерево, разом выстрелили и оба промахнулись. Стрела Сэма попала в соседнее дерево и сломалась.

– Вот незадача! – с досадой воскликнул он.

– Давай для начала стрелять во что-нибудь мягкое? – предложил Ян.

Сэм разыскал старый мешок и наполнил его сеном, а Ян нарисовал на нем черной краской бычий глаз и обвел его вокруг несколькими кольцами одно больше другого.

Мишень они поставили на небольшом возвышении и принялись стрелять в нее с двадцати шагов. Но все стрелы упорно отлетали влево.

Стрелки выходили из себя от неудач. А потом Ян припомнил вычитанные им в какой-то книге правила стрельбы из лука: как стоять, как держать локоть, как натягивать тетиву.

Правила помогли, мальчики стали делать быстрые успехи и вскоре без промаха попадали в цель даже с расстояния в сорок шагов.

Глава 9

Плотина

Начало июля было очень жарким. В один из дней юные приятели купались в обмелевшей речке.

– Скоро наша речонка совсем пересохнет, – сказал Сэм, барахтаясь в мелкой воде.

– А почему бы нам не устроить плотину? – предложил Ян.

– Слишком много работы, – лениво проворчал Сэм.

– Зато будем купаться все лето. Давай попытаемся?

– Я никогда не слышал, чтобы индейцы устраивали плотины!

– А мы будем играть в бобров! – стоял на своем Ян. – Гляди, я начинаю.

Сэм придиরчиво следил за его работой.

– Знаешь что, Ян? – вдруг встрепенулся он. – Я придумал кое-что получше. Сюда ведь гоняют скот на водопой. Когда речка пересыхает, бедным животинам приходится возвращаться домой и пить из корыта. А воду-то из колодца приходится качать мне! Если перебросить через речку два больших бревна, то главная часть запруды будет готова. Тогда и скоту будет хороший водопой, и нам прекрасное купание. Давай попросим отца помочь нам с бревнами...

Удобный случай поговорить о задуманном с мистером Рафтеном представился на следующее утро. Вся семья сидела за завтраком, и Рафтен вдруг спросил:

– Ян, если комната двадцати футов длины и пятнадцати ширины, то сколько понадобится kleenки на обивку стен?

– Тридцать три с третью ярда, – немного подумав, ответил мальчик.

Рафтен изумился: как можно так быстро вычислить это в уме? Но когда Ян доказал ему это простым умножением, Рафтен убедился, что мальчик был прав.

– Вот что значит образование! – воскликнул Рафтен, с удовольствием глядя на Яна. – А ты мог бы сделать эти вычисления так же? – обратился он к сыну.

– Нет, – ответил тот и не без иронии прибавил: – Дантисту едва ли это понадобится.

Рафтен не обратил внимания на замечание сына и продолжал беседовать с Яном о разных «ученых» предметах. Мальчик воспользовался этой благоприятной минутой:

– Мистер Рафтен, речка почти совсем пересохла. Надо бы сделать плотину, чтобы можно было поить скот. Вы не позволите нам взять два бревна? Кроме того, нам понадобится...

– А не хлопочешь ли ты главным образом о купании? – перебил с добродушной улыбкой Рафтен.

– И для купания это будет неплохо, – откровенно проговорил мальчик.

– Ладно, пойдемте к реке, посмотрим.

Они пришли к той излучине речки, где Ян начал сооружать плотину из камней. Рафтен окинул место опытным взглядом:

– Нет, здесь плотину делать нельзя: течение слишком быстрое, и плотину прорвет раньше, чем поднимется вода. А вот здесь хоть и пошире, зато спокойнее. Хорошо, я пришлю вам все, что нужно. Посмотрим, что у вас выйдет.

Вскоре с помощью работников два бревна были переброшены с одного берега на другой, после чего юные строители принялись уже за работы одни.

Бревна, по указанию Яна, были положены на расстоянии четырех футов одно от другого. Мальчики укрепили бревна кольями, а образовавшееся пустое пространство между ними принялись заполнять камнями и глиной. Строители рассчитывали поднять плотину выше воды, поэтому работа шла очень медленно, занявшая почти неделю.

Оставалось только закрыть шлюз в плотине. Это оказалось делом не совсем легким, ввиду высокого уровня поднявшейся воды, но энергичные строители работали в воде, как бобры, и в конце концов добились своего: плотина вышла на славу.

Ночью прошел сильный дождь, и следующим утром, подходя к реке, мальчики услышали глухой шум.

– Вода бежит через плотину! – радостно воскликнул Ян. – Идем скорее, Сэм!

И они пустились бегом к речке. Добравшись до плотины, они увидели довольно большое пространство, наполненное водой в том месте, где раньше была каменистая мель. Сильный поток шумно бежал, стремясь в оставленное для него место посередине плотины. Восторгу строителей не было предела. Через минуту оба уже барахтались в воде.

Запруда получилась на несколько десятков футов в длину и в ширину, а глубина ее в одном месте доходила до пяти футов, что было вполне достаточно для подростков.

– Ну, разве не стоило потрудиться, чтобы получить такое удовольствие? – говорил Ян, с наслаждением ныряя в свежей и чистой воде.

– Недурно получилось, – добродушно проворчал Сэм. – Пожалуй, я буду называть тебя Бобром.

– А я тебя – Дятлом, потому что ты больше любишь стучать топором, нежели копать...

– Это мое школьное прозвище. За рыжие волосы товарищи прозвали меня Красноголовым Дятлом.

Накупавшись вволю, мальчики уселись перед огнем в своем типи.

– Эх, хотел бы я пожить в лесу, но только чтобы у меня было ружье, а вокруг имелась бы дичь... – размечтался Сэм.

– Знаешь что, Сэм? – воскликнул Ян. – До сих пор мы только играли в индейцев. Давай теперь сделаемся ими на самом деле и дадим себе какие-нибудь прозвища. Я, например, назовусь Бобром, а ты?

– А я – Вечерней Грозовой Тучей...

– Ну, это слишком длинно! Назовись как-нибудь покороче.

– А какой самый хитрый зверь на свете, не знаешь?

– Говорят, росомаха...

– А она может сладить с бобром?

– Наверняка!

– Ну, так я буду Росомахой...

– Э, нет, я на это не могу согласиться: как же дружить с тем, кто каждую минуту может меня задушить? Тебя прозвали Дятлом, вот и оставайся с этим прозвищем, оно тебе очень подходит...

Глава 10

В гостях у знахарки

Задумав сделаться «настоящим» индейцем, Ян решил отправиться к бабушке Ньювиль, чтобы узнать у нее лечебные свойства некоторых трав и растений, и пригласил с собой товарища.

– Иди лучше один, – отказался Сэм, – она не слишком меня жалует.

Ян не стал настаивать и отправился один. Он захватил с собой записную книжку и рисовальные принадлежности. Дорогой мальчик нарвал целый букет разных цветов и трав.

Старуха, увидев подростка, встретила его приветливо:

– Здравствуй, милый! Что это у тебя? А, цветочки и травка. Значит, ты тоже любишь их? Это хорошо! Слава Богу, что эти противные люди не могут уничтожить хоть травку и цветочки! Деревья они погубили; а вот погубить все цветочки и травку они не могут... Давай их сюда, посмотрим.

Мальчик разложил перед ней собранные им цветы и траву. Старуха взяла аронник и начала рассказ:

– Это вот «покаянная трава», или «индейская репа». Остерегайся брать в рот ее корень, обожжешь язык. Индейцы вываривают из этих корешков яд и тогда едят их. А это «адамов корень». Как поздно он появился в нынешнем году... Его называют также «майским яблоком» и «царским корнем». Индейцы пользуются им от болезни желудка, а я знаю, что он вылечивает болячки за ушами лошадей. Это вот «синий когош». Он называется «спазмовым корнем», потому что излечивает от спазмов. Его пьют как чай. А вот «истерический корень». Он отлично служит против истерики у женщин. Дочке Ларри не хотелось идти в служанки, и она впала в истерику. Я дала ей выпить настоя этого корня, и ее истерику как рукой сняло... А это

что?.. А, «хорьковая капустка». Должно быть, ты проходил мимо излучины. Только там она и растет.

– Не спешите, бабушка, – взмолился Ян. – Я хочу зарисовать все эти растения и записать, что вы сказали про травы...

– Уж больно большая книжка у тебя выйдет! – засмеялась старуха, закуривая трубку. – Да к чему тебе все это записывать? Лучше запоминай...

Тем не менее Ян торопливо водил карандашом, а бабушка Ньювиль продолжала:

– Это «лихорадочный кустик»; из него делают настойку, она снимает приступы лихорадочного озноба... А вот «посконник». Он вызывает пот во время жара... Я раз как-то вылечила им одного человека, которого жар совсем иссушил, ни один доктор не мог помочь ему. Я велела поить его настоем из «посконника». Больной стал потеть и вскоре совсем выздоровел. А доктора вообразили, что это они помогли ему.

Старуха весело хихикнула и выпустила целое облако табачного дыма. Передохнув, она продолжала:

– Вот «золототысячник». Его с пользой можно употреблять от язв во рту... А это «пипсисева». Она помогает от ревматизма и растет всюду, где люди страдают этой болезнью...

Старуха на минуту умолкла и принялась усиленно раскуривать полупогасшую трубку, поминутно сплевывая и утирая рот рукавом платья.

Ян едва успевал записывать названия растений и делал краткие заметки; срисовывать же их, чего ему так хотелось, он не имел

возможности. Потом он догадался привязывать бумажки к каждому растению с его названием и краткой заметкой о его свойствах.

– Вот это ты умно делаешь, – одобрила старуха. – Потом дома, на досуге, ты можешь и срисовать их.

Разговарившаяся старуха, вероятно, еще долго продолжала бы свою лекцию, но тут в комнату вошла Бидди. Увидев гостя, она весело воскликнула:

– А, Ян! Очень рада вас видеть. Как это вы попали в наши места?

Пока гость отвечал на вопросы девушки, бабушка Ньювиль вытащила из-под кровати корзину, в которой оказалось пять румяных яблок, и предложила их Яну.

– Благодарю, – сказал мальчик, взяв одно яблоко. – Бабушка, вы не знаете, из чего индейцы делают краски? – спросил он, переходя к интересовавшему его вопросу.

– Из разных растений, милый. Есть, например, красивый желтый цветок; он растет в поле и под заборами и называется «золотым дождем». Индейцы кипятят его в воде и получают желтую краску.

– А красную? – продолжал Ян, наскоро записывая полученные сведения.

– Из разных ягод. Но не думай, что для этого ягоды должны быть непременно красными. Красную краску можно получить из черники и брусники, а также и из черной смородины. Есть еще «лаконоска», ягоды которой темного, почти черного цвета и дают ярко-красную краску. Но и это растение появляется только в конце лета.

– А из чего получают голубую краску?

– Наверняка не знаю, милый; я сама никогда ее не делала. Знаю только, что можно получить цвет, похожий на голубой, если обмакнуть в две краски, сперва в желтую, потом в черную. Настоящей же голубой краски в лесу нет...

Пока Ян беседовал со старухой, Бидди накрывала на стол. Мальчика тоже пригласили к ужину.

– Вам чего, чая или кофе, Ян? – спросила Бидди, хотя на столе не было и признаков кофе.

– Чая, – поспешил ответить мальчик.

– Хорошо, что ты желаешь чаю, – заметила старая знахарка. – У меня давно уже нет ни одного кофейного зернышка, а чаю сколько хочешь можно достать в лесу... Впрочем, я могу угостить тебя и не одними лесными произведениями.

Старуха направилась к одной из полок, достала оттуда большую запыленную коробку и среди разного мусора отыскала в коробке несколько кусков серовато-желтого сахара.

– Вот! – с торжеством проговорила она, кладя на стол сахар. – Я приберегала его для нашего епископа, который бывает у нас раз в году на Рождество. Но до Рождества еще долго, и неизвестно, что может случиться... Кушай на здоровье! Бидди, дай гостю хлеба.

Девушка разрезала на несколько тоненьких ломтиков небольшую булку. Ян чувствовал сильное смущение. Он понимал, что бабушка Ньювиль в порыве гостеприимства отдавала ему все, что у нее было. Отказать от ее угощения, пожалуй, означало обидеть ее, но и воспользоваться этим тоже было невозможно. Мальчик для приличия пожевал хлеба и сообщил, что он сыт.

Встав из-за стола голодным, Ян забрал свои растения с надписями и стал прощаться.

– Ну, прощай, мой милый. Приходи ко мне, не стесняйся, – ласково сказала старуха, провожая гостя. – Приноси еще растений, какие найдешь! – крикнула она ему вслед.

Ян вернулся на ферму довольно поздно, когда все давно пообедали.

– Садись, Ян, – с материнской заботливостью сказала миссис Рафтен. – Сейчас я поджарю тебе кусок мяса.

– Благодарю, я уже обедал у бабушки Ньювиль, – ответил голодный мальчик, заметив иронические улыбки на лицах Рафтена и Сэма.

– Ну, какой может быть у нее обед! – простодушно проговорила фермерша. – Садись, садись. Я сейчас...

– Оставь его, жена! Разве не видишь, как он покраснел и еле дышит от переполнения желудка? – проговорил Рафтен и расхохотался.

Ян действительно покраснел и порывисто дышал от овладевшего им негодования. Очевидно, все они знали, чем могла угостить его бедная знахарка. Однако ему стало неприятно такое издевательство над старухой. Как ни заманчива была мысль о куске сочного жаркого и как ни требовал этого его пустой желудок, мальчик все-таки горячо возразил:

– Бабушка Ньювиль приняла меня очень хорошо и отлично накормила, так что я вполне сыт.

– Ну, как хочешь, – проговорила миссис Рафтен, с сомнением покачав головой. – А все-таки, знаешь, скучал бы хоть кусочек мяса...

– Нет, благодарю. Честное слово, я совершенно сыт, – отказался мальчик, еще больше краснея от непривычной лжи.

И, превозмогая голод, Ян принялся за вечернюю работу.

Глава 11

Пленник

Через несколько дней, когда мальчики сидели у своего типи, Ян сказал товарищу:

- Где бы нам раздобыть хорошей березовой коры для посуды?
  - В лесу Бернса, – ответил Сэм. – В нашем берез нет.
  - Попросим у Бернса?
  - Нет, он враждует с отцом и ничего нам не даст. Сами возьмем, без него...
  - Но ведь это будет кражा, Сэм!
  - Вовсе нет. Кому нужна кора со старых берез? Пойдем!
- Сэм взял топор, но Ян колебался.
- Это будет нашим первым военным набегом в неприятельскую страну, – настаивал Сэм. – Идем!

В лесу Бернса они нашли толстую березу и стали обдирать с нее кору, но тут увидели высокого мужчину и маленького мальчика, очевидно, услышавших стук топора и спешивших узнать, в чем дело.

– Это старик Бернс! – прошептал Сэм. – Нужно удирать!

Он схватил топор и бросился к изгороди. За ним последовал и товарищ. Бернс послал им вдогонку целый ворох угроз и ругательств, но преследовать их не стал. Сопровождавший Бернса мальчик, поменьше Яна и Сэма, подбежал к изгороди и, в свою очередь, крикнул:

- Ах ты, рыжий вор!.. Погоди, мы еще зададим тебе!.. Попадись только!
- Воины спасли свои скальпы! – воскликнул Сэм, когда голоса врагов стихли.
- Да, все потеряно, кроме чести! – кивнул Ян. – А кто этот мальчик?

– Сынишка Бернса, Гай, – отвечал Сэм. – Дрянной мальчишка и страшный враль.

На другой день мальчики повторили набег, но только они принялись было за работу, как вдруг невдалеке раздался детский голос, старавшийся подражать взрослому:

– Ты опять явился, рыжий вор?.. Убирайся прочь!

– Это Гай! – шепнул Сэм товарищу. – Давай возьмем его в плен.

– И оскальпируем! – прибавил Ян.

И они отправились было на этот голос, но внезапное появление самого Бернса снова заставило их обратиться в позорное бегство. Кому не удалось раздобыть и в последующие дни.

Как-то раз «индейцы» отправились в лес в неурочный час. Подходя к типи, они заметили, что в ближайшем кустарнике кто-то сидит.

– Кто там? – крикнул Ян, бросаясь к кустарнику.

Из кустов выскочил Гай Бернс и со всех ног пустился бежать.

– Враг! – воскликнул Сэм. – Ян, давай, поймаем его и возьмем в плен!

Оба «индейца» припустились за «врагом» и вскоре догнали его.

– Пусти меня, Сэм Рафтен... пусти! – отбивался пленник. – А не то я пожалуюсь отцу, и тебе тогда достанется от него!

Однако в его голосе уже не слышалось прежней самоуверенности.

– Нет, мы теперь тебя не отпустим! – говорил Сэм, крепко держа пленника.

Через минуту пленник был крепко привязан к дереву, а «индейцы» развели костер, закурили «трубку совета» и принялись обсуждать участь пленника, который не переставал голосить на весь лес.

– Брат мой Дятел! – важно обратился Ян к Сэму. – Как приятно слышать завывания этого бледнолицего труса!

– Ты прав, Бобр!

– Для начала оскальпируем его, а потом поджарим на медленном огне... – продолжал Ян.

Завывания «бледнолицего» пленника сделались еще громче.

– Кричи, нечестивый! Дух нашего пламени жаждет твоей крови! –
хмыкнул Сэм и принялся точить на камне старый зазубренный нож.

После этого «индейцы» раскрасили друг другу лица и надели головные уборы.

– Теперь мы с тобой сделались настоящими индейцами, и не простыми, потому что уже совершили великий подвиг и взяли в плен бледнолицего. Отныне я буду называть тебя «великий вождь Дятел», а ты меня зови «великий вождь Бобр».

– Хорошо!

И «великие вожди» неспешно направились к пленнику, чтобы приступить к совершению казни.

– Если мы снимем с него скальп, то кому же он достанется? – спросил вдруг Сэм. – Ведь у него только один скальп, а нас двое.

Ян задумался, но через минуту нашел выход.

– Мы разделим его скальп пополам, – ответил он.

– Уах! – воскликнул в восторге Сэм. – Это правильно. Ты и в самом деле великий вождь, Бобр.

Пленник не переставал визжать, кричать и награждать своих врагов целым потоком угроз и ругательств. Он говорил, что будет жаловаться отцу, учителю и даже самому мистеру Рафтену. Последняя угроза заставила Сэма несколько призадуматься, и он с некоторым беспокойством обратился к товарищу, стараясь, однако, выдержать роль до конца:

– Великий вождь Бобр, можешь ли ты понять, что бормочет язык бледнолицего пленника?

– Уах, нет, – ответил Ян. – Быть может, он поет предсмертную песнь? Но пора приступить к делу, – прибавил он и, крепко сжимая в руке нож, свирепо скривил свою размалеванную физиономию.

До этой минуты Гай был уверен, что с ним играют. Но когда Сэм схватил его за волосы, мальчик не на шутку струсиł.

– Пустите меня!.. Ради Бога, пустите! – с рыданиями взмолился он. – Я больше не буду!.. Никогда не буду!

Этого оказалось достаточно для его мучителей, особенно для мягкосердечного Яна. Он повернулся к товарищу:

– Великий вождь Дятел, у индейцев есть обычай освобождать от казни и даже принимать к себе пленников, которые раскаиваются и обнаруживают большое мужество...

– Да, – отозвался Сэм, – наш пленник тоже выказал большое мужество: он ревел на весь лес.

– Поэтому мы должны освободить его и предоставить ему выбор: вернуться к своему племени или остаться с нами, – продолжал Ян.

Глаза пленника загорелись, и он хрипло произнес:

– Я хочу быть индейцем!

– А чем ты заслуживаешь этой чести? Что ты умеешь делать? – поинтересовался Сэм.

– Я могу воровать яблоки и другие плоды... могу прятаться так, что меня никто не увидит... Я не раз смотрел из-за кустов, как вы делали свое типи и строили плотину... Я купался в вашем пруду... Я сидел в вашем типи и курил из вашей трубки... Я...

– Довольно! – прервал его Ян и, обратившись к воображаемым слушателям, произнес торжественным тоном. – Великие вожди и воины сангерского народа! Наш пленник выказал удивительное мужество во время произведенной над ним пытки и обнаружил замечательные таланты, присущие великому индейскому народу. Согласны ли вы принять его в свое племя и сделать третьим вождем?

– Согласны! Принимаем! – крикнул Сэм. – Только нужно дать ему какое-нибудь имя.

– Как бы нам назвать его? – задумался Ян. – Он моложе нас, поэтому будет вполне справедливо, если мы назовем его Молодая Ветка.

Новый вождь попробовал было выразить протест против такого незначительного прозвища, но его товарищи были непреклонны: пока он подвигами не заслужит более громкого имени, его будут называть только так.

Гай скрепя сердце вынужден был покориться, дав себе слово во что бы то ни стало завоевать более громкое имя.

Глава 12

Ссора

Как-то все трое приятелей сидели возле типи.

– А я сегодня видел красного реполова, – сказал Сэм.

– Реполова? – удивился Ян.

– Да, – подтвердил молодой Рафтен, – именно реполова. Это самая красивая птица в наших краях.

– А колибри? Она ведь гораздо красивее!

– Ничего подобного!. Колибри слишком маленькая и вовсе не такая красивая, как принято думать. То ли дело реполов! Он...

– Ты мало смыслишь в птицах! – перебил Ян. – Колибри – это крылатый драгоценный камень; она и самая маленькая, и самая богато окрашенная представительница царства пернатых...

Он вычитал это в какой-то книге, и сейчас хотел похвастаться своими знаниями.

– Ну, это в книжках так пишут, – фыркнул Сэм. – А я не раз видел колибри у нас в саду и уверяю тебя, что реполов гораздо красивее. Он совсем красный и горит огнем, а крылья у него черные. Бабушка Ньювиль говорит, что индейцы называют его «птицей войны», потому что где он пролетит, там непременно будет война.

– А, так это кардинал! – догадался Ян. – Где ты его видел?

– Он сидел на верхушке нашего типи. Надеюсь, от этого у нас война не начнется... Я выстрелил в него из лука, но промахнулся. И теперь не знаю, куда улетела моя стрела. Искал, искал ее... А это была Верная Смерть, самая лучшая из всех моих стрел.

– А что ты мне дашь, если я найду ее? – вмешался Гай.

– Смолы для жевания, – усмехнулся Сэм, зная, как давно его новый товарищ добивается этого. – А еще скажу, как обращаться с ней, чтобы она не вязла в зубах.

– Замётано! Вот твоя Верная Смерть, – и Гай вынул стрелу из кучи хвороста. – Я заметил, как она упала сюда.

Чуть погодя «индейцы», нанеся на лица боевую раскраску и надев головные уборы, отправились в поход. Вооруженные луками и стрелами, они медленно подвигались вперед, внимательно осматривая по дороге следы и прислушиваясь, нет ли поблизости врагов.

Хотя они шли, стараясь производить как можно меньше шума, но все-таки спугнули с «огненного дерева» (так они стали называть пихту, с тех пор как узнали о ее свойстве загораться от трения) небольшого ястrebа. «Индейцы» пустили ему вслед три стрелы разом, но ни одна из них до цели не долетела.

– Гнездо! – вдруг воскликнул Ян, взглянув на пихту. – Нужно посмотреть, нет ли в нем чего.

Он отлично умел лазить по деревьям. Сбросив с себя куртку, брюки и головной убор, он быстро полез наверх, не обращая внимания на липкую смолу, выступавшую блестящими каплями из коры.

И тут в уме Гая внезапно зародился коварный замысел, которым он поделился с Сэмом. Проказники напихали в куртку и панталоны Яна листьев и травы. Сделав таким образом чучело, они украсили его головным убором из перьев, вонзили в грудь чучела одну из стрел Яна и удрали.

Между тем Ян благополучно добрался до вершины дерева и увидел, что воображаемое гнездо – просто нарост, который часто встречается на пихтах. Мальчик крикнул о своем открытии товарищам, но не получив ответа, спустился с дерева. В первое мгновение вид чучела рассмешил мальчика, а потом он обнаружил, что куртка порвана, а стрела сломана.

Ян рассердился. Он оделся и в мрачном настроении направился к типи. Тут оказалось, что Гай роется в его вещах, а Сэм перелистывает его записную книжку и читает вслух:

– «Красивая пустельга, хохлатая птичка!

Отважная...»

– Кто тебе позволил? – рассвирепел Ян и вырвал из рук Сэма книжку.

– Эх, не дал дочитать! – ухмыльнулся Сэм. – Интересно, какую ты подобрал рифму к слову «птичка»?

Ян покраснел от стыда и досады. Он втайне от всех сочинял стихи, но скрывал это от товарищей.

Гай, бывший заодно с Сэном, тоже ввернул какое-то насмешливое словечко. Это еще больше разозлило юного поэта. С силой оттолкнув Гая, он выскоцил из типи. Вслед ему донесся веселый смех товарищей, потом оттуда показался Гай. Мальчик принял театральную позу и начал во все горло декламировать:

– «Красивая пустельга, хохлатая птичка!

Отважная малютка, милая певичка...»

Ян окончательно вышел из себя. Схватив большой комок земли, он запустил им в насмешника. Гай громко взвизгнул.

– Тебя забрасывают цветами! – послышался насмешливый голос Сэма. – Вот что значит признание таланта!

Ян потерял всякое самообладание. Он кинулся на Гая и принялся тузить его.

– Пусти меня!.. Пусти! – голосил Гай. – Сэм! Помоги...

– Погоди, не мешай мне! – крикнул Сэм. – Я тоже пишу стихи.

Наконец Гаю удалось вырваться. Из типи показался Сэм и начал:

– «Пустельга, пустельга, глупая птица...»

Но он не окончил: Ян бросился на него с горящими от гнева глазами. Отвесив друг другу по нескольку тумаков, бойцы сцепились врукопашную. Сэм был поплотнее и посильнее Яна, зато последний отличался большой ловкостью и, кроме того, в школе он научился некоторым приемам английской борьбы. К тому же ярость придавала ему сил. Не прошло и минуты, как его противник уже лежал на земле, а Ян сидел на нем и дубасил его кулаками.

Гай подскочил было, чтобы помочь товарищу, но тут же получил от победителя такую затрещину, что отлетел в сторону и растянулся на

земле.

В пылу драки никто не заметил стороннего наблюдателя. Невдалеке стоял мистер Рафтен и с любопытством наблюдал борьбу. На его лице выражался не гнев, а досада: его сильный и рослый сын потерпел позорное поражение в борьбе с худым и болезненным противником!

Молча проглотив эту горькую пилюлю, он направился прочь. И только тут Ян заметил его. Сердце мальчика затрепетало: теперь его наверняка прогонят с фермы, и дома ему здорово достанется от отца.

Глава 13

Примирение

Весь остаток дня мальчики избегали друг друга. Ян чувствовал себя очень неловко. Он почти не прикоснулся к еде за ужином и на тревожный вопрос миссис Рафтен ответил, что нездоров.

Над столом повисло молчание: мистер Рафтен переживал позорное поражение сына; сын злился на Гая, втянувшего его в глупую историю; Ян сердился на свою горячность и опасался самых дурных последствий. Только маленькая Минни, дочка Рафтенов, которой недавно исполнилось три года, была оживлена и весело болтала. Подобно всем детям, она очень любила говорить на ушко разные «секреты».

В эту минуту девочка сидела на коленях у брата, и он что-то шептал ей. Она кивнула головкой и, когда Сэм спустил ее на пол, подбежала к Яну. Тот тоже взял ее на руки и принял ласкать. Она заставила его нагнуть голову и, обхватив своими пухлыми ручонками шею мальчика, шепнула ему:

– Никому не говори... Это секрет.

Что бы это значило: брат послал ее к нему со словом примирения или же это ее обыкновенная игра? Тем не менее ласка ребенка растрогала Яна, и он, нежно целуя девочку, в свою очередь шепнул ей:

– Не бойся, Минни, я никому не скажу.

Он понимал, что погорячился и был не совсем прав, к тому же чувствовал, что и Сэм не прочь помириться. Это вселило в него некоторую надежду на благополучный исход их общей глупости.

На другой день за завтраком царило такое же удручающее молчание, как накануне во время ужина. Отодвинув тарелку, мистер Рафтен поднялся со своего места и сказал со своей обычной резкостью:

– Ян, поедешь со мной в школу.

«Ну, конец!» – с горечью подумал Ян, потому что школа находилась как раз по дороге на железнодорожную станцию. Правда, мистер Рафтен ничего не сказал о вещах Яна...

Некоторое время они ехали в повозке молча. Наконец Рафтен заговорил:

– Ян, кем намерен сделать тебя отец?

– Художником, – ответил мальчик, недоумевая, к чему клонит Рафтен.

– А художник тоже должен быть образованным человеком?

– И очень даже... Чем он образованнее, тем лучше.

– Да? Вот и я всегда твержу Сэму то же самое... А что, много зарабатывают художники?

– Смотря по таланту... Некоторые зарабатывают целые миллионы.

– Миллионы? Скажи пожалуйста...

– Честное слово. Например, английский живописец Тёрнер нажил больше миллиона, хоть и сошел после с ума. А Тициан и Рафаэль жили во дворцах.

– Ну-да, наука великое дело...

Они подъехали к школе. Хотя были каникулы, но дверь в школу оказалась отворенной и на крыльце стояли два старика, очевидно, поджидавшие Рафтена. Это были два попечителя школы, Бойль и Мур. Третьим был Рафтен, который всегда стоял за образование и не жалел денег на школьные нужды.

В этот день было назначено особо важное совещание относительно постройки нового дома для школы. Рафтен привез с собой разрешение из департамента народного образования. В нем было сказано, что округ должен собрать половину суммы, необходимой для строительства школы, а другую половину брал на себя департамент, если будут соблюдены условия. Главным требованием было необходимое количество кубических футов воздуха на ученика.

Каким образом малограмотные попечители могли выполнить эту нелегкую задачу? Запросить об этом департамент было неловко, а учитель уехал в отпуск. Вот Рафтен и надумал разрешить трудную задачу при помощи Яна, в учености которого он имел уже случай убедиться.

– Ян, – спросил он, когда они вошли в одну из школьных комнат, – сколько, по-твоему, приходится футов воздуха в этой комнате на каждого ученика, если заняты все места?

Юный «ученый» быстро измерил длину, ширину и высоту помещения, потом пересчитал места и спросил:

– Учителя тоже принимать в расчет?

– Конечно! – воскликнул Мур. – Ему вдвое больше нужно воздуха, чем любому из учеников: он дышит как боров, особенно когда его рассердят.

Ян взял мел и принялся делать вычисления на классной доске. Старики с почтением и любопытством следили за растущим рядом цифр, уверенно выводимых рукой мальчика.

– Около двадцати кубических футов, – сказал наконец Ян.

– Ага! Получилось то же самое, что и у правительенного инспектора! – торжествующе воскликнул Рафтен. – Я вам говорил, что Ян справится с этим не хуже любого инженера! Ну, теперь давайте посмотрим эти бумаги.

И они все трое углубились в план предполагаемого здания и смету, составленную подрядчиком по этому плану.

– А сколько будет футов, если учеников окажется вдвое больше, учитель опять один, а размер помещения вот такой? – снова обратился Рафтен к Яну.

– По двадцати пяти футов на каждого, – ответил мальчик, произведя вычисление.

– Значит на пять футов больше! – воскликнул Рафтен, побагровев. – Я вам говорил, что архитектор и его подрядчик мошенники. Они хотят обставить нас. Но это им не удастся. Мы сделаем новый план, а этот...

Ян попросил позволения взглянуть на план, которым яростно размахивал Рафтен.

– Погодите, – остановил он разошедшегося фермера таким тоном, каким раньше никогда не говорил с ним, – нужно еще принять в расчет прихожую и раздевалку.

Он вычислил объемы этих помещений и объявил, что план вполне соответствует указанной инспектором норме воздуха.

– Все равно за ними нужно глядеть в оба! – фыркнул Рафтен.

Он весь так и сиял от гордости, точно сам был участником в этой победе подростка над цифрами.

С этой минуты Рафтен стал относиться к Яну с полным уважением и на обратном пути разговаривал с ним как со взрослым. Мальчик понял, что гроза миновала, и приписывал это своим удачным ответам в школе. Он даже не подозревал, что приобрел уважение фермера, когда победил Сэма.

Итак, Ян мог успокоиться: с фермы его не выгонят. Но ему очень хотелось помириться с Сэром.

Такой случай скоро представился. Как-то раз, когда мальчики закончили работу, к ним подбежала Минни и, подняв кверху свою розовую рожицу, попросила:

– Сделайте стульчик! Покатайте сестренку!

Сэм и Ян привычно соединили руки и посадили на них малышку. Она обхватила их за шеи и засмеялась счастливым смехом.

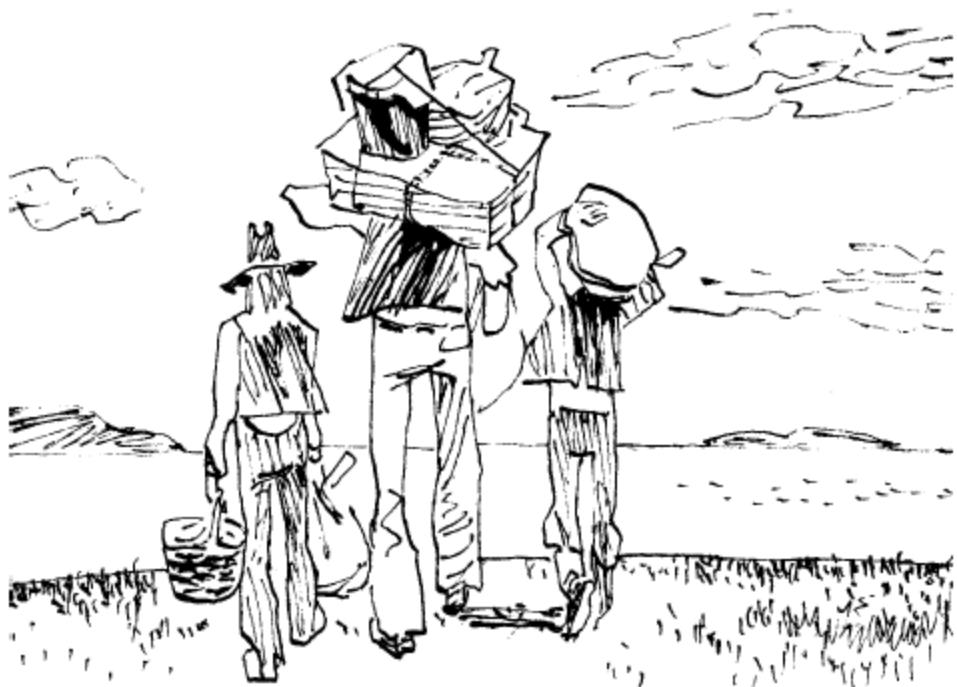
– Знаешь что, Ян? – вдруг сказал Сэм. – Давай помиримся.

– Я тоже хотел предложить тебе, – поспешил ответить Ян. – Прости меня, я очень виноват перед тобой...

– Нет, Ян, – перебил Сэм. – Всему виной этот мерзавец Гай. Вот только одного не могу понять: как тебе тогда удалось меня на землю уложить? Научи меня, а?

Часть третья

В лесу

Глава 1

Переселение в лес

– Уж очень много времени вы тратите на путешествие в лес и обратно, – сказал как-то мальчикам Рафтен бесстрастным тоном, по которому никак нельзя было понять, говорит фермер серьезно или шутит.

– Мы бы совсем переселились туда, если бы могли, – ответил Ян.

– Так за чем же стало дело? Я бы на вашем месте давно поселился там, – усмехнулся Рафтен, давая понять, что с его стороны не будет препятствий к этому.

– Значит, мы можем уйти в лес и каждый день приходить оттуда работать на ферму? – спросил Сэм.

– Да, вам придется... – начал было Рафтен.

– Нет, Уильям, нет! – вмешалась его жена. – Надо устроить им каникулы, на целый месяц.

– На месяц? М-м-м... – промычал фермер. – Скоро начнется уборка хлеба. Все работники будут заняты в поле. Кто же будет ходить за скотом?

– До уборки хлеба еще недели две-три, – возразила миссис Рафтен. – Пусть отдохнут до того времени.

– Ладно! – махнул рукой Рафтен. – Отправляйтесь в лес на две недели. Но смотрите, чтобы потом заняться делом как следует. Слышите?

– Ура! – воскликнул Сэм. – Можно мы возьмем ружье? В лесу оно лишним не будет...

– Да дайте же мне закончить! – перебил его отец. – Итак, вы можете совсем переселиться в лес на две недели... Забирайте с собой все, что нужно. Но ружья я вам не дам. Какие же вы будете «индейцы» с ружьем? У вас есть луки и стрелы, ими и довольствуйтесь.

Мальчики согласились с этим и начали готовиться к переселению в лес. Сборами руководила сама миссис Рафтен.

– А кто из вас будет готовить еду? – между прочим спросила она.

– Мы сами... по очереди, – ответили переселенцы.

– Хорошо. Ну, так слушайте, как и что нужно будет вам делать.

И она стала учить их, как варить кофе и картофель, как поджаривать мясо. Запасов они должны были взять с собой столько, чтобы хватило на все время их пребывания в лесу.

– А за свежим мясом и за молоком можете приходить на ферму, – сказала добрая женщина.

– До болота ваши пожитки можно довезти на телеге, а там уж сами справитесь, – проговорил Рафтен. – Впрочем, я, пожалуй, помогу вам.

В его словах слышался живой интерес к затеи мальчиков, хотя фермер и старался не показывать этого.

Когда телегу разгрузили возле болота, Рафтен взвалил на свои богатырские плечи чуть не половину поклажи и направился с этой ношей по едва заметной тропинке. Скоро все вещи и провизия были размещены в типи. Юные переселенцы горячо благодарили фермера.

– Не стоит, ребятки! – отозвался тот и с грустью в голосе добавил как бы про себя: – Я припоминаю то время, когда жил здесь... Сколько раз, бывало, мы с Калебом ночевали возле этой речки. Тогда тут был еще густой лес... А вы сумеете соорудить себе кровати?

– Нет, отец! – поспешил ответить Сэм, подмигнув Яну. – Покажи, пожалуйста, как их устроить.

– Ладно. Давайте топор.

– Топора нет, у индейцев только томагавки, – проговорил Ян. – У нас есть большой и поменьше.

– Давай который побольше, – усмехнулся фермер.

Сильными, ловкими ударами Рафтен повалил небольшую пихту и несколько молодых ясеневых деревьев, запасаясь таким образом

жердями и ветками. Потом живо сколотил из четырех жердей раму для кровати и плотным слоем уложил на них пихтовые ветки.

– Сверху можете еще настлать травы, и у вас будет индейская перина, мягкая и удобная, – сказал он. – Я велел матери положить парусину. Из нее сделаете полог, он будет защищать вас от мош카ры... Ну, а теперь до свидания. Если что понадобится, приходите на ферму...

С этими словами фермер рас простился с мальчиками и удалился.

Глава 2

Первая ночь и первое утро

Когда шаги Рафтена замерли в отдалении, юных переселенцев охватило еще не испытанное ими чувство полного одиночества. Мечта их осуществилась, но когда начало темнеть, обоим стало жутковато.

– Надо развести огонь, – сказал Сэм.

Через несколько минут в типи весело запылал костер, и Сэм принялся готовить ужин, который состоял из «мяса буйвола» и «луговых кореньев», то есть из обыкновенной говядины и картофеля.

Плотно поужинав, «индейцы» молча сидели у огня. Каждый был погружен в собственные мысли.

Вдруг ночную тишину прервал уже знакомый мальчикам крик совы, а вслед за ним раздался какой-то протяжный вой.

– Что это? – всполошился Ян.

– Н-н-не знаю, – отозвался его товарищ.

Переселенцы разговаривали робким шепотом; им обоим было как-то не по себе. Торжественная таинственность ночи и незнакомые звуки удручающе действовали на юных «дикарей». Им обоим очень хотелось покинуть лес и бежать без оглядки домой, но из боязни насмешек домашних, особенно самого мистера Рафтена, ни один из них не решился высказать этого желания вслух.

Костер догорал. Необходимо было подбросить дров, но «индейцы» не отваживались выйти за ними наружу. Наконец Сэм, напустив на себя смелости и проворчав что-то о трусости, недостойной настоящих индейцев, осторожно вышел из типи. Через минуту, бледный и трясущийся, он возвратился с охапкой хвороста и плотно прикрыл за собой дверь. Но тут поднялся ветер, и костер стал дымить.

– Послушай, Бобр, нужно переместить дымовой клапан, а не то мы задохнемся, – заметил Сэм. – Пойди, устрой... Ты это лучше меня умеешь делать.

Скрепя сердце вышел наружу и Ян. Ветер усилился и стал переходить в небольшую бурю. Мальчик с трудом переставил шесты и приладил отдушину к ветру.

– Ну, как теперь? – спросил он хриплым шепотом.

– Получше, – ответил таким же шепотом Сэм, хотя дым по-прежнему не шел в отдушину.

Ян поспешил войти в типи и закрыть вход. Мальчики подбросили в костер хвороста и улеглись спать, но заснуть долго не могли. Особенно был возбужден Ян. Когда по брезенту что-то царапнуло, он похолодел. «Какой-нибудь зверь?» – подумал мальчик, но, поразмыслив, догадался, что это просто скатываются сухие листья, падавшие с деревьев.

Он успокоился и задремал. Однако вскоре его разбудил протяжный вой, доносившийся с вершин деревьев. Волосы у Яна поднялись дыбом, он встал, подкинул в костер дров и прислушался. Было тихо.

Мальчик прилег и снова задремал. Чуть погодя вой повторился, еще более протяжный и страшный. Ян вздрогнул, приподнял голову и увидел, что Сэм сидит на постели и тревожно прислушивается.

– Что это такое? – дрожащим шепотом спросил он.

– Н-не... знаю, – заикаясь, прошептал Сэм. – Где наши томагавки?

– Большой тут, а маленький, кажется, мы оставили снаружи.

– Напрасно! Ну, впрочем, все равно, пускай он остается там до утра. Выходить за ним не стоит... А теперь давай послушаем еще.

И они снова насторожили уши. Вой не повторялся, и мальчики наконец крепко заснули.

Ян проснулся, когда яркое утреннее солнышко наполнило типи рассеянным светом.

– Дятел, вставай!.. Пора! – весело крикнул он, расталкивая сладко спящего товарища.

- А?.. Что? – пробормотал тот, протирая глаза.
- Вставай, говорю! Смотри, как светит солнце!
- Я еще немного полежу, а ты пока займись завтраком... Сегодня твоя очередь, – проговорил Сэм, лениво потягиваясь.

Ян поднялся и занялся приготовлением завтрака. В золе потухшего костра нашлось несколько тлевших еще угольков. Юный «повар» раздул их и подбросил хвороста. Вскоре в котелке закипала вода для кофе, а на сковородке шипела яичница с ветчиной.

Лежа на спине, Сэм наблюдал за действиями товарища.

– Поваром ты, пожалуй, еще можешь быть, а в истопники не годишься, потому что ничего не смыслишь в топливе, – заметил он. – Смотри, как у тебя сыплются искры... Ты, того и гляди, сожжешь нашу постель, а то и все типи!

Искры и правда одна за другой с треском вылетали из костра, попадая на постель и на покрышку типи.

- Я же не виноват, что дерево дает искры... – возразил Ян.
- Ты, наверное, подбросил в костер сучков вяза или...
- Именно вяза. А что?
- То-то и оно! Береза, клен, ясень, орешник не дают искр, а вяз, каштан и кедр всегда разбрасывают искры, потому они и не годятся для костров, особенно тех, которые разводят внутри типи. Каждый индеец это хорошо знает.

– Ну, хорошо, теперь и я буду знать, – слегка сконфуженным голосом проговорил Ян и прибавил: – А ты вставай. Яичница давно готова, да и вода вот уж закипела.

Сэм поднялся, и мальчики весело позавтракали. За едой они от души смеялись над своими ночными страхами и подтрунивали друг над другом.

Глава 3

Следы и «книга посетителей»

После завтрака мальчики приступили к переодеванию, им очень хотелось быть настоящими индейцами.

– А как быть с Гаем, Дятел? – спросил вдруг Ян. – Возьмем его опять в свою компанию?

– Я тоже думаю об этом, Бобр. Не хотелось бы снова связываться с этим озорником, но втроем веселее. К тому же мы ведь уже приняли его в наше племя.

– Тогда подадим ему сигнал!

«Индейцы» вышли из типи и испустили несколько пронзительных визгов, чередуя их криками: «Го! го!» На этот условный сигнал Гай обычно тотчас же являлся.

Призыв не остался без ответа: вскоре Гай показался, размахивая «веткой мира» в знак своих дружеских намерений.

Правда, шел он очень медленно, сильно хромая и опираясь на палку. Гай был по обыкновению босиком, причем его левая нога была обвязана тряпкой.

– Что случилось с твоей ногой, Ветка? – полюбопытствовал Сэм. – Уж не было ли у тебя стычки с бледнолицыми?

– Нет. Вместо того чтобы сгребать граблями траву, я вздумал немножко покататься на них верхом. Отец влепил мне такую затрещину, что я упал и повредил ногу. Ревел на весь сад... Небось, и вы слышали?

– Слышали страшный визг и подумали, что это кричит какой-нибудь зверь. Только потом догадались, что это ты, – ответил Сэм.

– Я нарочно так визжал, чтобы вы догадались, – хмыкнул Гай. – Но теперь моей ноге лучше, – прибавил он, сбрасывая тряпку, под которой оказалась всего лишь небольшая царапинка.

Мальчик свернул тряпку, сунул ее в карман и сразу перестал хромать.

Как хорошо летом вставать пораньше! Всюду кипела лесная жизнь: порхали с веселым щебетом птицы, по деревьям прыгали белки, по воздуху носились пестрые бабочки.

Мальчики решили обойти свои «владения». Возле плотины Ян вдруг нагнулся и стал что-то пристально рассматривать.

– Что ты там нашел? – спросил Сэм. – Какой-то след... Чей он?

– Не знаю, – ответил Ян. – Для выхухоли он слишком широк, для енота слишком мал, для выdry...

– Уж не оборотень ли здесь был? – не без тревоги прервал его Сэм.

Ян громко расхохотался.

– Смейся, смейся! – серьезно проговорил Сэм. – Смотри, не пришлось бы потом плакать, когда ночью он появится у нас в типи...

– Знаешь что, Дятел? – продолжал, не слушая товарища, Ян. – Помоему, это след хорька...

– Ты думаешь? – воскликнул Сэм и, пристально всмотревшись в след, прибавил: – А ведь и в самом деле... Ай да Бобр! Ты славно разбираешься в следах! А давай устроим около нашего типи «книгу посетителей»? Тогда мы всегда будем знать, кто к нам подходил.

Мальчики тотчас же приступили к делу: расчистили место и покрыли землю толстым слоем топкой черной тины, а потом разулись, и каждый оставил на черной тине след своей босой ноги. Следы вышли разные, и Ян тотчас же довольно точно срисовал их в тетрадку.

– Вы, значит, здесь и ночуете? – спросил Гай, заметив постель и посуду.

– Да, мы совсем переселились сюда, – ответил Сэм.

– Возьмите и меня к себе, – взмолился Гай. – Мать отпустит меня, а что касается отца...

– А ты скажи ему, что мой отец не желает, чтобы ты жил с нами, тогда он лично приведет тебя к нам, – расхохотался Сэм.

– Ну, это едва ли, – возразил, не поняв насмешки, Гай. – Но я буду приходить к вам, когда все улягутся спать... На вашей постели можно будет улечься и втроем...

– Ну нет, она рассчитана только для двоих! – поспешил сказать Ян, которого всегда раздражала неряшливость Гая. – Можешь устроить себе отдельную и поставить ее по другую сторону костра.

– Я не умею...

– Ну, мы сами тут все сделаем, а ты сходи пока домой за одеялом. Да захвати чего-нибудь из еды!

Гай отправился домой, пообещав вскоре вернуться.

Мальчики прождали его до наступления темноты, но Гай так и не появился. Решив, что он не придет, Ян и Сэм поужинали и легли спать.

Не успели они задремать, как в лесу сначала раздался дикий вой, а потом послышались отчаянные вопли. Мгновение спустя в типи влетел насмерть перепуганный Гай.

Немного успокоившись, бедолага рассказал, что когда у него в доме все улеглись, он взял свое одеяло и потихоньку выскоцил в окно. Подходя к типи, он хотел было повыть волком, чтобы попугать товарищей, как вдруг с дерева раздался в ответ какой-то страшный

вой. Гаю сделалось жутко, он закричал, бросил одеяло и не помнит как очутился в типи.

Мальчики зажгли «факелы», то есть простые смолистые ветви, и отправились искать брошенное одеяло. Вернувшись в типи, они устроили Гаю постель, и немного спустя все заснули крепким сном.

Утром раньше всех поднялся Сэм. Он тотчас же вышел и стал разглядывать «книгу посетителей».

– Бобр, иди скорее сюда!

– Что случилось, Дятел? – полюбопытствовал Ян.

– А вот гляди, – торжествующе проговорил Сэм. – Видишь следы?

– Вижу... И чьи же они, по-твоему?

– Вот этот, побольше, от сапог отца, а этот, поменьше, от башмаков матери. Я хорошо знаю их следы. Пойдем, посмотрим, откуда и куда они идут.

Дальнейший осмотр показал, что следы шли от фермы Рафтена и обратно. Вероятно, супруги ночью приходили сюда и, убедившись, что все благополучно, со спокойным сердцем отправились домой.

Мальчики вернулись в типи, разбудили Гая и приказали ему почище вымыться в пруду, а потом заняться приготовлением завтрака.

Гай взялся за стряпню с энтузиазмом, но очень быстро охладел к этому занятию. Он все перепортил: одно недоварил, другое переварил, и в довершение всего подал немытые тарелки, доказывая, что мыть их не стоит, потому что они все равно будут грязными.

Кроме того, он жаловался на сильную боль в ноге от топтания на одном месте. Однако, когда «индейцы» отправились «на охоту», боль в ноге у него прошла и он весело прыгал впереди.

– Красная птичка! – воскликнул он, увидев на ветке кардинала, сверкавшего на солнце ярким оперением. – Сейчас я тебя подстрелю!

– Не смей стрелять в певчих птиц! – остановил его Сэм. – Это приносит несчастье.

– Что за удовольствие быть индейцем, если нельзя стрелять? – возразил Гай.

– Стрелять ты можешь, но только в ворон, галок или в сурков...

– Я знаю место, где живет сурок с медведя ростом! – оживился Гай.

Ян и Сэм дружно расхохотались.

– Смейтесь, смейтесь! – обиженно продолжал Гай. – А ведь это сущая правда. У него такая огромная нора на нашем лугу, что в нее недавно провалилась большая косилка и потянула за собой отца вместе с лошадью...

– Они так и остались в норе? – с притворным ужасом округлил глаза Сэм.

– Нет, выбрались. Но когда отец вытащил оттуда косилку, она оказалась сломанной... Ох, он и ругался! Обещал мне четверть доллара, если поймаю сурка. Я пробовал ставить у норы капкан, но этот хитрец его обходит...

– Он и сейчас живет на лугу? – спросил Ян. – Давайте устроим на него охоту!

– Да, хорошо бы застрелить его! – воскликнул Гай. – Пойдемте, если не боитесь.

«Индейцы», вооруженные луками и стрелами, отправились на луг Бернса.

– И где твой сурок? – спросил Сэм.

– Да вот же! – Гай указал на небольшую норку и еле заметные следы рядом с ней. – Видите, какие огромные следы? Почти как медвежьи!

– Гм... – пробурчал Сэм. – Ну, давайте поищем. Охотники долго ходили по лугу, но «страшного зверя» так и не обнаружили. Голодные и недовольные они вернулись в типи.

Глава 4 Набег

После обеда и отдыха «индейцы» решили совершить набег на «территорию бледнолицых».

– Нужно добыть съестных припасов и узнать новости, – заметил великий вождь Дятел. – Прикинемся бледнолицыми, чтобы не возбуждать подозрений, – прибавил он авторитетным тоном.

Переселенцы сняли индейские головные уборы, оставили оружие и тронулись в путь к ферме Рафтена. Они шли друг за другом по-индейски, старательно выворачивая пятки и молча оглядываясь по сторонам, знаками выражая, что им грозит большая опасность.

Прячась за забором «индейцы» прокрались к сараю. Двери всюду были отворены, все работники были заняты делом. Из сарая раздался пронзительный визг поросенка и громкое хрюканье свиньи. Вслед за этим послышался недовольный голос Рафтена:

– Несносные свиньи! Без мальчишек некому смотреть за ними!

Храбрые воины поспешили спрятаться, а когда голос фермера замер в отдалении, устроили военный совет.

– Великие сангерские вожди! – торжественно начал Ян. – Вот три соломинки: длинная для Дятла, средняя для Бобра, а короткая для Ветки. Смотрите, я бросаю их. Куда они упадут расщепленным концом, туда мы и должны следовать. Так всегда поступают индейцы в затруднительных случаях, – пояснил он.

Соломинки упали на пол: длинная указывала на дом, средняя – на сад, а короткая – на дорогу, ведущую к владениям Бернса.

– Ну, мне нужно идти в сад, Дятлу – на кухню, а Ветке – домой. Так приказывают соломинки, – объявил Ян, указывая на них.

– Ну, вот еще! Я вовсе не хочу идти домой... – протестовал Гай. – Что мне там делать?

– Смотри, как бы с тобой не случилось какого несчастья! Так бывает, если ослушаешься соломинки... – серьезно проговорил Ян, нахмурив брови.

– Пускай остается с нами, – махнул рукой Сэм. – Ветка, иди с Бобром в сад, а я отправлюсь в дом... Постарайтесь в саду добыть яблок и каких-нибудь еще фруктов, а я раздобуду молока и какой-нибудь другой провизии. Сходимся на опушке леса. Пусть каждый приносит туда свою добычу... Но, чур, действовать осторожно и не попасться в плен!

С этими словами он, крадучись, направился к погребу. На полке стояли кувшины с молоком. Вор схватил один из них и с жадностью отпил почти половину. Тут только он вспомнил, что не захватил с собой никакой посудины, в которую можно было бы налить молока. Пришлось пробираться в кладовую.

Там Сэм нашел небольшое ведерко с крышкой, прихватил по пути большой пирог с мясом и вернулся в погреб. Наполнив ведерко молоком, он выбрался во двор и пустился наутек.

Великий вождь Дятел был уверен, что его никто не видел. Однако когда позже он повторил набег на погреб, нашел там клочок бумаги, на котором крупным почерком миссис Рафтен было нацарапано:

«Враги индейцы! Совершая набеги на наше поселение, не забывайте брать с собой ведерко и прикрывать крышками кувшины с молоком».

Между тем Ян полз на четвереньках вдоль забора. Он почти добрался до сада, когда услышал за спиной шорох. Ян обернулся и увидел Гая.

– Ты зачем здесь? – прошипел он. – Ты должен идти вон туда, к вишням!

– Я туда и пробираюсь, – кивнул Гай и скрылся из вида.

Ян пополз дальше. Возле птичника спугнул курицу, которая с громким испуганным кудахтаньем кинулась прочь. Мальчик увидел дюжину яиц и аккуратно сложил их в шляпу.

Осторожно прижимая к груди хрупкую добычу, он направился было к саду, но остановился: неподалеку раздался яростный лай и

крики о помощи. Чуть поодаль Ян увидел Гая: он, пронзительно крича, карабкался на дерево, а дворовый пес Кэп злобно лаял на него, стараясь схватить за ноги.

Ян отогнал собаку и строго посмотрел на Гая:

– Вот что значит не слушаться соломинки! Если бы не я, Кэп тебя растерзал бы!

– Ничего подобного! – возразил Гай.

– А зачем же ты так кричал и полез на дерево?

– Да просто хотел подразнить эту глупую собаку! А потом бы я слез с дерева и задал ей взбучку!

Ян расхохотался и подтолкнул Гая в спину:

– Ладно, отправляйся теперь за вишнями, да не задерживайся!

Через полчаса «индейцы» покинули «территорию бледнолицых» и, нагруженные богатой добычей, торжествуя вернулись в свою лесную обитель.

Глава 5

Охота на оленя

Вечером «индейцы» устроили настоящий пир. После плотного ужина они легли спать и сладко проспали бы, вероятно, до позднего утра, если бы перед рассветом их не разбудил испуганный Гай. Мальчик боялся, что слышал, как к типи подошел медведь и громко щелкал зубами.

На самом деле это Сэм имел привычку скрежетать во сне зубами. Тем не менее никто из храбрых воинов не решился высунуть носа из убежища, пока не рассвело.

Когда солнце наконец взошло, Ян несмело вышел из типи и направился к «книге посетителей».

– Дятел! Ветка! Идите сюда! – крикнул он. – Здесь следы оленя!

– Оленя? – недоверчиво повторил Сэм и присмотрелся. – Помоему, это следы заблудившегося теленка.

– Нет, нет, именно оленя! – упорствовал Ян. – Надо срисовать их, пока они свежие.

И он побежал за бумагой и карандашом.

– Слушай, Дятел, – сказал Гай, пользуясь отсутствием Яна. – Давай разыграем Бобра...

Сэма долго уговаривать не пришлось. Пока Ян старательно срисовывал следы и беседовал с Сэном, Гай сделал из куска мешковины голову оленя, набил ее сеном и насадил на палку. Два куска коры изобразили уши, глаза и ноздри были нарисованы углем.

Гай поставил «оленя» позвал товарищей:

– Дятел, Бобр! Идите скорее! Здесь олень... Наверное, тот самый, что оставил следы...

– Где? Где? – спросил, подбегая, Ян.

– А вон в кустах... Видишь его голову? – прошептал Гай. – Тише, не спугни его... Беги скорее за луком и стрелами... А я пока постерегу

его.

Ян сбежал в типи за оружием, он весь дрожал от восторга.

– Стреляй, стреляй скорее! – подзадоривали его товарищи.

Ян натянул лук и услышал, как хохочут Сэм и Гай. Он с недоумением взглянул на них, потом перевел взгляд на неподвижную голову оленя и, подойдя поближе, понял, в чем дело.

– Ладно, я все-таки выстрелю! – крикнул он, прицелился и пустил стрелу.

Стрела попала в шею чучела. Вслед за ним выстрелили и товарищи. Гай «промазал», а стрела Сэма угодила чучелу прямо в нос.

– Удачный выстрел! – похвалил Ян. – Молодец! Не то что Ветка...

– Я бы тоже не дал промаха, если бы подольше метился! – с живостью проговорил Гай.

Вскоре вся голова оленя была сплошь утыкана стрелами. Преимущество оказалось на стороне Сэма и Яна. Гай досадовал на свои промахи, оправдывая их тем, что его лук хуже, чем у товарищней.

К обеду стрелки вернулись в типи. За обедом Ян сказал Гаю:

– Ветка, хоть тебе и редко приходят в голову умные мысли, но сегодня ты придумал отличную забаву. Надо будет довести идею до конца.

– О чем ты говоришь, Бобр? – заинтересовался Сэм.

– Давайте сделаем целого оленя, а не одну его голову. И будем охотиться на него!

Предложение это было единогласно одобрено, и Ян тотчас же приступил к делу. Он набил мешок из парусины сухой травой, потом пришел к нему мешок поменьше – получились туловище и голова. Вместо ног он выстругал из мягкого дерева четыре палки и обернул холстом, чтобы они не отличались цветом от туловища. На «морде» мальчик ваксой вывел глаза и нос, а на туловище изобразил два больших черных пятна. Издали чучело вполне можно было принять за оленя.

– Готово! – объявил юный мастер, любясь своим произведением. – Теперь ждите меня здесь, а я пойду спрячу оленя.

Ян взвалил чучело на плечи и быстро направился с ним в лес. Вернувшись, он торжественно проговорил:

– Порядок! Можно отправляться на охоту.

Вооруженные луками «индейцы» тронулись в путь. По дороге они обсудили правила игры.

– Тот, кто первым найдет оленя, – говорил Ян, – получает десять очков и право первого выстрела. Если он промахнется, стреляет второй, а если промахнется и этот, то третий, и так далее до тех пор, пока кто-либо не попадет в оленя. Потом стреляют уж все вместе. Кто попадет прямо в середину черного пятна, то есть в сердце, тому будет засчитано десять очков, а попавшему в бок около пятна – пять. Это все «настоящие» раны, во всех же других местах – простые царапины, и за них будет насчитываться только по одному очку. Каждый может сделать двенадцать выстрелов.

Правила были единогласно приняты, охотники торжественно поклялись неукоснительно их соблюдать.

Сэм и Гай энергично принялись за поиски оленя. Первый делал вид, что рассматривает воображаемые следы, а второй просто заглядывал во все кусты. Гай не отличался особенной наблюдательностью, зато его острые глаза могли видеть на далекое расстояние.

– Вот он! Вот олень! – вдруг воскликнул мальчик, указывая на невдалеке куст. Из куста действительно торчала голова чучела.

– Верно! Всего десять очков, – Ян сделал пометку в записной книжке. – Можешь стрелять.

Гордый первым успехом, Гай кое-как натянул лук и, почти не целясь, выстрелил. Стрела, не долетев до цели, упала в нескольких шагах от нее.

Кинули жребий. Второй выстрел принадлежал Сэму.

– Знаешь что, Бобр? Нам необходимо добавить к твоим правилам еще одно, – сказал молодой Рафтен, измерив глазами расстояние до

цели. – Если один стрелок промахнулся, то следующий может сделать несколько шагов вперед, чтобы скорее попасть в цель. А иначе мы будем охотиться до утра...

– Согласны! Согласны! – дружно ответили товарищи, с нетерпением желавшие продолжать охоту.

– А какой величины должны быть шаги? – спросил Сэм.

– Какие сможешь сделать, – пожал плечами Ян.

– Вот и хорошо! – воскликнул Сэм и сделал пять огромных прыжков.

Он тщательно прицелился, выстрелил, но тоже промахнулся.

Настала очередь Яна. Его стрела тоже не достигла цели, лишь задела куст, в котором находился олень. После него, сделав пять прыжков, опять выстрелил Гай. Промах. Наконец с тридцати шагов Сэм попал в бок оленя.

– Славный выстрел! Настоящая рана! – воскликнул Ян. – Великий вождь Дятел заработал пять очков, – прибавил он, делая пометку в книжке. – Ну, теперь мы можем стрелять все вместе. Становитесь в ряд и цельтесь вернее. Ну, готовы? Раз... два... три!

Свистнули разом три стрелы. Две пронеслись мимо цели, а третья застряла в задней ноге оленя. Второй и последующие общие «залпы» дали почти такой же результат. Зато после десятого одна стрела попала прямо в середину черного пятна. По договору этим охота кончалась: олень считался убитым.

Мальчики бросились смотреть, кому посчастливилось совер什ить этот подвиг. В сердце оленя оказалась стрела Гая.

– Браво, Ветка! – закричал Ян. – Десять очков тебе за это... Теперь нужно подсчитать очки.

Гай перещеголял всех и набрал двадцать шесть очков: десять за обнаружение оленя, еще десять за смертельную рану в сердце, пять за простую рану в бок и один за царапину в ногу. Сэм за две раны и две царапины получил двенадцать очков, а Ян за одну рану и пять царапин – десять.

Гай торжествовал и не скрывал своего триумфа.

– В следующий раз я сразу попаду в сердце! – уверял он.

Он предложил товарищам дополнить правила еще одним параграфом: тому, кто спрячет оленя так, что оставшиеся не смогут его найти, засчитывается двадцать пять очков. Сэм и Ян согласились.

Бросили жребий, кому на этот раз прятать оленя. Жребий выпал Гаю.

Обрадованный мальчик взвалил оленя на плечи и отправился с ним в лес. Через полчаса он вернулся:

– Готово! Ищите!

Сэм и Ян прочесали чуть ли не весь лес, но без успеха. Гай торжествовал: он снова выиграл двадцать пять очков.

Глава 6

Бумажные следы

На следующее утро Сэм сказал Яну:

– Вот что, Бобр: по-моему, олень должен оставлять следы. Тогда удобнее будет искать его.

– А ведь верно, Дятел, – согласился Ян. – Давай нарежем бумаги, положим ее в мешочек и сделаем в нем дырку, в которую бумага будет сыпаться на дорогу; это и будут следы. Мешочек повесим на оленя, и когда олень побежит...

– Понял! Понял! – радостно воскликнул Сэм. – Это ты отлично придумал: по таким следам мы обязательно найдем его.

И друзья тут же принялись за работу: изорвали на мелкие клочки всю оберточную и вообще ненужную бумагу, какая нашлась у них в типи и в карманах. Потом они сшили мешок и проделали в нем дырку с таким расчетом, чтобы при самом легком сотрясении мешка из него постепенно сыпались бумажные клочки.

Гай этой ночью был дома. Когда он явился в типи, товарищи привязывали к брюху оленя мешок.

– Что это вы делаете? – полюбопытствовал мальчик.

Когда ему объяснили, в чем дело, он сначала запротестовал, потому что, по правилам, он опять должен был прятать оленя и рассчитывал вновь получить двадцать пять очков, но потом подчинился решению, принятому большинством голосов.

После обеда снова началась охота. Гай отправился прятать оленя и так запутал следы, что охотники с трудом разобрались в них. Они заметили оленя только в пятнадцати шагах.

Первым увидел его Сэм и получил десять очков. Он выстрелил и промахнулся. За ним стрелял Ян. Сделав пять шагов вперед, он пустил стрелу. Мимо!

Настала очередь Гая. Он уже стрелял с расстояния в пять шагов и, разумеется, вонзил стрелу прямо в сердце оленя. Успех вскружил Ветке голову: он задрал нос и стал насмехаться над товарищами. Те сначала хотели поколотить хвастуна, но потом передумали и ввели новое правило: стрелять не ближе чем с пятнадцати шагов от цели.

Игра делалась все интереснее и стала походить на настоящую охоту. Находить оленя благодаря бумажным следам стало легче, несмотря на все ухищрения Гая, старавшегося как можно хитрее прятать оленя и запутывать следы. Однажды он провел следы к пруду и поместил оленя хотя и на видном месте противоположного берега, но на слишком большом расстоянии, так что, кроме него самого, никто из товарищей не мог попасть в цель. Гай опять выиграл. Это заставило охотников дополнить правила новым параграфом – не загонять оленя в такие места.

Мальчики так увлеклись игрой, что вскоре весь лес был усеян клочками бумаги и отличать прежние следы от новых стало невозможно. Ян предложил использовать цветную бумагу, но и это помогло лишь на время: запас цветной бумаги скоро истощился.

Охотники пригорюнились, не зная, как выйти из возникшего затруднения. И тут к ним заглянул Калеб. Старик всегда делал вид, что просто шел мимо, но на самом деле его притягивали лесная жизнь «индейцев» и их игры. Приходу Калеба мальчики всегда были очень рады, ведь мудрый старик каждый раз давал им какой-нибудь хороший совет.

– О, у вас уже и дичь есть! – проговорил Калеб, увидев истыканное стрелами чучело оленя. – Очень недурно! Кто смастерили?

«Индейцы» охотно поделились с ним своими новостями, а также рассказали и о возникшем затруднении со следами.

– А вы добудьте каких-нибудь зерен и разбрасывайте их вместо бумаги, – предложил Калеб. – К утру их подберут птицы и белки, и у вас каждый раз будут новые следы.

Сэм тут же вскочил и со всех ног пустился к дому. Вскоре он вернулся с мешком кукурузы.

– То, что нужно! – Калеб достал из мешка горсть золотистых зерен и предложил: – Давайте и я разок спрячу чучело. Заодно покажу вам, к каким уловкам прибегает настоящий олень, чтобы спастись от охотников.

С этими словами стариk взвалил на плечи оленье чучело и быстро исчез в лесной чащe. Охотники направились по следу зерен, оставленному Калебом. Сначала след шел почти по прямой линии, потом стал описывать круг и возвращался назад, почти пересекая свой путь.

– Смотрите внимательнее, – улыбнулся стариk. – Видите, след не пересекается.

Присмотревшись, охотники заметили, что след очень широкий, точно двойной. Значит, олень пошел по своему же следу! Ян пригляделся, увидел, где след раздваивается, и побежал вперед.

– Ага, вот он! – закричал юный охотник и вскинул лук.

Когда подоспели остальные, в сердце оленя уже торчала стрела, хотя расстояние было довольно значительным.

Глава 7

Военный головной убор и «гран ку»

– Попал с сорока шагов! – весело произнес Калеб, любуясь на сиявшим торжеством юного стрелка. – Как говорят индейцы, «гран ку»!

– А что означает «гран ку»? – спросил Ян.

– Великий подвиг, – пояснил старик. – Обыкновенный подвиг индейцы называют «ку», а великий – «гран ку». Это слово, должно быть, французское, потому что вся Канада когда-то принадлежала французам, и индейцы переняли у них много слов, которые им нравились... Они вели счет своим «ку» и за каждый подвиг получали право прибавлять к своему головному убору по большому перу, а за «гран ку» – даже с красным волосяным пучком на конце.

– А наши головные уборы похожи на индейские? – полюбопытствовал мальчик.

– Ваши? Гм!.. Надо полагать, что вы никогда не видели настоящих головных уборов индейцев, если состряпали себе такие. Прежде всего, перья должны быть белые с черными концами. И их не следует прикреплять туго, у индейцев они держатся на мягкой кожаной шапочке совсем свободно. К концу стержня каждого пера прикрепляется тонкая кожаная петля, сквозь которую продевается тесемка, придерживающая перо, а посередине продергивается шнурок, он-то и скрепляет все перья. На каждом пере отмечается, как оно добыто. Вот каким должен быть настоящий индейский военный головной убор.

– А за хорошие выстрелы из лука индейцы не дают почетных перьев? – спросил Гай.

– Дают. Я же сказал, что выстрел Яна они сочли бы за «гран ку».

– Экая важность!.. Он попал в цель случайно. А вот я почти всегда...

– Ну, это мы потом увидим! – прервал хвастунишку Ян. – Давайте попросим мистера Кларка помочь нам сделать настоящие индейские головные уборы, и станем носить на них только те перья, которые будут присуждены за подвиги...

– Ну, это можно, – согласился старик.

За неимением подходящей кожи, он выкроил шапку из парусины и сшил ее. Орлиные перья были заменены гусиными, вычерненными на концах ваксой.

Когда головные уборы были готовы, приступили к важному вопросу: за какие именно подвиги должна присуждаться награда? Толковали долго, но ни к какому окончательному решению не пришли.

– Пойдемте лучше в типи, – предложил Ян. – Там не так жарко, да и мошек меньше.

– Ну, здесь у вас тоже не так прохладно, как могло быть, – заметил Калеб, когда они вошли в типи.

– А что делают индейцы, чтобы было прохладнее? – спросил Ян.

– Они поворачивают типи в ту сторону, откуда веет прохлада. Можно еще поднять с одной стороны покрышку так, чтобы был приток воздуха.

По указанию Калеба мальчики приподняли немного покрышку типи с подветренной стороны, а с теневой – побольше. В типи сразу сделалось гораздо прохладнее.

Ян горячо поблагодарил старика за эти полезные указания и попросил помочь им определить, за какие подвиги можно будет присуждать награду.

– Вы можете устраивать состязания в беге, плавании и стрельбе, – сказал старик. – А тому, кто отличится в этом, присуждайте награду... Например, попасть стрелой в вашего оленя со ста шагов будет «гранку», а шагов с пятидесяти – просто «ку». Попасть в сердце оленя за семьдесят пять... даже за пятьдесят шагов – это тоже можно называть большим подвигом...

Калеб замолчал и принял усилия сосать свою коротенькую трубку.

– А есть у индейцев какие-нибудь игры, мистер Кларк? – немножко погодя спросил Ян.

Старик встрепенулся и с живостью ответил:

– О, да, у них много разных игр. Некоторые я помню и, пожалуй, расскажу... Вот, например, интересная игра для испытания остроты зрения...

– О, в этой игре я всех перещеголял бы! – воскликнул Гай. – Я могу видеть...

– Замолчи, хвастун! Не мешай! – прикрикнул на него Ян. – Продолжайте, пожалуйста, мистер Кларк.

– Вот в чем состоит эта игра, – продолжал Калеб. – Индейцы делают два шестидюймовых квадрата из какого-нибудь белого дерева и рисуют в этих квадратах углем по кролику. Потом в одном квадрате намечают углем шесть кружков и относят его шагов за сто. Второй квадрат вручают одному из играющих. Он приближается к первому квадрату, пока не будет в состоянии рассмотреть, где именно расположены кружки. Тогда он останавливается и намечает их на своем квадрате. Если ему удастся сделать это на расстоянии в семьдесят шагов, значит, он молодец, в шестьдесят шагов – неплохо, а если меньше пятидесяти – это уж никуда не годится...

– Я бы мог... – начал быстро опять Гай, но окрик Яна снова заставил его прикусить язык.

– Остроту зрения индейцы испытывают и другими способами, – продолжал старик. – Раз при мне один из индейских вождей, обладавший очень зоркими глазами, показывал молодым воинам созвездие Плеяд, которое индейцы называют «Гроздью». Он велел им сосчитать, сколько в этом созвездии «ягод», то есть отдельных звезд. Одни насчитали пять, другие – шесть и очень немногие – семь. Кто насчитал семь, у тех самые зоркие глаза... Теперь Плеяд не видно; их можно наблюдать только зимней ночью. Но Большая Медведица видна в течение всего года. Ее индейцы называют

«Горбатая Спина». Старые индейцы обычно спрашивают у молодых: «Видите женщину с ребенком на спине?» То есть маленькую звездочку, как бы примкнувшую к большой. Кто ясно разглядит ее, у того хорошие глаза... Когда я был молод, ее видел... – со вздохом заключил он и, поднявшись, вышел из типи.

– Ян! Гай! – раздался вдруг его голос. – Идите-ка сюда!

Все мальчики поспешили на этот зов.

– Вот мы только что толковали о хорошем зрении, – сказал стариk. – Кто разглядит и определит, что это там?

Он указал на видневшееся через просветы в листве поле Бернса.

– Это как будто... медвежонок, – проговорил Ян, прищурив глаза.

– Нет, это наш сурок! – взвизгнул Гай. – Нужно подстрелить его!

И он со всех ног бросился в типи за луком и стрелами.

– Захвати и наши! – крикнули ему вслед товарищи.

Через минуту охотники уже мчались к полю, забыв даже принять необходимые предосторожности, чтобы не спугнуть зверя. Сурок еще издали заметил врагов и насторожился. Зверек был очень неуклюж и действительно походил на медвежонка. Грудь у него была коричневая, а спина и голова с сильной проседью.

Юные охотники стали в ряд, натянули луки и по команде Сэма разом выстрелили. В сурка понеслось три стрелы, но ни одна из них не достигла цели – и зверек успел спрятаться в свою нору.

Глава 8

«Вакан» и индейский колодец

На следующее утро Ян спросил товарища:

- Ты как спал, Дятел?
- Почти целую ночь не мог сомкнуть глаз.
- Вот и я тоже. Хоть и укрылся запасным одеялом, но дрожал всю ночь... Отчего бы это?
- Не знаю... Не было ли ночью тумана?

В это время проснулся Гай.

- А ты как спал, Ветка? – обратился к нему Сэм.
- Славно... всю ночь без просыпу, – ответил мальчик. – А что?
- Ничего... А вот мы с Бобром почти не спали. Посмотрим, что будет дальше.

В следующую ночь было еще хуже. Гай снова крепко проспал до утра, а его товарищи продолжали всю ночь. На рассвете Сэм поднялся. Голова у него кружилась, во всем теле чувствовалась какая-то слабость.

– Нет, это ни на что не похоже! – проговорил он. – Если будет так продолжаться, я лучше буду уходить на ночь домой...

Ян молчал. Он тоже чувствовал себя плохо, но ему не хотелось отказаться от ночевки в лесу.

Под влиянием живительных лучей солнца мальчики несколько приободрились, но продолжали ломать головы над тайной загадочного явления и решили обратиться за разъяснением к всезнающему Калебу.

На их счастье, он явился к ним после обеда. Внимательно выслушав их сбивчивый рассказ, он, по своему обыкновению, обратился к одному Яну:

- А вы хоть раз просушивали свою постель с тех пор, как стали спать на ней?

– Нет, ни разу, – признался Ян.

Старик отправился в типи, ощупал простыни и одеяла и покачал головой:

– Ну, вот вам и причина: вы во время сна потеете, поэтому постель у вас сырья. Индейцы регулярно просушивают одеяла на солнце или у костра. Попробуйте каждый день делать то же самое и сразу перестанете зябнуть.

Мальчики послушались этого совета и в следующую ночь действительно спали хорошо. Вскоре они благодаря тому же Калебу приобрели еще одно полезное знание. Появились комары, они целыми тучами клубились в типи, и там было невозможно сидеть. Калеб научил мальчиков выкуривать этих назойливых насекомых. Теперь вечером, перед тем как ложиться спать, мальчики разводили в типи костер, клали в огонь свежую траву и плотно закрывали вход. Через некоторое время они осторожно входили в типи, костер был почти потухшим, над ним висело густое облако дыма, а под ним воздух был совершенно чист. «Индейцы» тщательно выметали погибших комаров и укладывались спать, плотно закрыв вход. В типи не оставалось ни одного живого насекомого, а стоявший у клапана дым не пускал в типи новых.

Но избавившись от комаров, переселенцы столкнулись с новой проблемой: им страшно досаждали синие мухи, которые кружились над столом и попадали в тарелки. Пришлось опять обратиться за советом к Калебу.

– В этом вы должны винить самих себя, – сказал старик. – Какую грязь развели!

В самом деле, вокруг типи чего только не валялось: обглоданные кости, картофельная шелуха, рыбья чешуя, хлебные корки.

– Что же нам теперь делать? – недоумевал Ян.

– Очень просто: или перенести типи подальше или прибраться здесь.

Первое средство требовало больших хлопот, поэтому решились на второе и энергично принялись за работу. Ян первый схватил лопату

и начал копать яму на приличном расстоянии от типи. Товарищи его тоже не сидели сложа руки. Когда яма была готова, они перетаскали в нее весь мусор, валявшийся возле типи, и по совету Калеба сожгли его.

Старик сидел с неизменной трубкой в зубах и смотрел на дружную работу мальчиков:

– Если вы хотите быть настоящими индейцами, то не бросайте остатки еды. Индейцы всегда выбирают какую-нибудь скалу и относят все обедки туда, чтобы умилостивить духов. Эту священную скалу они называют «вакан». Кусочки пищи, разумеется, съедают птицы и дикие животные, но индейцам все равно, кто принимает их дары – духи или птицы...

Обрадованные мальчики тотчас же отправились на поиски подходящего утеса. Они вскоре нашли небольшой холмик и решили ежедневно носить на него «жертвы лесным духам». На другой же день они с удовольствием обнаружили, что птицы основательно очищают «вакан», а что остается от них, окончательно уничтожается четвероногими.

Но вскоре пришла новая беда: переселенцы стали страдать легким расстройством желудка. Когда они рассказали об этом Калебу, старик сказал:

– Это оттого, что вы пьете воду из пруда. Она теперь вредна, потому что цветет.

– А как же нам быть, мистер Кларк? – спросил Ян.

– Нужно вырыть колодец, – ответил старик.

– Но ведь на это уйдет уйма времени!..

– Вовсе нет, – возразил Калеб. – Можно сделать колодец по индейскому способу. Дайте-ка мне лопату.

Старик отыскал сухое место футах в двадцати от верхней части запруды и стал копать. На глубине трех футов начала уже показываться вода; а когда Калеб дошел до четырех футов, она вдруг брызнула так, что он был вынужден остановиться.

Калеб взял ковш и вычерпал грязную воду до самого дна. Потом, дав яме вновь наполниться, он опять удалил всю воду. После третьего раза вода в яме стала чистой и прозрачной.

– Вот вам и индейский колодец, – довольно проговорил Калеб. – Вода в нем из вашего же пруда, но, пройдя сквозь двадцатифутовую толщину земли и песка, она очистилась и стала вполне пригодной для питья.

Глава 9

Индийский барабан

– Вот из этого дерева можно сделать индийский барабан, – сказал Калеб, когда однажды вместе с мальчиками проходил мимо большой липы.

Ствол дерева со сгнившей сердцевиной представлял собой круглую длинную трубу.

– А как его сделать? – заинтересовался Ян.

– Давайте топор.

Ян сбежал в типи за топором. Калеб вырубил гладкий кусок ствола, фута в два длиной, и снял с него кору.

– А у вас найдется кусок какой-нибудь кожи? – осведомился он.

– Какой же именно?

– Не важно, лишь бы она была крепкой и не очень старой.

– У нас в сарае есть телячья кожа... – заметил Гай.

– Марш скорее за ней! – Сэм подтолкнул младшего товарища в спину.

Гай со всех ног бросился домой. Тем временем старик занялся отделкой остова барабана. Он гладко обтесал всю поверхность ствола, потом вкопал дуплистый обрубок в землю, положил в середину хвороста, зажег его и все время тщательно следил, чтобы внутренние стенки только выгорели, а не прогорели насквозь. Когда остатки сердцевины равномерно выгорели и обуглились, Калеб так же гладко выстругал их, как и снаружи.

Когда остов барабана был готов, вернулся Гай и принес две телячьи шкуры. Они оказались очень жесткими и не очищенными от покрывавших их волос.

– Нам понадобится несколько дней, чтобы размягчить их, – заметил Калеб и положил кожи в лужу.

Через три дня стариk достал шкуры из воды, они стали мягкими и белыми. Калеб вымыл их в мыльной воде и с обеих сторон выскоbлил тупым ножом. Потом он вырезал два круга около тридцати дюймов в поперечнике и по краю проколол в них дырки острием ножа. Из остатков кожи был выкроен тонкий длинный ремень.

После этого стариk положил один круг на землю, поставил на него остов барабана, прикрыл его сверху вторым кругом и прошнуровал ремнем оба круга. Сначала он продевал ремень свободно, а потом туго затянул.

Когда барабан был готов, мальчики его испробовали. Заготовленными заранее палочками они принялись колотить по туго натянутой коже, но барабан издавал глухой звук – совсем не тот, какого ожидали юные барабанщики.

– Дайте ему просохнуть, – улыбнулся Калеб.

Он, как всегда, оказался прав: через несколько дней звук барабана мог заставить трепетать сердце любого краснокожего! Юные дикии горячо благодарили старого учителя, который сам сиял от восторга, хоть и старался не показывать этого.

Глава 10

Кошка и хорек

Сэм снова предпринял вылазку в «стан бледнолицых», то есть домой, за молоком, яйцами, хлебом и прочими продуктами. Гай попал в плен к «врагу», то есть в руки отца, и отбывал ненавистную повинность на огороде.

Ян остался в лесу один. От нечего делать он стал бродить по окрестностям и осмотрел «книгу посетителей». Он обнаружил большие следы, но чьи они, определить не мог, и на всякий случай просто срисовал их.

Дойдя до речки, он увидел на берегу новые следы, показавшиеся ему знакомыми. Ян скопировал их и прилег на небольшой бугорок, с которого можно было наблюдать за обоими берегами. Поблизости лежала большая липа, сваленная грозой.

В липе было дупло. Из него вдруг показалась небольшая голова с блестящими золотисто-зелеными глазами, а затем на ствол дерева выпрыгнула серая кошка. Она принялась умываться лапками, потом потянулась, прошла по стволу, спрыгнула на землю и спустилась по откосу к ручью. Напившись, кошка принялась обнюхивать следы, которые только что срисовал Ян. Они, очевидно, встревожили ее: кошка начала оглядываться по сторонам, потом вскочила на ствол и исчезла среди ветвей.

Ян стал выжидать, что будет дальше. Немного погодя за речкой послышался еле слышный шорох. Мальчик поспешил взглянуть туда и заметил какое-то новое животное, побольше кошки. В приземистом и коренастом животном блестящего черного цвета с белыми пятнами и толстым пушистым хвостом мальчик без труда узнал хорька. Зверек шел вперевалку, не спеша, то и дело останавливалась, чтобы понюхать землю и воздух. Когда он остановился почти против Яна,

мальчик разглядел, что хорек был не один: за ним ковыляли три крошечных детеныша. Да это же самка с потомством!

«Мамаша» тщательно исследовала свежие кошачьи следы, добралась до ствола, залезла на него и юркнула в дупло. Оттуда раздалось громкое жалобное мяуканье. Вслед за тем из дупла показалась самка хорька. Она пятилась задом, таща в зубах маленького котенка.

Бедняга истошно мяукал, цепляясь всеми четырьмя лапками за стенки дупла, но хищница крепко держала свою жертву зубами. Пройдя по стволу, она спрыгнула с него и направилась с добычей к речке.

Котенок продолжал отбиваться и оцарапал свою мучительницу. Та взвизгнула и выпустила из зубов добычу. Котенок отпрыгнул в сторону и огласил окрестности пронзительным мяуканьем.

Ян уже хотел броситься к нему на помощь, как вдруг в траве что-то зашевелилось, потом промелькнула серая тень и на сцене появилась кошка. Шерсть у нее стояла дыбом, глаза горели, взъерошенный хвост ходил ходуном – словом, она представляла в это мгновение воплощенную ярость.

С храбростью львицы, защищающей своих детенышей, кошка бросилась на черную хищницу. Между соперницами завязалась отчаянная борьба. Кошка действовала зубами и когтями. Не успевая отражать нападений более ловкой соперницы, захватчица обдавала кошку удущливыми брызгами своей вонючей жидкости, и вскоре воздух на значительном расстоянии был пропитан отвратительным запахом.

Но кошка не обращала на это внимания и продолжала свое дело. Вскоре голова и шея ее противницы были изодраны в кровь. Побежденная самка хорька кубарем скатилась с откоса и бросилась искать спасения в речке. Кошка погналась было за ней, но, услышав жалобное мяуканье котенка, сидевшего под стволом, остановилась. Ярость ее несколько улеглась. Она подхватила котенка и отнесла его в дупло, а сама снова вышла наружу и с гордым видом

победительницы начала расхаживать по стволу, зорко осматриваясь по сторонам и готовая снова броситься на любого врага, если он осмелится появиться возле ее жилища.

Ян был восхищен героизмом кошки. С этого дня мальчик стал с уважением относиться ко всему кошачьему роду.

Глава 11

Семья белок

Однажды все трое «индейцев», вооруженные до зубов, разгуливали по лесу Бернса.

– В этом дупле наверняка сидит белка, – сказал Гай, указывая на отверстие в старом полузасохшем дереве.

Он подошел к дереву и ударил по стволу обухом «томагавка». Из отверстия тотчас же выскочила белка-летяга. Забравшись на самую верхушку ствола, она стала осматриваться вокруг, потом вдруг раскинула лапы, вытянула горизонтально свой пушистый хвост и перенеслась на соседнее зеленое дерево, где скрылась в густых ветвях от назойливых посетителей.

Юные охотники отправились дальше. Вскоре они набрали на другое отжившее свой век дерево; оно было таким старым, что едва стояло, и в нем виднелось несколько отверстий. Ян сильно стукнул по стволу.

Из нижнего отверстия выскочила обыкновенная рыжая белка и, испуганно оглядевшись, быстро юркнула в ближайшее верхнее дупло. Мальчики принялись дружно колотить по стволу, но белка больше не показывалась.

– Давайте повалим дерево, – предложил Ян.

Товарищи согласились и, отбросив в сторону луки, принялись подрубать с одной стороны полусгнивший ствол. Через несколько минут дерево рухнуло. Его пустая верхушка ударилась о землю и превратилась в кучу трухи и щепок. Охотники бросились искать белку и после довольно продолжительных поисков нашли ее в куче мелко искрошенной кедровой коры. Белка лежала совершенно неподвижно и казалась невредимой, только нос ее был в крови. Вокруг нее копошилось пять маленьких существ, почти совсем еще голеньких, слепых и беспомощных.

Мальчики сначала подумали, что белку просто оглушило ударом, но вскоре убедились, что она не подает признаков жизни. Виновники ее смерти были глубоко огорчены своим необдуманным поступком: ведь теперь всем ее малюткам грозила неминуемая голодная смерть.

Больше всех терзался угрызениями совести Ян, чувствовавший себя ответственным за преждевременную гибель целой семьи безобидных животных.

– Что же теперь делать? – сокрушался он, глядя на осиротевших по его милости малюток. – Они еще слишком малы, чтобы можно было их выкормить и приручить!

– Утопить их, вот и все! – сказал Гай, вспомнив, как у него дома поступали с многочисленными котятами.

– А может, отнести их в кошачье гнездо? – предложил Сэм. – Я слышал, что кошки иногда выкармливают вместе со своими и детенышней других мелких животных...

Ян очень обрадовался совету товарища. Забрав маленьких сирот, мальчики направились к дереву, в дупле которого жила со своим потомством кошка. Ян осторожно заглянул в дупло. Там копошилось несколько котят, а самой матери не было. Пользуясь этим, мальчик положил в кошачье гнездо всех бельчат, и друзья стал выжидать, что будет.

Ждать пришлось довольно долго. Но вот, наконец, на ствол вспрыгнула кошка. Осмотревшись вокруг, она подошла к дуплу и скрылась в нем. Ян осторожно заглянул туда и увидел, как кошка принялась ласкать и облизывать котят, потом, заметив детенышей белки, сначала поочередно обнюхала их, затем улеглась, откинула голову и тихим нежным мурлыканьем собрала всех вокруг себя.

Мальчик с радостью объявил своим товарищам, что маленькие сиротки кормятся вместе с котятами. Охотники успокоились и с облегченным сердцем вернулись к себе. С этого дня они ежедневно навещали гнездо кошки и с удовольствием убедились, что осиротевшие малютки обрели вторую мать.

Глава 12

Наблюдения за лесными обитателями

Время проходило очень весело, и юные переселенцы чувствовали себя прекрасно. Они мало-помалу научились преодолевать мелкие неудобства лесной жизни и перестали бояться их. Непосредственное знакомство с лесными особенностями, а главное, с лесными обитателями, очень интересовало их.

Однажды Ян сидел на берегу пруда и увидел интересную сцену из борьбы за существование. На поверхность воды выплыла небольшая рыбка и поймала водянную муху. В это время в воздухе парил поджидавший добычу зимородок. Заметив рыбку, он быстро опустился, схватил ее, взлетел с ней на ближайшее дерево и, усевшись на ветке, приготовился было проглотить добычу, как вдруг откуда ни возьмись появился ястреб. Хищник бросился на зимородка, вцепился в него когтями и потащил его на берег, где, вероятно, и растерзал бы, если бы в этот момент из норы на берегу не выскочило длинное коричневое животное и не кинулось на ястреба.

События тут же приняли другой оборот. Ястреб ринулся налево от пруда, а зимородок – направо, к пруду; рыбка упала обратно в воду, а выдра (это была она) с растерянным видом осталась на берегу. Трагическая сцена окончилась так комично, что Ян невольно расхохотался.

Через несколько дней Яну удалось познакомиться с проделками мускусных крыс. Однажды он с Сэмом осматривал «книгу посетителей», как вдруг по совершенно пересохшему руслу речки хлынула вода.

– Это еще откуда?! – воскликнул Сэм, с недоумением глядя в сторону запруды.

– Должно быть, образовалась течь в плотине, – ответил Ян. – Пойдем скорее, взглянем.

Мальчики со всех ног побежали к запруде и увидели, что догадка Яна подтвердилась. В одном конце плотины действительно зияло отверстие, проделанное мускусными крысами. Мальчики тотчас же сбегали за лопатами и энергично принялись за работу. Заделать отверстие оказалось не так легко, но юные работники приложили все старания, и им удалось исправить повреждение и остановить течь.

Когда Калебу сообщили о проделке мускусных крыс, он сказал:

– Теперь вы понимаете, почему бобры так преследуют мускусных крыс? Они хорошо знают, что крысы портят их плотины!

Ян устроил себе несколько наблюдательных пунктов, из которых следил за лесными обитателями. Сидя в каком-нибудь укромном местечке, Ян срисовывал все, что попадалось ему на глаза. Он видел, как маленькая белочка пробежала чуть не по его ногам и с испугом отскочила в сторону, когда заметила свою неосторожность. Он видел, как коричневый пушистый зверек осторожно выскочил из-под зеленых листьев куста, одним прыжком перемахнул через лужу, остановился на противоположном берегу и уселся на прогалинке, насторожив длинные уши. Ян узнал кролика и, пользуясь тем, что тот сидел несколько минут совершенно неподвижно, успел зарисовать его.

Мальчик уже давно закончил свой рисунок, а кролик все еще оставался на прежнем месте. Но теперь он уже не сидел неподвижно, а быстро поворачивал мордочку во все стороны. Вглядевшись, юный наблюдатель заметил, что зверек ощипывает верхушки сочной травы. Но вот он, закусив пучком клевера, прыгнул в сторону и свернулся клубком на солнышке, вечерние лучи которого уже слабо согревали землю.

Ян поднялся, собрал свои рисовальные принадлежности и хотел удалиться, как вдруг заметил, что к кролику осторожно пробирается какой-то другой зверек. Когда его осветили лучи заходившего

солнца, мальчик по острой мордочке, торчавшим ушам и пышному хвосту догадался, что это лисица.

Чем ближе подходила она к кролику, тем осторожнее становились ее движения. Каждый шаг хищницы приближал ее к жертве. Ян хотел было уже крикнуть, чтобы спугнуть зверьков и этим положить конец охоте, но решил посмотреть, чем она закончится.

Между тем хищница продолжала подкрадываться и находилась уже совсем близко от жертвы.

В двух шагах от добычи лисица вдруг присела на задние лапы, потом прыгнула на спавшего кролика. Не успел Ян броситься на помощь погибающему, по его мнению, кролику, как произошло нечто такое, чего юный наблюдатель никак не мог предвидеть.

Лишь только лисица сделала прыжок, кролик отпрыгнул в сторону и стрелой пронесся перед носом своего врага. Лисица, опустившись на траву, снова прыгнула за жертвой, но кролик повторил свой скачок в противоположном направлении. Через несколько мгновений преследуемый уже добрался до леса и скрылся в чаще, а хищница с разочарованным видом побрела в другую сторону в поисках более подходящего ужина.

Ян с облегчением вздохнул и вернулся в лагерь, очень довольный, что ему удалось разгадать еще одну лесную тайну.

Глава 13

Условные знаки индейцев

– Вы обещали нам рассказать кое-что об индейских условных знаках, мистер Кларк, – напомнил Ян, когда Калеб пришел к ним как-то вечерком и они все сидели возле типи. – Что это за знаки?

– След мокасина, вид дыма, метка на дереве, согнутая ветка, куча камней – все это индейские знаки, – ответил старик, посасывая свою неизменную трубку. – Каждый из этих знаков что-нибудь означает, и индейцы читают по ним, как мы по книге. Например, один дым означает «здесь привал», два дыма – «тревога» или «я заблудился», три – «хорошие вести».

– А четыре?

– Это редко бывает. Но вообще четыре дыма означают что-нибудь очень важное, например, «великий совет».

– А что означают камни?

– Один камень, положенный на другой, означает «вот здесь наш путь». Небольшой камень, положенный слева от этих двух, означает «отсюда мы повернули налево», а положенный справа – «отсюда мы повернули направо». Три камня, положенные один на другой, означают «осторожнее, берегитесь». А целая груда камней означает «мы здесь стояли: один из наших заболел».

– А как поступают индейцы там, где нет камней, например в лесу или в поле? – продолжал расспрашивать Ян.

– В лесу они оставляют знаки на деревьях и кустах, а в поле – на траве...

Вскоре у мальчиков был целый свод индейских знаков.

Ян попытался устроить дымовой сигнал, но, к глубокому огорчению мальчика, дыма не было видно из-за деревьев даже на сотню шагов. Пришлось опять обратиться за советом к Калебу.

– А ты сначала разведи обычный костер, а потом подбрасывай в него разных гнилушек и травы, – улыбнулся старик.

Мальчик поспешил последовать этому совету. Лишь только трава зашипела на огне, вверх поднялся высокий извилистый столб дыма.

– Такой дым с какого-нибудь высокого места виден издалека, – заметил Калеб.

Ян отбежал подальше, забрался на небольшой бугор и с удовольствием убедился в правоте слов старика.

Когда все снова собрались возле типи, Ян обратился к Калебу с новым вопросом:

– Мистер Кларк, а вам приходилось когда-нибудь потерять дорогу?

– Разумеется, и не раз, – отвечал старик. – Каждый может заблудиться в незнакомых местах, особенно в лесу.

– Даже индеец?

– Конечно. Ведь он тоже человек... Это со всяким может случиться. Только бывалый человек найдет дорогу, а новичок может потеряться и погибнуть.

– А что вы делали, когда вам случалось заблудиться?

– Смотря по обстоятельствам. Если я знал, что недалеко от меня находятся мои спутники, то разводил два дымовых костра. А когда я был совсем один и при мне не было компаса, то находил дорогу по солнцу или по звездам... Разумеется, если стояла хорошая погода; в дурную это невозможно. В последнем случае я прибегал к другим способам.

– К каким же?

– Находил нужное направление по мху на древесных стволах и утесах, а также и по самим деревьям. Известно, что мох всегда растет на северной стороне дерева или утеса, а самые большие ветви находятся на южной стороне дерева; там же бывают и самые густые побеги... Впрочем, это относится только к тем деревьям, которые растут на открытых местах...

– А правда, что есть растения, которые могут служить компасом? – продолжал Ян.

– Правда. Например, степной золотарник. Если вынести это растение на открытый воздух, его головка повернется к северу. Но в густом лесу она или останется неподвижной или склонится, куда попало... Вот еще несколько указаний, как находить дорогу. Если вам попадется тропинка, протоптанная дикими животными, смело идите по ней: она наверняка приведет вас к воде. Не ошибитесь только направлением: идите непременно в ту сторону, где она протоптана виднее, а где она постепенно делается незаметнее, туда не ходите. Лошадь или собака всегда приведут вас к какому-нибудь жилью... Но вообще, чтобы все это знать, необходимо долго прожить в лесу и набраться большого опыта, – заключил старик.

Глава 14

Выделка кож и шитье мокасин

Сэм сделал новый набег на «территорию бледнолицых» и принес шкуру только что убитого теленка. Отец разрешил ему взять ее.

– Хорошо бы нам нашить из нее мокасин, но я не знаю, как они делаются, – сказал он Яну. – Спроси у Калеба. Он тебя научит.

С тех пор, как старый охотник лишился собственного дома, у него не было определенных занятий и он ежедневно посещал «индейцев».

Когда стариk пришел, Ян обратился к нему с вопросом:

– Как индейцы выделяют кожу, чтобы сшить из нее одежду? Вы, наверное, и это знаете.

– Знаю, – ответил охотник, раскуривая угольком из костра свою неизменную трубку. – Они...

Но внезапное появление Гая помешало ему договорить.

– Наша старая лошадь околела! – радостно крикнул он, с шумом влетая в типи.

– Так чему ты так радуешься? – осадил его степенный Сэм.

– Как чему? Я возьму ее хвост на скальп и буду настоящим индейцем!

– Ты лучше попроси у отца позволения содрать с нее шкуру, а я покажу вам, как выдубить эту шкуру и что можно будет из нее сделать, – предложил Калеб.

– Пожалуйста, мистер Кларк, помогите нам устроить это! – попросил Ян.

– Хорошо, пойдемте, – проговорил стариk.

Все вместе отправились к владениям Бернса. Гай раньше других заметил отца, который при помощи двух работников взваливал на телегу павшую лошадь, чтобы вывезти ее подальше и закопать в

землю. Мальчик из опасения попасть в руки «врага», то есть отца, поспешил спрятаться за ближайшим кустом.

– Добрый день, Джим! – приветствовал Калеб Бернса, с которым был в приятельских отношениях. – Никак у тебя пала лошадь?

– Здравствуй, Калеб, – ответил фермер, пожимая руку старого охотника. – Эта кляча все равно ни на что не годилась да и хромала давно...

– А что ты собираешься с ней делать?

– Да вывезти подальше и свалить в какой-нибудь овраг.

– Отдай ее мне.

– Сделай одолжение, возьми... Но на что она тебе?

– Я сдеру с нее шкуру, а остальное закопаю в землю... Только будь добр, перевези ее вон туда, к лесу Рафтена.

– Ладно... А моего шалопая ты не видел?

– Час тому назад я видел, как он пробежал от нашего пруда к вашей усадьбе, – солгал Сэм.

– А! Значит, он дома! Устрою ему сейчас хорошую взбучку за безделье.

Калеб и мальчики улыбнулись, а из-за куста, где сидел Гай, послышалось хихиканье. Но фермер, занятый погрузкой на телегу павшей лошади, не обратил на это внимания.

Через полчаса труп лошади был на указанном Калебом месте. Фермер, распростиившись со старым приятелем, отправился к своей усадьбе. Только он скрылся из виду, Гай присоединился к Калебу и товарищам.

Старый охотник показал «индейцам», как сдирать шкуру, не испортив ее. Главную часть работы делал Калеб, а мальчики только помогали ему.

Когда шкура была снята, старики вынули мозг и печень лошади.

– Это понадобится для дубления кожи, – пояснил он.

Потом старики сделали глубокий разрез вдоль позвоночника от середины спины до самого крупка и вытащили оттуда целый клубок беловатых волокон. Волокна казались скрученными из нескольких

тонких жилок, которые легко отделялись одна от другой и тогда действительно походили на нитки.

– Вот вам целый моток индейских ниток, – сказал Калеб. – Но их сначала нужно высушить, а потом по мере надобности и отделять от них волокна. Чтобы размягчить, их нужно окунуть на полчаса в теплую воду. Тогда они отмякнут и ими можно шить как обычновенными нитками...

– А что же вы будете теперь делать с кожей? – спросил Ян.

– Попробую выделать ее по индейскому способу. Для этого нужно хорошенько счистить мясо и жир с внутренней стороны, потом натереть кожу смесью из печени и мозга и, свернув, положить на несколько дней в прохладное место, чтобы она как следует пропиталась этой смесью. Только сначала печенку нужно сварить и хорошенько растереть с сырьим мозгом...

– Вот и твою телячью кожу мы выдубим по-индейски, Дятел! – воскликнул Ян.

– Для этого потребуется мозг и печень теленка, – заметил Калеб.

– А лошадиными разве нельзя?

– Нельзя. Природа мудро устроила, и спорить с ней не нужно...

Ян и Гай принялись очищать телячью шкуру, Калеб занялся лошадиной, а Сэм сбежал домой и выпросил у матери телячьи мозги и печень.

Когда обе шкуры были достаточно выскоблены, охотник положил лошадиную на несколько дней в тепловатую грязь, чтобы на шкуре отмокла шерсть, а телячью велел хорошенько натереть с внутренней стороны смесью вареной печени с сырьим мозгом. После этой операции шкуру свернули в трубку и положили в прохладное место. Через два дня ее чисто вымыли и повесили просушить. Когда она достаточно просохла, старик вырезал из крепкого дерева кол, заострил его и объяснил, как нужно растягивать кожу и разминать ее острием, чтобы сделать совершенно мягкой.

Лошадиную шкуру обработали точно так же, но так как она была гораздо толще, то ее пришлось дольше вымачивать. Дня через три

была совершенно готова и лошадиная шкура.

– Вот вам кожа, выделанная по индейскому способу, – сказал Калеб. – Она прочна и годится для каких угодно поделок. А чтобы она не затвердела после того, как промокнет, ее нужно прокоптить.

Он велел мальчикам развести возле типи костер и подбросить в огонь побольше гнилушек. Когда повалил густой дым, старик на деревянных кольях растянул над костром кожу и продержал несколько часов. Кожа потемнела и приобрела тот характерный запах, который знаком всем, кто видел индейские кожаные изделия.

– Покажите нам, пожалуйста, как индейцы делают из кожи мокасины и военные куртки, – попросил Калеба Ян.

– Сострять мокасины могу, а вот военную куртку не возьмусь, слишком сложно, – проговорил старый охотник. – Каждое племя шьет мокасины по-своему. Недаром индейцу достаточно взглянуть на обувь незнакомца, чтобы определить, к какому племени он принадлежит. Но главных видов два. Прежде всего мокасины с мягкой подошвой. Они выкраиваются из одного куска кожи, а на подъеме делаются сборки. Отсюда и их название: «оджибва», что значит «сборчатые». Эти мокасины больше распространены в горных лесах. А на равнинах, где много колючек и камней, обувь шьют с твердыми подошвами...

– Нам нужны именно такие! – сказал Ян.

– Тогда смотрите и запоминайте, – кивнул Калеб.

Он взял большой лоскут недубленой, но хорошо очищенной и размягченной в теплой воде лошадиной кожи. Поставив на этот лоскут босую ногу Яна, охотник обвел вокруг нее углем линию, потом по этой линии вырезал подошву. Вторую подошву он выкроил по первой. Затем Калеб измерил длину и толщину ноги около подъема и прибавил дюйм, а измерив в подъеме, прибавил полдюйма. В соответствии с этими мерками, из куска телячьей кожи он выкроил два передка. После этого он вырезал из самого мягкого места телячьей кожи язычки, которые должны пришиваться к передку.

– Можешь расшить их бусинами, как делают индианки, или просто разрисовать, – проговорил старик, передавая Яну скроенные передки.

– Но я не знаю, что нарисовать на них, – смущился мальчик.

– А я тебе расскажу, – усмехнулся Калеб. – По краю нужно нарисовать красные и белые треугольники. Они будут означать холмы, по которым может ходить человек в этих мокасинах. Маленькая синяя дорожка на пятке указывает на то, что осталось позади, то есть на прошлое. На подъеме три дорожки – красная, белая и синяя. Они указывают на будущее...

Лицо Яна светилось от счастья. А Калеб тем временем продолжал:

– Все это ты можешь нарисовать потом, а теперь принимайся за шитье мокасин. Я тебе покажу, как начать. Дай мне шило и лошадиных жил... Стежки нужно делать через край, а не насквозь, иначе они быстро сотрутся на подошве. Вот смотри.

Ян с воодушевлением принялся за работу. Работал он не особенно ловко, но в конце концов у него вышла вполне приличная пара мокасин, и даже разрисованных по индейскому обычью.

Разумеется, любая индианка успела бы сшить несколько пар, пока Ян возился с одной, но едва ли она чувствовала бы такую радость, как мальчик.

Глава 15

Устройство западни

В «книге посетителей» стали появляться следы выдры, и, судя по всему, довольно крупной.

– Как можно поймать выдру, мистер Кларк? – обратился Ян к Калебу, когда тот, по обыкновению, явился к мальчикам.

– Сейчас еще не время. Нужно подождать до осени, – ответил старик.

– А почему их нельзя ловить летом? – любопытствовал мальчик.

– Потому что сейчас у них есть детеныши, которые еще не могут обходиться без матери.

– Мы ее тотчас же выпустим, если она попадется! Пожалуйста, расскажите, мистер Кларк...

– Ну, если так, то я покажу вам, как делается западня. Есть у вас доски из белой сосны или из пихты, гвозди и проволока?.. Но вы должны дать мне честное слово, что каждый день будете осматривать западню, и как только в нее попадет какое-либо животное, особенно самка, сразу же выпустите его.

Мальчики тут же поборолись, что будут осматривать западню даже несколько раз в день; ведь это так интересно.

Сэм снова был командирован в «стан бледнолицых». Вскоре он вернулся с целым ворохом необходимых материалов: досок, гвоздей и проволоки.

Мальчики под руководством старого охотника немедленно приступили к работе. Они сколотили ящик длиной в два фута, одну из стенок которого заменили крепким проволочным переплетом, и устроили все нужные к нему приспособления.

– В эту западню могут попадаться не только выдры, но и кролики, хорьки, мускусные крысы и другие мелкие зверьки. Это будет

зависеть от того, где вы ее поместите и какую будете класть в нее приманку, – сказал Калеб.

– По-моему, лучше всего поставить ее на скале «вакан», – предложил Ян. – Там больше всего разного зверья, ведь мы носим туда остатки еды.

Калеб одобрил это предложение, и западню поместили на знаменитом утесе, а в виде приманки надели на проволочный крючок рыбью голову.

На следующее утро Ян раньше других отправился взглянуть на западню. Подходя к скале, он еще издали услышал стоны и царапанье, доносившиеся из западни, а когда подошел поближе, увидел, что крышка захлопнута.

Мальчик со всех ног припустился назад к типи:

– Дятел! Ветка! Выходите скорей! В западне выдра!

Товарищи его выскочили полуодетые и бросились вместе с ним к скале. Они осторожно заглянули в западню через проволочную решетку и, к полнейшему разочарованию, увидели, что в западне сидит серая кошка. Увидев мальчиков, она съежилась и притихла, но едва охотники подняли крышку, кошка фыркнула и тотчас удрали.

Разочарованные «индейцы» вернулись к себе. При следующих осмотрах западня всякий раз оказывалась пустой, несмотря на всевозможные приманки, которые в нее клали.

Глава 16

Дикие утки

Был очень жаркий день. Ян и Сэм лежали в тени большого дерева. Гая не было.

- Расскажи что-нибудь, Бобр, – сказал Сэм, лениво потягиваясь.
- Что же рассказать тебе, Дятел? – отозвался Ян.
- Что хочешь, только позанимательнее... Ты ведь много читал...

Припомни какую-нибудь историйку.

– Хорошо, я расскажу тебе историю про одного мальчика, который поселился в лесу, чтобы ознакомиться с жизнью лесных обитателей. Он совсем не знал лесной жизни и на каждом шагу встречал множество затруднений, а помощи и совета ни от кого не мог получить. Но он не падал духом. У него была книга о птицах, по ней он узнавал некоторых птиц. А еще он срисовывал их, хоть птицы и не подпускали его близко к себе. Как-то раз он издали увидел какую-то особенную утку и срисовал ее. Только потом он узнал, что это утка-свистунья. Однажды мальчик попал в лес к индейцам, рядом было небольшое болото. Там мальчик однажды заметил утку такой породы, какой раньше ему не приходилось видеть. Он зарисовал ее, но до сих пор не может определить ее названия. Ему сделалось очень досадно, и он с горя отправился в шалаш главного вождя и стащил у него последнее его яблоко!

С этими словами рассказчик вдруг вскочил и бросился в типи, а через минуту вернулся оттуда с большим яблоком и принялся жевать его, поглядывая на товарища.

Сэм, отлично понявший, о каком мальчике рассказывал его приятель, только лениво потянулся:

– Вместо того чтобы огорчаться и воровать у главного вождя яблоки, мальчик должен был обратиться к этому вождю и сказать ему: «Великий вождь, помоги мне в моем затруднении». Вождь

тотчас же повел бы этого бледнолицего мальчика в Дауни и показал бы ему всех существующих в здешних местах уток, причем с самыми точными названиями и пояснениями, где они водятся...

Ян пристально взглянул в лицо товарища, чтобы узнать, серьезно он говорит или шутит. Увидев, что лицо Сэма выражало неподдельное участие, без малейшей тени насмешки, он спросил:

– А что это за Дауни?

Сэм сообщил, что Дауни – небольшой городок, милях в пяти от Сангера. Он назван по имени некоего Дауни, который провел рельсовый путь по топкому болоту, открыл в городке приличную гостиницу и вообще сделал много полезного. Теперь он самый богатый иуважаемый человек в городке. А кроме того, Дауни – любитель уток, и у него их очень много, всевозможных пород. К тому же он человек общительный и охотно показывает их всем, кто интересуется птицами.

– Хорошо бы взглянуть на них, – проговорил крайне заинтересованный мальчик. – Но как мы доберемся до Дауни?

– Очень просто: попросим у отца лошадь и поедем, – ответил Сэм. – Я уже не раз был там и отлично знаю дорогу. Да и Дауни знает меня. Только нам придется переодеться.

Ян был немного разочарован. Ему хотелось пойти пешком и в одежде индейца, чтобы произвести впечатление в городе, но он понял, что это действительно будет неудобно, и согласился ехать в обыкновенной одежде.

Друзья тотчас же отправились на ферму. Самого Рафтена не было дома. Мальчиков ласково встретила миссис Рафтен. Она позволила им ехать в Дауни и даже дала несколько поручений.

Сэм немедленно запряг в повозку лошадь, и мальчики отправились в город.

Они оставили лошадь в конюшне при гостинице, быстро исполнили поручения миссис Рафтен, уложили все покупки в кабриолет и направились к мистеру Дауни.

Это был рослый и сильный человек, очень добродушный. Занятый каким-то делом, он сначала не обратил особого внимания на мальчиков. Но заметив, с каким любопытством Ян рассматривает уток и тщательно зарисовывает их, он заинтересовался юным художником и стал показывать своих птиц, подробно объясняя их родину и названия.

Все утки помещались в отдельных клетках, и их было очень много. Яну потребовалось несколько часов, чтобы срисовать и записать названия около пятидесяти пород.

После сытного обеда, которым Дауни любезно угостил юных посетителей, они к вечеру возвратились на ферму. Сдав отцу лошадь и передав ему поклон от Дауни, мальчики вручили миссис Рафтен покупки и вернулись к себе в лес.

Возле типи их ожидал сюрприз. Приятели сначала с испугом отступили, а потом разразились взрывом дружного хохота: на тропинке стояло чудище, состряпанное Гаем из большой тыквы, вырезанной в виде черепа, и старой газеты, набитой травой.

В типи было пусто. Соорудив страшилище, чтобы напугать товарищей, проказник, по всей вероятности, не рискнул остаться с ним наедине и удрал домой.

Глава 17

Искусство Сэма

Несмотря на свою юность, Сэм считался хорошим плотником даже среди знатоков этого ремесла, а своим товарищам он казался прямо волшебником. Юный мастер, однако, никогда не хвастался своим искусством: он просто пользовался им, когда это было нужно.

Как-то раз Ян пытался расколоть пополам толстую суковатую палку. Он испробовал всевозможные способы, но безуспешно: палка не поддавалась.

– Эх, ты! – воскликнул Гай. – Дай-ка, я покажу тебе, как это нужно делать!

Он взял у Яна топор, долго примеривался и, наконец, ударил по палке изо всех сил. Однако он достиг этим только того, что топор до того крепко вонзился в палку, что его с трудом удалось вытащить.

– Попробуй ты, Дятел! – воскликнул Гай, обиженный насмешками товарищей. – У тебя ничего не выйдет!

Сэм внимательно осмотрел палку, потом стал понемногу лить воду в зарубку, сделанную Гаем. Когда палка достаточно намокла, он ударил по зарубке топором. Палка сразу раскололась пополам.

– Ловко! Молодец, Дятел! – воскликнул Ян. – Нам с тобой так не сделать, Ветка.

– Экая хитрость! – возразил Гай. – С водой-то и я сразу расколол бы. Да и начало было положено мной, зарубка-то была моя.

– Перестань хвастаться, Ветка! – с досадой прервал его Ян.

Он понимал, что молодой Рафтен обладает не одним искусством, но и смекалкой. Вода уменьшила упругость дерева и изменила равновесие палки.

– А ты можешь срубить дерево и повалить его в желаемую сторону? – обратился Гай к Сэму.

– Держу пари на «гран ку», что повалю любое шестидюймовое дерево на какую угодно сторону, – ответил Сэм. – Воткните около дерева кол, и оно упадет прямо на него.

– Врешь! – закричал Гай.

– А вот увидишь, – уверенно проговорил Сэм. – Пойдемте выбирать дерево... Только уговор: если я повалю дерево, то мне «гран ку», а Ветке – хорошая трепка.

– Ну, вот еще! – запротестовал Гай.

– А иначе я не согласен... Тебя надо когда-нибудь проучить за хвастовство.

– Ну, ладно! – согласился Гай и про себя подумал: «В случае чего, я всегда успею удрачить».

Сэм осмотрел топор, подточил его, и все трое отправились выбирать дерево. Они остановились перед белой сосной, дюймов шести-семи в поперечнике. Ветер дул с севера, и Ян хотел вбить колышек на южной стороне.

– Нет, так не годится! – воскликнул Гай, понимавший кое-что в рубке деревьев. – Каждый повалит дерево по ветру. Вот где нужно вбить кол!

И воткнул его с северо-западной стороны.

– Вот теперь посмотрим! – не без ехидства заметил он.

– Ладно! Все равно тебе не миновать трепки, – сказал тем же уверененным тоном Сэм.

Он не спеша обошел вокруг дерева, внимательно осмотрел его наклон и прикинул силу ветра, а потом, встав с юго-восточной стороны дерева, поплевал на ладони:

– Начинаю. Через две минуты будет готово.

– Валяй! – крикнул Ян, взглянув на часы.

Последовало два сильных, ровных удара по дереву с юго-восточной стороны, – и на стволе появилась глубокая зарубка. Юный плотник обошел дерево и сделал на нем такую же глубокую зарубку с северо-западной стороны дюймов на двадцать ниже первой. Все

движения Сэма были неторопливыми и обдуманными; каждый удар отличался строгим расчетом.

Когда зарубка углубилась до двух третей ствола, Ян, держа в руке часы, воскликнул:

– Одна минута уже прошла! Торопись, Дятел!

Сэм ничего не ответил. Он следил за ветром и выжидал более сильного порыва. Вот верхушка дерева покачнулась; послышался сильный треск. Чтобы испытать устойчивость дерева, Сэм толкнул его. Дерево наклонилось, и как только оно стало отклоняться по ветру, мальчик несколькими сильными ударами прорубил всю выемку с юго-восточной стороны.

Центр тяжести сразу переместился на северо-запад, и дерево рухнуло в эту сторону прямо на кол, почти вогнав его в землю.

– Минута и сорок пять секунд! – восторженно воскликнул Ян. – Браво, Дятел! Это настоящий «гран ку»!

– Подавай сюда свой скальп, Ветка! – потребовал Сэм и хотел схватить Гая за вихор, но юркий мальчик увернулся и исчез в ближайших кустах.

«Совет вождей», в котором участвовал и Калеб, единогласно постановил за этот «гран ку» наградить великого сангераского вождя Дятла большим «орлиным» (то есть гусиным) пером, а младшему вождю Ветке за уклонение от наказания и за бегство на «территорию бледнолицых» сделать на первый раз строгое внушение с предупреждением, дабы этого впредь не повторялось.

Глава 18

Чучела сов

Однажды поздно вечером, когда Гай уже лежал в постели, а товарищи собирались последовать его примеру, близ типи раздался крик совы. Сэм выскочил наружу и увидел, как ночная хищница уселась на вершине «заколдованный столба». Столб этот представлял собой высокий шест, на котором красовался щит, украшенный разными перьями. По индейскому обычаяу, Ян нарисовал на щите белого буйвола как девиз своего племени.

– Бобр, дай мне скорее лук и стрелы! – прошептал Сэм. – Скорее! Тут, похоже, та сова, что таскает у нас по ночам цыплят.

Ян поспешил выскочил из типи, захватив лук и стрелы Сэма, а заодно и свои.

Сэм наскоро прицелился и выстрелил в птицу, но, очевидно, не попал. Сова, испустив крик, расправила крылья и улетела.

– Эх, пропала моя лучшая стрела! Это была Верная Смерть! – с досадой воскликнул Сэм.

– Ты плохо прицелился, Дятел, – заметил Ян. – Жаль...

Тут снова зашуршали крылья, и сова, словно желая подразнить стрелков, опять уселась на «заколдованным столбе».

– Моя очередь! – шепнул Ян.

Он натянул лук и, тщательно прицелившись, пустил стрелу. Но сова снова улетела.

– Эй, вы, горе-стрелки! – раздался из типи насмешливый голос Гая. – Если сова появится еще раз, позовите меня: я научу вас стрелять.

– Замолчи, хвастун! – прикрикнул на него Сэм. – А не то мы вместо совы пристрелим тебя.

Гай замолчал. Охотники подождали еще некоторое время и пошли спать.

Утром Ян и Сэм отправились искать свои стрелы. За ними с насмешливым видом следовал и Гай. Дойдя до «заколдованного столба», они направились от него в ту сторону, куда, по их мнению, должны были пролететь стрелы.

Шедший впереди Ян шагах в тридцати от столба вдруг остановился и в полнейшем изумлении воскликнул:

– Дятел! Ветка! Смотрите-ка!

Те подбежали и тоже остановились с вытаращенными от удивления глазами: на земле, в двух шагах друг от друга, лежали две огромные совы с торчащими в них стрелами. Обе птицы оказались простреленными прямо в сердце – одна Верной Смертью Сэма, другая Свистуньей Яна.

Искусство стрелков было оценено как «гран ку», и «великий совет» племени решил наградить стрелков орлиными перьями. Только один член совета, третий вождь Ветка, остался при особом мнении.

– Это вовсе не «гран ку», а простая случайность, – упорствовал он. – Вот если бы стрелял я, то...

Но его единичный голос, заглушенный большинством голосов, вынужден был умолкнуть.

Юные стрелки испытывали живейшую радость. Особенно восторгался Ян. Он тщательно измерил каждую сову от клюва до хвоста и ширину распростертых крыльев; с огромным интересом рассматривал их оперение, большие круглые глаза золотисто-желтого цвета и длинные, крепкие когти. Ему было очень обидно думать, что через несколько дней птицы начнут разлагаться, и их придется закопать в землю.

– Ах, если бы можно было сделать из них чучела! – говорил он. – Ты не знаешь какого-нибудь чучельника, Дятел?

– Не-ет, – в раздумье протянул Сэм. – Впрочем, погоди, кажется, Си Ли умеет и чучела набивать. Он вроде говорил что-то такое...

– Правда? – обрадовался Ян. – Надо будет попросить его.

– Надо позвать его сюда, – согласился Сэм. – Я сегодня постараюсь потихоньку переговорить с ним.

Бывший матрос изъявил согласие и явился к мальчикам со всеми принадлежностями, необходимыми для набивания чучел: пучком пакли из раздерганной веревки, большим клоком ваты, клубком суровых ниток, длинными штопальными иглами, полужидким мышьяковым мылом, кукурузной мукой, разной толщины проволокой, напильником, клещами, резаком для проволоки, большими ножницами, буравом и двумя готовыми деревянными подставками.

Работа закипела. Си Ли показывал свое мастерство на сове, а Ян, в точности подражая учителю, проделывал то же самое с другой птицей.

Через два дня чучела птиц были закончены. Оставалось только, когда они достаточно высохнут, снять все нитки и обрезать проволоку.

– Многих я учил набивать чучела птиц, но быстрее вас, мистер Ян, никто не мог одолеть этой премудрости, – похвалил своего помощника Си-Ли.

Гордый этой похвалой, мальчик чувствовал себя на седьмом небе от радости.

Глава 19

Испытание характера

Переселенцы, пользуясь указаниями Калеба, соорудили себе «настоящие» индейские военные головные уборы. Из-за невозможности достать орлиных перьев, они собирали белые лебединые, гусиные и индюшачьи, а Ян окрашивал их кончики в черный цвет. Выкрашенные в красный цвет конские волосы, лоскуты фланели от старой фуфайки и обрезки кожи служили дополнительным материалом.

Все «индейцы» получили призы за разные «ку» и «гран ку». Сэм имел несколько перьев за стрельбу, плавание и за удачные набеги «на территорию бледнолицых». Кроме того, советом племени ему были присуждены два великолепных индюшачьих пера за искусно поваленную сосну и убитую сову.

Ян тоже имел знаки отличия: несколько «ку» за то, что пробежал сто шагов в десять секунд; за то, что прошел четыре мили в час; за то, что проплыл двести ярдов в пять минут; за то, что знал названия многих диких растений, птиц и животных; за то, что хорошо рисовал; за то, что научился быстро находить следы разных животных, и, наконец, «гран ку» – за то, что застрелил сову темной ночью.

У Гая также было несколько «ку» за разные второстепенные подвиги, в том числе и за острое зрение, но ни одного «гран ку», и это сильно огорчало его. Даже старый охотник, благоволивший к мальчику, не мог, по совести, присудить ему высшую награду.

– Что больше всего индейцы ценят в воине? – спросил однажды Гай у Калеба.

– Храбрость, – ответил стариk. – Для них важнее всего, чтобы воин ничего не боялся. Да это не у одних индейцев: храбрых людей везде уважают.

– Ну, так я вам докажу, что ничего не боюсь! – воскликнул Гай. – Испытайте меня.

– Хорошо, – сказал Калеб, – мы испытаем твою смелость. Вот, видишь этот камень? – продолжал он, поднимая с земли небольшой круглый булыжник со сквозной дыркой. – Ты знаешь могилу старого Гарни?

Гарни был пьяницей, погибшим от какой-то случайности. Его похоронили на перекрестке, близ владений Рафтена. Суеверные люди утверждали, что он громко стонет по ночам. Каждый, кто услышит эти стоны, должен тут же выразить свое сочувствие, иначе ему грозит какое-нибудь несчастье. Старый охотник напомнил мальчикам об этой легенде, да так выразительно, что она произвела на них сильное впечатление, особенно на трусливого Гая.

– Так вот, я положу этот камень на могилу Гарни, а ты как-нибудь ночью сходи за ним и принеси его назад, – проговорил стариk. – Согласен?

– Пожалуй, – протянул Гай изменившимся слегка голосом, и по его спине поползли мурашки.

– Если ты это исполнишь, то получишь «гран ку», – сказал Калеб и засобирался домой. – А чтобы ты не подменил камень, я привяжу к нему веревочку, – обернувшись, прибавил он.

Около полуночи мальчики услышали хриплый шепот:

– Эй, Гай! Вставай скорей!

– Кто там? – дрожащим голосом спросил Гай.

– Это я, Калеб. Выходи скорей. Уже половина двенадцатого. Отправляйся на могилу Гарни и принеси камень, который я положил там. Если же не найдешь сразу его могилы, то прислушайся к стону; он покажет тебе, где она. Иди же!

– Но я... я... не увижу дороги в такой темноте, – запинаясь, ответил Гай, плотнее закутываясь в одеяло.

– С твоими-то глазами и не увидишь? Будет врать! Ступай скорей! Помни, если принесешь камень, получишь «гран ку»... Пойдем, я провожу тебя.

– Нет, я... не пойду... сейчас... очень уж темно... Я лучше обожду, когда будет... лунная ночь, – упорствовал Гай, причем его дрожащий голос почти совсем прерывался от испуга.

– Значит, ты трус! – с неудовольствием прошептал Калеб. – И тебе никогда не удастся сделаться настоящим индейцем. А не пойдет ли кто из вас? – обратился он к другим мальчикам.

– Я пойду! – ответили они оба в один голос, хотя и не особенно твердо.

– Ну, кто-нибудь один, – проговорил Калеб. – Бросьте жребий, кому идти.

Ян раздул полупотухший костер и подбросил в него хворосту, а Сэм тем временем отыскал соломинку, переломил ее на две неравные части, зажал их в кулак и сказал:

– Тащи, Бобр. Если вынешь длинную, значит, иди тебе, а короткую – тогда мне.

Ян осторожно ухватил пальцами кончик соломинки и стал медленно вытягивать ее. Она оказалась длиннее той, которая осталась в руке Сэма.

– Тебе идти! – с облегчением произнес Сэм. – Ты вообще счастливчик, тебе во всем везет!

Делать было нечего, Ян медленно оделся и вышел наружу. Калеб терпеливо ждал поблизости. Узнав, что идти выпало на долю Яна, старый охотник ободрил его:

– Молодчина! Люблю смелых! Пойдем, я провожу тебя до опушки леса. Но дальше ты должен идти один, а я подожду твоего возвращения... Дорогу найти нетрудно. Следуй вдоль изгороди. Когда дойдешь до небольшого вяза, отсчитай от него четыре межи. Перейдя их, увидишь белую каменную плиту. За ней лежит камешек с привязанной к нему веревкой, конец которой перекинут через плиту. Вот тебе кусок угля. Если смелость тебя не покинет, напиши на плите свое имя... Да ты не бойся, дружок, и не думай о стонах: их не бывает, все это выдумки... Что, все-таки боязно?

– Да, – откровенно сознался Ян. – Но тем не менее я пойду.

– Молодец! – снова похвалил его охотник. – Да, смел и тот, кто ничего не боится, но еще более смелости у того, кто идет в опасность, преодолевая свой страх: значит, у него есть характер!

Разговаривая таким образом, путники вышли на открытое поле, где было несколько светлее.

– Скоро двенадцать, – проговорил Калеб, вынув часы и осветив их спичкой. – Ступай смелее. Я подожду тебя здесь.

Старик присел на траву, а Ян отправился дальше один. Чтобы не сбиться с пути, он старался держаться указанной ему Калебом изгороди и вскоре выбрался на дорогу, которая оказалась немного светлее травы.

Сердце юного путника судорожно сжималось, на лбу выступил холодный пот, руки и ноги слегка тряслись. Тишина ночи нарушалась только нежным писком полевых мышей. Мальчик время от времени останавливался и со страхом прислушивался, потом снова продолжал путь.

Вдруг в темноте, справа от себя, он услышал шорох и заметил что-то белое. Мальчик остановился, чувствуя, как кровь начинает застывать у него в жилах. Белая фигура медленно надвигалась прямо на него. Ян бессознательно подался в сторону и крикнул трепещущим голосом:

– Кто здесь?

Фигура продолжала молча приближаться. Ян поднял с дороги камень и изо всех сил запустил им в «привидение». Послышался громкий рев. «Привидение» повернулось в сторону и бросилось бежать, задрав вверх хвост. Тут только Ян разглядел, что это старая корова бабушки Ньювиль.

Встреча с коровой несколько ободрила и даже успокоила мальчика, и он снова тронулся в путь. Вот и вяз. Отсчитав четыре межи на запад, путник остановился и с замирающим сердцем стал всматриваться в ту сторону, где должна была находиться могила Гарни. Невдалеке действительно виднелось что-то белое, похожее на могильный камень.

Ян неуверенным шагом направился к могиле. Добравшись до могильной плиты, он стал шарить по ней трясущимися руками, стараясь нащупать веревку, к которой должен был быть привязан камень, но не находил: очевидно, ее сбросил ветер. Но надо же доказать, что он был здесь!

Мальчик вытащил из кармана уголек и нацарапал свое имя на шероховатой поверхности могильной плиты. И тут же нащупал веревку с привязанным к ней камнем.

Тут в канаве рядом с могилой послышалось падение чего-то тяжелого, затем раздался хриплый крик, и началась какая-то возня.

Крепко зажав в кулаке веревку, мальчик кое-как выбрался на дорогу и пустился бежать так стремительно, что чуть не сшиб с ног человека, который схватил его за плечи:

– Стой, Ян! Успокойся. Это я, Калеб.

Оказалось, что старому охотнику наскучило ожидать мальчика, и он отправился ему навстречу. Ян, дрожа всем телом, прижался к Калебу.

– Что случилось, дружок? – спросил стариk, поддерживая готового упасть мальчика.

– Н-н-не знаю, – пробормотал окостеневшим языком мальчик. – Там... что-то упало и... застонало.

– Гм? – произнес с некоторым беспокойством охотник. – Да, мне тоже послышалось... Ну, пойдем! Нас ждут в лагере.

Он взял мальчика за руку и повел. Через несколько минут тот настолько оправился, что смог вполне ясно сказать:

– Мистер Кларк, я принес камень на веревке и написал свое имя на могильной плите.

– Молодец! Сейчас мы утрем носы твоим приятелям!

Они быстро дошли до поляны. Сэм и Гай не спали, дожидаясь их возвращения.

– Ян заслужил «гран ку»: он принес мой камень и написал свое имя на могильной плите, – торжественно объявил Калеб, заходя в типи.

- Молодчина, Бобр! Поздравляю! – искренне проговорил Сэм.
  - Эка важность! – заметил Гай. – Я бы сделал то же самое, да и вернулся бы скорее.
  - Не хочешь ли сходить сейчас? – не без иронии поинтересовался Калеб.
  - Так ведь камня там уже нет! – возразил Гай. – Зачем же идти?
  - А ты напиши свое имя на могиле, как Ян!
- Но Гай сделал вид, что не слышит.
- Может быть, останетесь ночевать у нас, мистер Кларк? – предложил Ян. – Не ходите домой, поздно уже.
  - Я, пожалуй, не прочь, порядком устал за день... – проговорил охотник. – Только где же вы меня положите?
  - Ложитесь на постель Ветки. А мы втроем уляжемся на нашей.
- Старик согласился и едва успел лечь, как заснул крепким сном. Вскоре и юные переселенцы последовали его примеру.

Глава 20

Револьвер Калеба

На следующее утро после завтрака Калеб предложил «индейцам» прогуляться до могилы Гарни.

На белом могильном камне дрожащей рукой было выведено: «Ян».

– Ты молодец, Бобр! Честно говоря, не знаю, хватило бы у меня смелости прийти сюда в полночь, – признался Сэм.

– Тоже мне, подвиг! Вот я бы... – тут же вступил Гай.

– Вот здесь я услышал чей-то крик, – пробормотал Ян, не обращая внимания на хвастунишку. – Посмотрим, нет ли каких следов возле канавы... Ой, смотрите!

Все бросились к мальчику и увидели в грязи следы взрослого человека. Он явно упал в канаву ничком и долго барахтался, пытаясь выбраться. Во многих местах остались отпечатки его рук, а на дне канавы что-то белело. Когда предмет извлекли из грязи и обтерли, он оказался револьвером с белой костяной рукояткой.

– Это же мой собственный револьвер! – не поверил своим глазам Калеб. – У меня его украли несколько лет назад вместе с деньгами и письмами... Кто же его вчера здесь обронил?

На обратном пути старый охотник был молчалив и задумчив. Когда они проходили мимо хижины бабушки Ньювиль, он остановился:

– Идите в лагерь. А я потолкую с бабушкой, а потом догоню вас.

Мальчики отправились дальше, а старый охотник толкнул дверь в хижину знахарки.

– Мир тебе, Калеб! – поприветствовала она гостя. – Садись, передохни. Как поживают Дик с Сарианной?

– Неплохо, процветают, – как-то нехотя произнес Калеб, усаживаясь на скамейку. – А слышала ли ты историю Гарни, который

похоронен тут у дороги?

– Еще бы мне не знать! Я тебе больше скажу: на могиле этого грешника, упокой Господи его душу, происходят странные вещи. Нынче ночью там творилось что-то немыслимое. До сих пор не приду в себя...

– А что именно ты слышала?

– Какой-то не то крик, не то стон!.. Даже собака с кошкой насмерть перепугались и спрятались, а моя белая корова прибежала оттуда опрометью и, словно молодая, перескочила через плетень...

Заметив, с каким вниманием слушает ее гость, знахарка дала волю языку и принялась со всеми подробностями рассказывать о страхах, которые ей пришлось испытать ночью.

Но на самой середине словоизвержений рассказчицы гость вдруг прервал ее:

– Бабушка, а ты не слышала, что на прошлой неделе кого-то обокрали в городе?

– Разве?! – воскликнула знахарка, но ее глаза как-то странно сверкнули.

Калеб заметил это, но, не показывая вида, с деланным равнодушием продолжал:

– Да, говорят, обчистили Джона Эванса.

– Ну, он не обеднеет от этого... А вот когда ко мне пожаловали было разбойники, узнав, что я продала корову, я их сразу урезонила... Негодяи чуют, у кого водятся деньги.

– Это верно. А когда же тебя обокрали, бабушка?

– Я не говорю, что обокрали. Напротив, они обошли со мной очень хорошо, – проговорила со смехом старуха.

– Вот как! Расскажи-ка.

– Разве я тебе не рассказывала? Ну, изволь. Слушай.

И она подробно передала, как к ней явились два разбойника, когда прошел слух, что она продала корову и получила за нее деньги, и как она отделалась от них, угостив своим знаменитым «легочным бальзамом».

– А ты не помнишь, бабушка, какие они были из себя? – спросил Калеб, выслушав этот рассказ.

– Как не помнить! Я никогда не забуду этих негодяев, хоть с тех пор уж и прошло целых три года, – ответила старуха. – Один из них был высокий, худой мужчина, мрачного вида, а другой – низенький, толстый, веселый. У обоих были черные бороды. У высокого на правой руке не хватало двух пальцев...

Узнав, что ему было нужно, охотник простился со старухой и в глубоком раздумье отправился к мальчикам. «За последние четыре года вокруг то и дело происходят кражи и грабежи, – думал он. – И грабят всегда только тех людей, у которых появились деньги. Похоже, воры располагают точными сведениями...»

Пока Калеб беседовал со знахаркой, мальчики не спеша шли к себе. Дорогой Яну вдруг пришла в голову одна мысль, и он вернулся к могиле Гарни. Сэм и Гай отправились дальше.

Ян еще раз внимательно осмотрел следы. Он заметил, что каблуки обуви того человека были подбиты тремя рядами мелких гвоздей и что на подошве одного сапога была дырка. Осматривая следы рук, мальчик заметил, что на отпечатках одной руки недоставало двух пальцев.

Ян тщательно срисовал все эти следы и прошел по ним до тех пор, пока они, повернув к югу от могилы, не затерялись в траве.

Возвращаясь на поляну, он встретил Калеба и поспешил сообщить ему о своих наблюдениях:

– Вот как! – воскликнул пораженный стариk. – Ты уверен?

– Можем взглянуть вместе.

Наблюдения Яна полностью подтвердились.

– Не говори об этом никому, дружок, – сказал ему охотник. – Пока до свидания. У меня есть дело. Скоро увидимся.

Они распрошались. Ян отправился к товарищам, а старый охотник повернулся к жилищу Дика Пога. Около крыльца на влажной земле он увидел точно такие же следы, как у могилы Гарии, а на веревке – забрызганные грязью штаны, вывешенные, очевидно, для просушки.

С этого дня Ян сильно поднялся в глазах старого охотника. Однажды он позвал мальчика к себе, чтобы показать новые лыжи, которые смастерил к зиме. На приглашение явилось все племя в полном составе.

Пока Ян и Сэм рассматривали лыжи, Гай своими зоркими глазами разглядел на столе найденный револьвер, старательно вычищенный и приведенный в полный порядок.

Найдка очень порадовала старика, у которого не было денег на приобретение другого оружия.

– Давайте попробуем пострелять, – предложил Гай. – Наверняка я окажусь лучшим стрелком. А револьвер заряжен, мистер Кларк?

– Заряжен, – ответил старики. – Пойдемте наружу. Вот вам и цель, – указал он на белое пятно с черным кружком в центре, нарисованное на прибитой к изгороди доске, шагах в сорока.

Гай выпустил четыре пули и ни разу не попал не только в пятно, но и в саму доску. С тем же успехом выстрелили по нескольку раз и его товарищи.

– Дайте-ка мне, – с улыбкой проговорил охотник.

Он вложил новые патроны в револьвер и, почти не целясь, выстрелил шесть раз подряд. Четыре пули попали в белое пятно в равном расстоянии одна от другой, а две остальные стрелок всадил в самую середину черного кружка.

– Вот это да! Браво, мистер Кларк! – в восторге воскликнул Ян.

Сэм тоже выразил свое одобрение, хотя и в более сдержанной форме. Даже Гай, и тот пробурчал что-то, похожее на похвалу.

– Лет двадцать назад я считался неплохим стрелком, – ухмыльнулся Калеб. – Но это пустяки. Сейчас покажу вам кое-что посерьезнее...

Он поставил на изгородь три пустых патрона и, отойдя на двадцать пять шагов назад, тремя последовательными выстрелами, почти не целясь, сшиб патроны один за другим.

После этого он положил на ладонь правой руки револьвер, а на пальцы той же руки пустую жестянку из-под консервов и подбросил

вверх то и другое. Он успел подхватить револьвер и прострелить жестянку прежде, чем она упала на землю.

Проделав еще несколько таких трюков, показавшихся юным зрителям просто волшебством, стариk спрятал револьвер в карман.

– Вот как мы стреляли в былые годы...

– Ну, теперь я вполне уверен, что это не он стрелял в отца. Калеб не мог промахнуться! – тихо шепнул Яну Сэм.

Старый охотник тем не менее услышал эти слова. Он в первый раз благосклонно взглянул на сына своего недруга и с этой минуты стал даже разговаривать с ним.

Видя, что Калеб в хорошем настроении, Ян высказал вслух то, о чем давно мечтал:

– Мистер Кларк, вы не хотели бы как-нибудь пойти вместе с нами поохотиться на енотов? Мы знаем одно местечко около реки, там их много...

– Ладно, – согласился охотник. – Выберем вечерок попрохладнее и отправимся. Тогда пес лучше пойдет по следу.

Глава 21

Торжество Гая

Кроме енотов, юным «индейцам» все еще не давал покоя сурок, живший на поле Бернса. Охота на зверька вошла у них в привычку. Каждое утро после раннего завтрака они, в полном вооружении, ходили на поле. Обычно Гай раньше других отыскивал зверька, но тот благополучно исчезал в своей норе, и раздосадованные охотники уходили ни с чем.

Как-то раз они снова отправились на охоту. Сэм подходил к полю с одной стороны, а Ян и Гай огибли его с другой. Мальчики исходили вдоль и поперек все поле, но сурка нигде не было видно. Они совсем было собирались найти какую-нибудь другую дичь, но тут Гай взвизгнул:

– Вот он! Вот он!

Острые глаза Гая в сотне шагов разглядели в зеленой траве небольшое серое пятнышко, почти незаметное на таком расстоянии. Ян и Сэм ничего не видели и уже хотели обругать товарища, как вдруг серое пятнышко приподнялось и обнаружило коричневую грудку. Теперь сомнений не было: это действительно сурок.

– Ну, и глаза у тебя, Ветка! – восхитился Ян. – Тебя следовало бы назвать Ястребиным Глазом...

– Вот это имя мне нравится! – радостно закричал мальчик. – Это гораздо лучше, чем Ветка... Зовите меня теперь так!

– В самом деле, Дятел, давай звать его этим именем, – предложил Ян. – Он теперь ведет себя как настоящий индеец, и будет вполне справедливо...

– Сначала созвовем «великий совет» и предложим ему это на обсуждение, – с важностью перебил Сэм. – А сейчас нужно закончить начатое. Ветка, – обратился он к Гаю тоном начальника, – если хочешь называться Ястребиным Глазом и заслужить «гран ку»,

то обойди поле по краю и проползи по траве так, чтобы очутиться между сурком и его норой... Понимаешь?

– Понимаю и готов держать пари на свой скальп, что теперь сурок от меня не уйдет!

(Каждый из мальчиков носил сзади на голове пучок черных конских волос, свешивавшийся на спину и называвшийся у них «скальпом».)

– Не нужно никаких пари, – вмешался Ян. – Условимся лучше так. Кто поймает сурка, живого или мертвого, тот и получит «гран ку». Если это сделает Ветка, то, кроме того, мы предложим «великому совету» назвать его Ястребиным Глазом за то, что он первым увидел зверя.

Предложение было принято. Гай отправился в обход, а Ян и Сэм остались стеречь сурка на месте. Очевидно, зверек в этот несчастливый для него день чувствовал в себе особенную смелость или уже настолько привык к неудачным охотникам, что перестал их остерегаться. Как бы то ни было, но он далеко ушел от своей норы и свободно разгуливал по всему полю, словно дразня своих неутомимых преследователей; он лишь изредка ненадолго скрывался в какой-нибудь ямке, а затем снова выскакивал и продолжал прогуливаться по полю.

Между тем Гай подползл к нему все ближе. Шагах в тринадцати от жертвы мальчик осторожно приподнялся. Тут сурок заметил его и бросился к своей норе, то есть прямо на своего преследователя, надеясь проскользнуть мимо него. Трясущимися руками Гай поспешил натянуть лук и выпустил стрелу, которая, пролетев над сурком, упала далеко в стороне. «Страшный» зверь от испуга прыгнул прямо на своего преследователя. Гай в ужасе попятился назад, споткнулся и упал на спину.

Сурок отскочил от врага и хотел юркнуть мимо него в нору, которая находилась теперь в нескольких шагах. Но тут произошло нечто труднообъяснимое. Испуганный мальчик поднялся на ноги, чтобы бежать от «страшного» зверя, а тот (тоже, вероятно, с испугу)

вместо того чтобы отпрыгнуть в сторону, бросился опять прямо под ноги охотника. Не ожидавший этого Гай отчаянно взвизгнул и упал, на этот раз уже навзничь, придавив всей своей тяжестью маленького зверька, который, побарабатавшись несколько секунд под своим врагом, остался неподвижен.

Воспользовавшись этим, мальчик вскочил на ноги, с твердым намерением хоть теперь спастись бегством, но, увидев, что зверек лежит неподвижно, схватил валявшийся рядом лук и ударил поверженного врага по голове. Сурок, сделав два-три судорожных движения, испустил дух.

– Учитесь, как нужно выслеживать и убивать диких зверей! – закричал Гай, высоко поднимая свою случайную добычу. – Смотрите, какой он огромный. В нем, наверное, не меньше пятидесяти фунтов^[6], а то и все шестьдесят.

(Сурок был не из крупных и весил не больше десяти фунтов).

– Ура! Да здравствует храбрый вождь Ветка! – первым крикнул Ян. – Он вполне заслужил «гран ку».

Сэм повторил это приветствие, но более сдержаным тоном.

– Не только «гран ку», но и название «Ястребиный Глаз», – прибавил Гай, выпятив грудь и горделиво глядя на товарищей. – Вы теперь должны так называть меня.

– Нет, сначала нужно дождаться решения «совета», – возразил Сэм, строго придерживавшийся законности.

– Ну, ладно, созвовите его... Только нельзя ли сегодня вечером, но раньше... Часа, этак, в четыре?

– Можно и в четыре, – согласился Сэм. – А почему именно в это время?

– Так нужно... потом узнаете, – ответил с загадочной улыбкой Гай и исчез.

– Как ты думаешь, зачем он отправился домой? – спросил Сэм у Яна, когда они остались одни.

– Должно быть, хочет позвать своих родных, – ответил тот. – Знаешь, что, Дятел? Нужно обставить эту церемонию

поторжественнее. Пойди, пригласи своих, а я позову Калеба...

– Нет, нет, Калеба еще рано сводить с моим отцом! – поспешил возразить Сэм. – Вместо торжества может выйти крупный скандал... Впрочем, отец едва ли пойдет, чтобы не встречаться с Бернсами, а мама, может быть, согласится.

Сэм отправился за своей матерью, а Ян подготовил «орлиное» перо для триумфатора и содрал шкуру с убитого зверька. Вдобавок ко всему мальчик нанизал когти сурка на нитку вперемешку с небольшими палочками бузины. Вышло нечто вроде индейского ожерелья.

Между тем Гай со всех ног примчался домой.

– Мама, мама, – запыхавшись, крикнул он, – если бы ты видела мой подвиг!

И, захлебываясь и сбиваясь от волнения, он рассказал о своей борьбе с «огромным кровожадным зверем» и о победе над ним.

– Это будет признано за «гран ку», и мне дадут орлиное перо. Кроме того, я получу имя «Ястребиный Глаз»! – заключил он с торжеством. – Сегодня в четыре часа у нас соберется «великий совет». Приходи, пожалуйста, и ты к нам к этому времени, мама. Будет настоящий праздник, и ты увидишь, как меня...

– Выдерут! – вдруг раздался насмешливый голос Бернса, вошедшего вскоре после сына в комнату и слышавшего его последние слова. – Вот я тебе сейчас покажу праздник!.. Ну-ка, марш полоть капусту!

Но миссис Бернс на этот раз удалось отстоять свободу своего любимца. Отец согласился отпустить мальчика на остаток дня, но при условии, что на следующий день тот должен будет весь день работать в огороде, иначе ему будет такой «праздник», которого он долго не забудет.

С этим обещанием недовольный фермер ушел снова на огород, а Гай, взяв с матери обещание присутствовать на его торжестве, помчался обратно к товарищам.

Миссис Бернс решила взять с собой всех своих четырех девочек, и ей пришлось долго приводить в порядок маленьких замарашек, чтобы они приобрели мало-мальски приличный вид. Потом она принарядилась сама, и в начале четвертого все семейство тронулось в путь.

К своему неудовольствию, миссис Бернс встретила у мальчиков миссис Рафтен и Минни, тоже одетых по-праздничному. В первое мгновение фермерша разозлилась, но потом даже обрадовалась: ведь «противная женщина» увидит торжество сына своей неприятельницы.

– Добрый вечер, миссис Рафтен. Как поживаете? – сладко спросила она.

– Благодарю вас, миссис Бернс, слава Богу, – ответила та вполне искренним тоном. – Вот пришли взглянуть, как здесь живется нашим мальчикам.

– Кажется, недурно, особенно с тех пор, как с ними поселился мой сын, – заметила миссис Бернс, сделав ударение на двух последних словах.

– Да, они сильно подружились с ним, – подтвердила миссис Рафтен с прежней искренностью.

Этот тон произвел впечатление. К тому же миссис Рафтен приласкала девочек и похвалила Гая. В ответ миссис Бернс поспешила погладить по головке Минни, и перемирие перешло почти в полный мир.

Между тем «индейцы» все подготовили для предстоящей церемонии. Собрался и «великий совет». Посередине типи горел костер. Вокруг него сидели: Гай на шкуре убитого им сурка, по левую его руку – Сэм с «трубкой мира», а по правую – Ян с барабаном. Вход в типи, перед которым разместилась на бревне остальная публика, был широко открыт.

Сэм, в качестве главного вождя, зажег «трубку мира», затянулся из нее и, поперхнувшись, пустил во все четыре стороны по клубу дыма,

затем передал трубку второму и третьему вождям, то есть Яну и Гаю, которые проделали то же самое.

Ян поднялся и ударил три раза в барабан. Когда, по мнению главного вождя, водворилась полная тишина, он встал со своего места и, откашлявшись, начал:

– Славные вожди и храбрые воины сапгерских индейцев! Когда наше племя вело войну с теми, которые... словом, с другим враждебным племенем, нам удалось взять в плен одного из вождей этого племени. Мы несколько раз подвергали его самым жестоким пыткам. Но он проявил такое удивительное мужество, что мы решили принять его в свое племя и сделать его...

Громкие одобрильные крики «хау-хау-хау!» всего собравшегося «племени», то есть тех же Яна и Гая, заставили главного вождя прервать речь.

Он взмахнул рукой и продолжил:

– И сделать его третьим вождем. Мы дали ему прозвище «Ветка», с тем чтобы потом, когда он совершил какой-нибудь славный подвиг, переменить это прозвище на другое, более почетное. И вот он не далее как сегодня совершил беспримерный подвиг...

Громкие крики «хау-хау-хау!» вынудили оратора снова остановиться. Когда по его знаку воины замолкли, он продолжал:

– Много времени все наше племя охотилось за страшным, кровожадным зверем, пожиравшим наш скот и производившим большие опустошения на наших полях, но все наши усилия были тщетными. Сегодняшняя охота, пожалуй, окончилась бы таким же неуспехом, как все прежние, если бы на помощь нам не явился славный вождь Ветка: он сразу поймал неуловимого зверя и, храбро сразившись с ним один на один, одолел его. Этот подвиг признан «верховным советом» за «гран ку», и совершивший его получит высшую награду, а вместе с тем и новое имя: «Ястребиный Глаз». Прежнее же его прозвище будет навсегда уничтожено.

Тут Ян подал Сэму небольшую белую дощечку, на которой черными буквами было написано слово «Ветка». Сэм бросил ее в

огонь и торжественно произнес:

– Как огонь сейчас пожрет эту вещь, так исчезнет навсегда начертанное на ней имя!

– Хау-хау-хау! – подхватили присутствующие.

Затем Ян подал Сэму великолепное гусиное перо с красной кисточкой наверху, под которой на черном фоне была нарисована белая человеческая фигура с головой ястреба и стрелой перед носом.

Сэм поднял его над головой:

– Вот награда, которая свидетельствует о храбром подвиге нашего третьего вождя и о его новом имени. Да здравствует Ястребиный Глаз!

Под громкие крики «хау-хау!» и раскаты барабанного боя главный вождь воткнул в волосы виновнику торжества перо и надел на шею ожерелье из когтей сурка и бузинных палочек. Этим церемония и закончилась.

Гай старался напустить на себя важный вид и сделать серьезное лицо, но это ему не удавалось. Лунообразная физиономия расплывалась в счастливой улыбке. Миссис Бернс радовалась не меньше сына и со слезами на глазах принимала совершенно искренние поздравления соседки, с которой теперь окончательно помирилась.

Торжество завершилось обильным угощением, ведь обе заботливые матери принесли с собой различного домашнего печенья, сладостей и фруктов.

Обе дамы с девочками вернулись домой только к закату и очень дружелюбно распростились, дав друг дружке обещание помирить и своих мужей.

Глава 22

Охота на енота

Дня через два после торжества мальчики отправились к Калебу, чтобы напомнить об обещанной охоте на енота. Был ранний жаркий вечер, но «индейцы» принялись уверять старика, что погода вполне подходит для охоты.

Изнывающий от духоты Калеб расхохотался:

– Ну, друзья мои, если этот вечер вы находите «прохладным», то я, право, уж не знаю, какие бывают душные... Будь по-вашему, но придется немного подождать. Еноты выходят из своих нор часа через три-четыре после заката солнца. Идите пока в лагерь и ждите меня. Часов в девять я зайду за вами.

В назначенный час старый охотник явился в сопровождении Турка. Хотя солнце уже скрылось за горизонтом, но духота не уменьшалась и собака тяжело дышала широко разинутой пастью.

Юные охотники, наряженные по-индейски и в полном вооружении, уже давно с нетерпением поджидавшие старика, не дали ему даже закурить трубку. Уверяя, что до назначенного места более часа ходьбы, они уговорили его отправиться тотчас же.

Двинулись в путь по большой дороге, потом свернули в сторону и, добравшись до берега пересохшей речки, присели на нем.

Калеб закурил, наконец, трубку и крикнул собаке:

– Турук, вперед! Ищи!

Собака, фыркая и пыхтя, как паровоз, перепрыгнула через высохшее лоно речки, помчалась по полю и вскоре скрылась из виду. Прошло несколько минут, бесконечно томительных для юных охотников. Наконец вдалеке раздался свирепый лай собаки, а за ним чей-то еле слышный визг.

– Турук поднял дичь! – вскочил Ян.

– Погоди, дружок, не горячись! – остановил его Калеб. – Турук сейчас вернется, и мы узнаем, в чем дело.

Действительно, не прошло и пяти минут, как собака возвратилась с окровавленной пастью и улеглась у ног хозяина.

– Что же это означает, мистер Кларк? – спросил Ян, с недоумением глядя на собаку.

– А это означает, что Турук поужинал полевой мышью или каким-нибудь другим мелким зверьком, – улыбнулся старый охотник.

– А как же наша охота? – продолжал с нетерпением мальчик.

– Рано еще, погоди. Скоро, вероятно, посвежеет и взойдет луна. Тогда мы и отправимся дальше.

– Пойдемте в лес Бойля, – предложил Сэм. – Ларри Ньювиль божится, что как-то ночью видел там енота. Может быть, посчастливится и нам... В конце леса есть пруд, который теперь наверняка высох и превратился в болото, где много лягушек. А на них, как известно, часто охотятся еноты...

– Можно пойти и туда, – согласился Калеб. – Только дождемся луны, а то уж слишком темно.

Через час на небе показалась луна; сделалось гораздо светлее и значительно посвежело.

– Вот теперь можно и тронуться в путь, – проговорил стариk, поднимаясь на ноги.

Вся компания направилась в лес Бойля. Однако, обойдя чуть не весь лес и побывав у превратившегося в топкое болото небольшого пруда, охотники не встретили ничего интересного.

Было уже около полуночи, когда разочарованные и измученные охотники возвращались назад. Они перешли через речку у хижины бабушки Ньювиль и направились по берегу, как вдруг Турук принялся обнюхивать землю, а потом с громким лаем бросился назад к речке.

– Что бы это значило, мистер Кларк? – спросил Ян.

– Пока еще не знаю, – ответил старый охотник. – По всей вероятности, Турук почуял какую-нибудь дичь. Пойдемте за ним. Его

лай укажет нам путь.

И действительно, лай собаки все время отчетливо раздавался впереди, как раз в направлении к лесу Рафтена. Охотники следовали за этим лаем. Вскоре он довел их до леса.

– Ага! – проговорил Калеб, остановившись и прислушиваясь.

Он услышал новую нотку в лае собаки, знакомую только ему одному.

– Что такое, мистер Кларк? – полюбопытствовал Ян.

– Турук завидел дичь, – пояснил старик.

Лай вдруг сменился коротким визгом.

– Так и есть! – продолжал охотник. – Вероятно, загнал на дерево енота. Пойдемте скорее!

Через минуту они подошли к большой липе, возле которой собака яростно лаяла и бросалась на ствол.

– Енот всегда выбирает самое ветвистое дерево, – сказал Калеб. – Кто из вас лучше всех умеет лазить? – обратился он к своим юным спутникам.

– Бобр, – ответил Сэм.

– Можешь забраться на это дерево, Ян? – спросил у мальчика старик. – Нужно посмотреть, нет ли в нем дупла.

– Конечно, могу. Только в ветвях темно...

– Можно сначала развести под деревом костер. Тогда при его свете тебе будет удобнее.

Вскоре яркое пламя осветило старую липу и окружающие деревья. Охотники осмотрели, насколько было можно, все дерево, но никакого зверя на нем не заметили. Калеб устроил из смолистой сосновой ветви факел и поднес его к самому стволу. При свете факела он увидел на коре следы свежей грязи. Отойдя на несколько шагов от дерева, он нашел на земле ясные отпечатки когтистых лап, несомненно принадлежавших еноту.

– Он, наверное, в дупле, – сказал старик. – Полезай, Ян.

Ян легко забрался на липу и полез по ней. Калеб светил ему снизу факелом. На нижних и средних ветвях Ян не нашел ни дупла, ни

зверя, но, добравшись почти до самого верха, он вдруг увидел два светящихся глаза.

– Вот он, енот! – крикнул Ян и хотел было схватить зверька, но тот перепрыгнул на сук пониже.

Ян тоже поспешил спуститься, но енот оказался проворнее своего преследователя и скоро добрался до самой нижней ветки. Тут Калеб поспешно выхватил из кармана револьвер и, почти не целясь, выстрелил в енота. Зверек с предсмертным стоном свалился на землю. Пес кинулся было к нему, но, остановленный повелительным окриком хозяина, поджал хвост и сконфуженно отошел в сторону.

Тем временем Ян спустился с дерева и присоединился к товарищам, с любопытством рассматривавшим енота. За исключением Гая, все единогласно признали, что убитый зверь принадлежит ему, Яну, и что его подвиг должен считаться за «гранку».

– В нем, наверное, фунтов тридцать, – сказал Сэм, приподнимая енота за хвост.

– Едва ли, – возразил Гай. – Он вдвое меньше сурка, которого я выследил и убил собственными руками.

Калеб определил вес убитого зверька в двадцать фунтов. (Потом оказалось, что стариk не слишком ошибся: енот весил восемнадцать фунтов).

В это время раздался сердитый лай собаки; она всегда так лаяла на посторонних. Все поспешно оглянулись и увидели подходившего к ним Рафтина. Фермер заметил огонь в своем лесу и поспешил узнать, в чем дело.

– Что вы тут делаете? Зачем развели костер? – обратился он к мальчикам.

– Мы охотились на енота. Он сидел на дереве. Чтобы лучше его видеть, мы и зажгли огонь, – пояснил Ян.

– А... Но все-таки с огнем нельзя шутить в такое сухое время... А где же ваш енот?.. Славный зверек... Кто же его ухлопал?

– Выследил я, а убил мистер Калеб, – поспешил ответить Ян.

– Калеб Кларк? А где он?

– Я здесь, Вильям, – отозвался стариk, выходя из-за дерева.

– Значит, это ты надоумил этих дурачков развести здесь огонь и спалить мой лес? – не без иронии проговорил Рафтен. – А может быть, даже и ухлопать, наконец, меня? – прибавил он, взглянув на револьвер, который охотник все еще держал в руке. – Ну, что ж, валяй! Авось на этот раз не промахнешься!

Весь красный от негодования, Калеб воскликнул:

– Вильям, именем нашей прежней дружбы, возьми свои слова назад!..

– А что, случай удобный! – перебил фермер. – Только имей в виду, на этот раз со мной нет ни одного цента, так что...

– Вильям, не выводи меня из себя! – стариk едва сдерживал душивший его гнев. – Давай лучше объяснимся...

– Нам не о чем говорить! – презрительно проговорил Рафтен. – Я только вот что скажу тебе: если хочешь остаться целым, не смей шататься по моему лесу и учить ребят разводить в нем костры, а своего голодного пса – таскать у меня ягнят.

– Не смей клеветать на меня! – Калеб поднял руку с зажатым в ней револьвером и прицелился в фермера.

По всей вероятности, Рафтена постигла бы участь енота, если бы не мальчики. Сэм оттащил в сторону отца, а Ян повис на руке охотника, в которой тот держал револьвер. Только Гай предпочел не вмешиваться и спрятался за дерево.

– Мистер Кларк, ради Бога... Уберите револьвер! – уговаривал взбешенного старика Ян. – Сэм! Скажи скорее отцу, что тебе известно про мистера Кларка.

– Отец... Выслушай меня, пожалуйста! – умолял Сэм, в то же время изо всех сил удерживая фермера. – Уверяю тебя, ты не прав... Все слухи о покушении Калеба на тебя – сущие врали... Если бы он действительно стрелял в тебя, тебя бы не было в живых. Мы все видели, как он стреляет... всегда без промаха... Ведь у тебя нет никаких доказательств, кроме болтовни пустых людей. А раз нет

прямых доказательств, – нельзя никого обвинять. Ты сам меня этому учили! Если ты не хочешь выслушать Калеба и помириться с ним, то, по крайней мере, хоть разойдитесь мирно и старайтесь не встречаться, пока ты окончательно не убедишься, что он ни в чем не виноват...

Горячая речь сына сильно смущила Рафтена. Фермер в самом деле не имел никаких доказательств враждебного отношения к нему старого охотника и основывался только на слухах. Обладая хотя и грубоватым, но прямым характером, фермер нисколько не обиделся на непочтительность сына. Он сразу остыл и проговорил про себя: «Ну, и язычок у Сэма! Так и режет, как настоящий адвокат, да и в силе не уступит любому боксеру... Не знаю, право, кем его лучше сделать: адвокатом или боксером?»

– Ну, ладно, так и быть, оставим это, – он сказал вслух уже почти миролюбивым тоном. – Прощайте, ребятки. Смотрите, не разводите больше в лесу костров, – прибавил он и, не взглянув на своего врага, быстрыми шагами направился к ферме.

Вспышки гнева и у Калеба были непродолжительны. Увидев миролюбие Рафтена, остыл и он. Старик проводил мальчиков до лагеря, но, несмотря на уговоры, ночевать не остался и отправился домой, а мальчики легли спать и тотчас крепко заснули.

Глава 23

Синяя цапля, «чародей» и леший

На следующее утро, осматривая по обыкновению «книгу посетителей», Ян опять увидел тот самый ясный отпечаток копыта, который так заинтересовал его раньше. Рядом виднелся еще один след – какой-то крупной птицы.

Он сходил за Калебом и привел его взглянуть на следы. Внимательно осмотрев их, старый охотник сказал:

– Птица – скорее всего, синяя цапля. А вот чье это копыто? Похоже на след большого оленя. Но здесь оленей нет, они водятся миль за десять отсюда, к северу.

Мальчики попросили старика показать им, как снять шкуру с енота, чтобы не испортить ее. Дав пояснения, Калеб ушел.

Сэм и Ян обсудили неприятное происшествие прошедшей ночи. Они решили не говорить об этом произшествии при охотнике, пока он сам не начнет разговор, а тогда постараться узнать у него причину ссоры с Рафтеном и, если удастся, помирить их.

Вечером Сэм совершил привычный набег на «территорию бледнолицых». Возвращаясь с добычей в лагерь, он вдруг услышал какой-то необыкновенный горловой звук, доносившийся со стороны реки. По мере того как мальчик приближался к запруде, звук все усиливался, пока, наконец, не перешел в страшный, отвратительный вой.

Испуганный мальчик остановился и прислушался. Вой доносился сверху. Сэм поднял голову и увидел в вечернем небе лишь неясные очертания какой-то большой птицы. Добравшись до типи, он рассказал о таинственной птице Яну, но тот лишь пожал плечами.

На следующий день обязанности повара исполнял Ян. Рано утром он отправился за водой и заметил огромную птицу, сидевшую у запруды. Увидев мальчика, она поднялась и, тяжело взмахивая

крыльями, пронеслась над его головой. Ян узнал синюю цаплю и следил за ней восхищенными глазами, пока она не скрылась из виду. Затем он подошел к тому месту, где она сидела, и увидел там целый ряд следов, вполне сходных с теми, которые накануне показывал Калебу. Несомненно, это была вчерашняя птица, отвратительный крик которой так напугал Сэмса.

Этим же вечером мальчики услышали возле типи странные звуки, походившие на стоны.

– Должно быть, это опять цапля, – прошептал Сэм.

– Нет, это не цапля, – возразил Ян. – Погоди, послушаем его.

Вскоре звуки изменились и стали напоминать кошачье мяуканье. Ян замер: точно такой крик он слышал в Гленьяне.

– Сэм, это рысь! – с уверенностью констатировал он.

На следующий день Калеб подтвердил его слова. Он после обеда пришел к переселенцам в сопровождении своей собаки. Старый охотник так подружился с юными «индейцами», что скучал, если не виделся с ними каждый день. В свою очередь, и они очень привязались к этому бывалому человеку, поставлявшему им столько полезных сведений.

В этот день Калеб засиделся в лагере допоздна. Стало уже темнеть, когда он собрался, наконец, идти домой. Ян решил проводить охотника «индейским маршем» и заметил, что кожа на барабане, ранее тую натянутая, ослабла.

– Ага! – воскликнул мальчик. – Скоро пойдет дождь.

– Верно, – заметил старый охотник. – Ты становишься настоящим индейцем, Ян. Действительно, когда кожа на барабане делается дряблой, индейцы знают, что будет дождь.

Небо и в самом деле покрылось тучами, и вскоре начался настоящий ливень. Мальчики уговорили Калеба поужинать с ними и остаться ночевать.

После ужина все с удовольствием уселись вокруг костра, прислушиваясь в шуме дождя и завыванию ветра снаружи. Мальчики уже подготовились слушать новые рассказы об индейцах, как вдруг

ветер изменил направление, и струи дождевой воды стали проникать в дымовое отверстие и заливать огонь. Ян вышел из типи, переставил дождевые клапаны и подбросил в костер хвороста. Вода перестала проникать внутрь, но появилась новая неприятность: под напором ветра брезент с силой хлопал по шестам и колебал пламя костра.

Калеб поднялся:

– Где у вас якорная веревка?

Ему показали свободный конец, а другой был привязан к шестам наверху. Так как погода все время стояла хорошая, то переселенцам не было надобности в этой веревке.

Охотник вбил в землю толстую палку и крепко обмотал вокруг нее веревку. Кроме того, он вышел из типи и поглубже всадил наружные колышки, к которым была прикреплена покрышка. Брезент сразу перестал хлопать, и в типи сделалось гораздо уютнее. Правда, дым от костра, клубившийся сначала наверху, стал постепенно опускаться все ниже и ниже.

– В этих случаях нужно всегда приподнимать покрышку с подветренной стороны, – сказал Калеб. – Кроме того, очень полезно иметь «индейские ширмы». Где-то у вас я видел небольшой лоскут брезента...

Старик укрепил брезент между тремя кольями, и теперь ветер, вместо того чтобы дуть в спину находившимся в типи, стал проноситься над их головами. Типи сразу очистилось от дыма, и дождевые брызги, попадавшие раньше через дымовое отверстие, совсем перестали проникать в него.

– Вы настоящий чародей! – восторженно воскликнул Ян. – Что бы вы ни делали, все выходит удивительно хорошо... Давайте примем мистера Кларка в наше племя? – обратился он к товарищам. – И дадим ему имя «Чародей»!

Предложение было принято восторженными криками «индейцев» и одобрительной усмешкой Калеба. Так старый охотник удостоился чести сделаться членом племени «сангерских индейцев».

Когда шумные изъявления радости утихли, Гай с обычной фамильярностью обратился к Калебу:

– Ну, Чародей, расскажите же нам что-нибудь про храбрость индейцев. Я и сам не из трусливых: все видели, как на меня кинулся сурок. Другой на моем месте испугался бы, а я...

– Молчал бы лучше! Знаем мы твою храбрость! – прервал его Сэм.

– Но, Дятел, разве не за храбрость мне присудили...

Раздавшееся вдруг невдалеке громкое «Скр-р-р! Бр-р-р!» заставило юного храбреца прикусить язык и съежиться от страха.

– Это... леший, должно быть! – испуганно прошептал Сэм.

– Мистер Кларк, как вы думаете, кто это? – осведомился более спокойным голосом Ян. – Мы не раз уже слышали этот крик... Да вот, слушайте, опять...

Странный крик повторился еще яснее. Охотник молча прислушался, потом с недоумением покачал головой и взглянул на свою собаку. Туров лежал у ног хозяина, свернувшись клубком. Услышав крик, он только приподнял немного голову и навострил уши, затем посмотрел на всех своими умными глазами и снова спокойно улегся.

– Туров не выражает никакого беспокойства, – проговорил Калеб. – Значит, ничего особенного нет.

– Бабушка Ньювиль говорит, что собаки только слышат лешего, но не видят его, – возразил Сэм.

Спокойствие собаки явно не утешило юных переселенцев.

– Ястребиный Глаз, ты самый храбрый из всех нас. Пойди-ка, пугни лешего хорошенъко. Я, пожалуй, дам тебе свой револьвер, – сказал Калеб, подмигивая Яну и Сэму.

– Не стоит! – ответил небрежным тоном Гай. – Лучше расскажите нам что-нибудь об индейцах.

– Ну, если ты не хочешь идти, я не буду ничего рассказывать, – проговорил старик.

– Как вам угодно... В таком случае я лягу спать.

С этими словами юный храбрец улегся и поплотнее завернулся в одеяло. Вскоре его примеру последовал и Ян.

Сэм остался сидеть с Калебом. Пользуясь удобным случаем, молодой Рафтен хотел расспросить старика, из-за чего тот поссорился с его отцом.

Глава 24

История Калеба и медвежьи следы

Старик сидел молча и, посасывая трубку, сосредоточенно смотрел на весело потрескивавший огонь.

Сэм долго не знал, как приступить к делу. Наконец он решился и начал самым дружеским тоном:

– Пожалуйста, мистер Кларк... Мне давно хочется разъяснить одно важное дело... Оно касается вас и моего отца. Я не буду защищать отца, хотя хорошо знаю, что зря он ничего не делает и никого не обидит. Правда, он бывает очень резок, но у него прямой характер и добреое сердце. Я знаю, что он несправедливо относится к вам, а вы к нему. Вот мне и хотелось уладить это. Вы оба хорошие люди, к чему вам враждовать?

Несмотря на свою юность, молодой Рафтен нередко выказывал такой здравый смысл, которому мог бы позавидовать любой взрослый человек, и умел говорить так убедительно, что его невольно слушали.

Старик внимательно посмотрел на мальчика, но ничего не ответил.

– Мне и маме очень хотелось бы помирить вас с отцом, – продолжал мальчик. – Нехорошо враждовать Бог знает из-за чего...

Сэм очень кстати упомянул о матери. Калеб давно знал миссис Рафтен и всегда уважал ее как хорошую и добрую женщину. Она обладала мирным характером, никогда не ссорилась с мужем и не вмешивалась в его дела, за исключением тех, которые находила несправедливыми. В последнем случае она была очень упорна и не боялась спорить с мужем, доказывая его неправоту. Она была уверена в невиновности Калеба, но все ее попытки помирить бывших друзей оставались напрасными.

– Неприятно рассказывать-то, – заговорил наконец старый охотник, и в его тоне была заметна неподдельная горечь. – У нас с

твоим отцом вышло недоразумение на денежной почве. Он немного обставил меня при обмене лошадьми, кроме того, так прижал с уплатой долга, что мне пришлось отдать ему чуть не за полцены овес, который он тут же перепродал гораздо дороже. Мне это показалось очень обидным, и мы повздорили, к тому же оба порядочно выпили. Кажется, я даже угрожал ему... Я ушел из города раньше, а он – потом. У него в кармане было несколько сотен долларов, составлявших мое последнее достояние. Было уже поздно, он не мог положить деньги в банк, поэтому взял их с собой. Дорогой в него кто-то стрелял... Говорю «кто-то», потому что до сих пор не узнали, кто именно. Только не я. При мне не было тогда никакого оружия. Утром там нашли мой кисет с табаком и несколько деловых писем на мое имя. Из этого заключили, что стрелял именно я. А у меня, повторяю, не было оружия, потому что за несколько дней до этого у меня кто-то украл вот этот револьвер вместе с кисетом и письмами. Этот же кто-то, вероятно, потом и подбросил кисет и письма, чтобы обвинить меня в преступлении... За неимением прямых улик меня не предали суду, но до сих пор я остаюсь под подозрением. А твой отец так просто уверен, что стрелял в него именно я. И чтобы отомстить, он натравил на меня Дика Пога, который женился на моей дочери и отнял у меня ферму... Все это мне было крайне обидно, но доказать свою невиновность я не мог. Вот и вся история...

Калеб замолчал. Его юный слушатель тоже задумался, а потом произнес:

– Насчет лошадей и овса – это вполне в духе отца. А вот насчет Дика Пога вы ошибаетесь. Отец едва ли мог решиться на такую подłość.

– А между тем это так, – с горечью произнес старик.

Снова наступило продолжительное молчание.

– Все набросились не только на меня, но и на мою собаку, – опять заговорил старый охотник. – Пог уверяет, что она таскает по ночам ягнят. Твой отец первый верит этому, и когда у него пропадает

ягненок или курица, он обвиняет меня. Якобы я по ночам нарочно привожу собаку к его владениям... А ведь Турок ночует со мной в хижине, а если я остаюсь здесь у вас, то тут же всегда находится и собака.

– Кто же в таком случае, по-вашему, ворует ягнят и кур? – спросил мальчик.

– Почем же я знаю? Может, лисицы или рыси.

Оба собеседника опять замолчали. Стариk, выколотив пепел из своей трубки и набив ее свежим табаком, зажег угольком от костра и принялся молча курить, устремив задумчивый взгляд на огонь. Мальчик тоже глубоко задумался. Полная искренность, сквозившая в рассказе охотника, заставила юного слушателя окончательно убедиться в невиновности старика, и Сэм дал себе слово примирить отца с его прежним другом.

Было уже поздно, и собеседники, пожелав друг другу покойной ночи, улеглись спать.

Утром охотник, как обычно, поднялся раньше всех, и к тому времени, когда проснулись его юные друзья, завтрак уже был готов. За едой «индейцы» уже смеялись над своими страхами, которые внушил им ночью крик «лешего». Гай даже дал торжественное обещание непременно «разобраться» с ним, если тот снова осмелится беспокоить их своим «дурацким» криком.

Дождь к утру перестал, но ветер продолжал бушевать. Все небо было покрыто темными тучами. Калеб и Гай ушли по домам, а Ян и Сэм целый день просидели в типи. Первый занимался разрисовыванием «индейской ширмы», а второй мастерил стрелы для задуманной большой охоты на диких зверей, в которой должно было принять участие «все племя».

К вечеру сначала явился Гай, а потом и Калеб. Последний опять остался ночевать. Ночью снова кричал «леший», но Турок по-прежнему не обратил внимания на этот крик. Что же касается Гая, то на предложение товарищней пойти «разобраться» с лешим, как он

обещал утром, юный храбрец лишь отмахнулся и завернулся с головой в одеяло.

Лишь только все заснули, раздалось ворчание собаки. Мальчики и Калеб подняли головы и прислушались. Раздавался какой-то слабый писк. Никто не придал ему значения, кроме Турка. Собака насторожилась и, когда писк повторился, бросилась наружу и с громким лаем устремилась в лес.

– Турок выследил какого-то зверя и загнал его на дерево, – сказал охотник, когда лай собаки перешел в визг. – Не хотите ли взглянуть?

Ян первым вскочил и кинулся по следам собаки. За ним последовали и остальные. Турок яростно скреб лапами ствол большого дерева и громко выл, но в темноте нельзя было разглядеть, кто сидел на дереве.

С трудом отзавав собаку от дерева, все возвратились в типи и вскоре крепко заснули, не обращая более внимания на вой и писк, доносиившиеся из леса.

Утром Ян нашел в грязи следы кошки, начинавшиеся близ типи и кончавшиеся под деревом, около которого ночью лаял Турок. Значит, взбудоражила собаку именно кошка. Но чей же крик они приняли за вопли лешего?

Ветер был еще довольно сильным, и Ян впервые при дневном свете услышал тот самый вой. Правда, он теперь звучал не так громко и страшно, как ночью. Взглянув в ту сторону, откуда доносился вой, мальчик увидел три высоких тонких сосны. Их верхушки при порывах ветра терлись одна о другую и скрипели. Ян расхохотался: это и был «леший»!

Следующей ночью, когда Калеб отправился ночевать в свою хижину, «индеецев» разбудил испуганный голос Гая:

– Дятел! Бобр! Вставайте! Здесь опять ходит медведь!.. Я вам говорил, что это он, а вы мне не верили!

Снаружи действительно доносилось не то какое-то рычание, не то хрюканье.

– Там и правда кто-то есть, – проговорил Ян, прислушиваясь. – Эх, жаль, что с нами нет Чародея и Турка! Мы бы живо узнали, в чем дело.

Он приподнял брезент и выглянул наружу. При бледном свете луны невдалеке виднелись очертания какого-то большого темного зверя, копавшегося в засыпанной мусорной яме. Да, несомненно, это медведь!

– Что же нам теперь делать? – прошептал Сэм. – Стрелять в него из наших луков бесполезно: этим только раздразнишь его... Ястребиный Глаз, разведи костер. С ним все-таки будет безопаснее: дикие звери не любят огня и сторонятся его.

Мальчики были очень взволнованы и не знали, что еще предпринять.

– Эх, жаль, что у нас нет настоящего оружия! – воскликнул Ян. – Знаешь что, Дятел? Пока Вет... то есть Ястребиный Глаз будет разводить костер, мы сделаем тупые стрелы и, когда разгорится огонь, зажжем с одного конца эти стрелы и пустим их в зверя. Я читал, что индейцы так делают, когда...

– Нет! Нет! – прервал его дрожащим голосом Гай, которому никак не удавалось раздуть огонь. – Ради Бога, не стреляйте! Зачем дразнить его?..

Но товарищи уже стояли с луками и стрелами наготове. Между тем зверь, водя по земле мордой, чавкая и ворча, медленно приближался к ним.

– Дятел, давай выстрелим, чтобы не допустить его к типи, – предложил Ян, натягивая лук. – Ястребиный Глаз, бери и ты свой лук.

Но юный герой, бросив не желавший загораться костер, поспешил с ловкостью кошки забраться на поперечную перекладину, прикрепленную к шестам наверху для подвешивания котелка, и оттуда продолжал со слезами умолять:

– Ради Бога, не трогайте его!.. Он нас всех передушит!.. А если мы сами не тронем его, он, может быть, и уйдет...

Однако медведь не уходил, а приближался. Ян и Сэм дружно выпустили стрелы. «Медведь» с испугом отскочил от типи и бросился наутек с тем характерным криком, который ясно доказывал свиное происхождение «страшного зверя».

Стрелки сначала с недоумением посмотрели друг на друга, а потом дружно расхохотались. Узнав причину внезапного веселья товарищей, Гай поспешил покинуть свое «высокое положение».

– Я все это подстроил нарочно, чтобы посмеяться, – заявил он. – Уходя из дома, я не стал запирать калитку, вот свинья и пришла сюда по моим следам!

Товарищи сделали вид, что верят лгунишке, но сговорились проучить его при первом удобном случае. После этого все снова улеглись спать и благополучно проспали до утра.

Глава 25

Подвиги «индейцев»

В одно солнечное, но довольно свежее утро «индейцы», позавтракав, не знали, чем заняться. Старого охотника, изобретавшего для них разные развлечения, на этот раз не было.

– Я читал, что индейцы часто расходились в разные стороны на поиски приключений, потом собирались в заранее назначеннем месте и рассказывали друг другу о своих подвигах, – сказал Ян. – А кому куда идти, кидали жребий. Давайте поступим так же. Бросим жребий. Вот три соломинки: длинная для Дятла, покороче для меня, а самая короткая для Ястребиного Глаза. Кончик у каждой заострен, он и покажет нам, куда идти.

С этими словами он подбросил соломинки вверх. Длинная и средняя указывали в разные стороны леса, а короткая – прямо на дом родителей Гая.

– Мы пойдем в лес, а Ястребиному Глазу нужно идти в огород полоть капусту, – с насмешкой проговорил Сэм.

– Нет! Нет! – запротестовал Гай. – Я пойду туда, куда соломинка указывает тупым концом. Бобр нарочно так бросил ее, чтобы лишить меня «гран ку», потому что я непременно заслужу его.

– Как ты полагаешь, Бобр, можно ему сделать такое отступление от правила? – обратился Сэм к Яну.

– Пусть идет, куда хочет, – пожал плечами тот. – Только вот что: мы должны вернуться назад к тому времени, когда солнечная полоса дойдет до этого шеста. Сейчас она вот где, через один шест от него, видите?

Эта полоса, изображавшая у мальчиков индейские часы, проходила от одного шеста до другого около двух часов. Таким образом «индейцы» имели в своем распоряжении почти четыре часа.

В полном индейском одеянии, вооруженные луками, стрелами и томагавками, юные искатели приключений направились в разные стороны, условившись, что кто первый возвратится, тот и начнет рассказывать о своих подвигах.

К условленному времени первым вернулся Сэм, за ним – Ян, а потом уж и запыхавшийся Гай. Последний издалека крикнул:

– Я заслужил «гран ку»! Я...

– Помолчи, не твоя очередь! Ты явился последним, – оборвал его Ян. – Ты возвратился первым, Дятел. Начинай... Впрочем, погоди. Все нужно делать, как следует. Сначала разведем костер и усядемся вокруг него. Иначе это будет не по-индейски.

В типи тотчас же был разведен костер, и лишь после этого «индейцы» приступили к рассказу о своих похождениях.

– Я отправился по направлению, указанному соломинкой, – начал Сэм. – Шел, пока не достиг пересохшей реки. Но это меня не остановило. Перебравшись через реку, я добрался до густого леса и вдруг услышал страшное рычание. Я оглянулся, но ничего не заметил. Между тем рычание повторилось еще страшнее и прямо над моей головой. Я поднял глаза и увидел на дереве белку. Страшный зверь оскалил зубы и готовился броситься на меня. Но это меня нисколько не испугало. Я тотчас же натянул лук и хотел пустить в зверя стрелу, но тот вдруг грозно спросил меня на нашем человеческом языке: «Тебя зовут Дятлом?» Я сначала удивился, потом испугался и почему-то солгал. «Нет, – ответил я, – меня зовут Ястребиный Глаз». Если бы вы видели, что сделалось со зверем, когда он услышал это имя! Он весь затрясся, каждый волосок на нем поднялся дыбом и поседел, потом он бросился в дупло и скрылся в нем. Я же, назвав себя этим славным именем, внезапно почувствовал в себе прилив какой-то особенной смелости и кинулся к дуплу, которое находилось на высоте моего роста...

Здесь Сэм остановился и взглянул на своих слушателей. Ян, чтобы не расхохотаться, кусал губы, а Гай горящими глазами впился в лицо рассказчика:

– Ну, а потом?

– Потом, – продолжал серьезным тоном рассказчик, – я стал придумывать, как мне поймать зверя. Будь я Дятлом, я бы, наверное, ничего не придумал. Но я же вообразил себя Ястребиным Глазом! И мне тут же пришла в голову блестящая мысль. Я срубил дерево и повалил его. Когда оно упало, я увидел, что в нем две лазейки в дупло, в нижнем и верхнем концах. Одну лазейку я заткнул своим сапогом, вставив голенище в отверстие так, чтобы зверь непременно попал в сапог, если вздумает бежать из дупла, а против другой лазейки стал сам и принялся стучать по дереву палкой. Конечно, зверь угодил прямо в сапог! Я принес вам белку!

– Ну, уж и нагородил ты чепухи, Дятел! – заметил Гай, не зная, верить рассказу товарища или нет. – Впрочем, покажи белку, тогда, может быть, я тебе поверю.

– Пойдем, – проговорил Сэм и вышел наружу.

За ним последовали и остальные. Он отвел их шагов на двадцать от типи, и они увидели хорошенькую белку, привязанную к дереву. Маленькое животное при виде мальчиков испуганно забилось, стараясь освободиться от веревки.

– Ах, какая прелесть! – воскликнул Ян, любуясь красивым животным. – Бедняжка вся тряется... Дятел, надо выпустить ее. Только дай мне сначала срисовать ее.

Он сбежал в типи за рисовальными принадлежностями. Когда рисунок был готов, белку отвязали, и она радостно забралась на дерево.

«Индейцы» снова вернулись в типи и уселись вокруг огня.

– Теперь твоя очередь, Бобр, рассказывай свои приключения, но старайся передать их так же правдоподобно, как я, – сказал Сэм.

– Мои приключения совсем в другом духе, – начал Ян. – Это даже не приключения, а скорее наблюдения. Следуя указанию соломинки, я направился через лес и наткнулся на большой засохший ствол липы. Он был совсем гнилой, и в его дупле уже не могло быть гнезда какой-нибудь птицы или мелкого животного. Но мне все-таки

захотелось посмотреть, нет ли внутри чего-нибудь интересного. Я расколол его вдоль и нашел в нем целую историю поселений. И вот что я прочел в этой истории. Много лет тому назад в дупле этой липы, когда она еще стояла, устроила гнездо летучая мышь и жила там со своей семьей. После нее выше поселился красноголовый дятел, соорудив, разумеется, гнездо на свой лад. На следующий год еще выше устроилась сойка. Потом гнездо сойки по своему вкусу перестроила парочка воробынных ястребов и вывела несколько птенцов. В одно прекрасное утро ястреб, отправившись за добычей, принес своим деткам землеройку. Но заботливая мать уже успела накормить деток полевой мышкой, они не были голодны, и землеройка не попала к ним в желудки.

– Что же с ней сделалось? – спросил Гай, невольно заинтересовавшийся рассказом товарища. – Я бы на ее месте...

– Перестань соваться со своими глупостями! – осадил его Сэм. – Продолжай, Бобр.

– Землеройка, – продолжал рассказчик, – несмотря на раны, причиненные ей когтями хищника, сделала попытку спастись бегством. Сперва она стала прорывать проход через мягкую подстилку ястребиного гнезда, потом через гнездо сойки, пока не дошла до глиняного пола в гнезде дятла. Прорвать отвердевшую глину она не могла. Обессиленная, она упала здесь и вскоре умерла от недостатка воздуха. Всю эту историю я прочел по перьям разных птиц, которые нашлись в бывших гнездах, и по высохшему трупу злосчастной землеройки, – заключил юный наблюдатель.

– Да, твой рассказ интереснее моего, – проговорил с задумчивым видом Сэм.

– Подумаешь! – фыркнул Гай. – Одни догадки и ни капли храбрости! Лучше выслушайте меня, и тогда увидите...

– Хорошо, послушаем, – перебил его Сэм. – Только, смотри, ври поскладнее.

– Мне незачем врать! – обиделся Гай. – Ну, слушайте. Я отправился прямо, куда глаза глядят, и встретил большого сурка,

который тащил ягненка, но мне было некогда с ним возиться. Потом я увидел ястреба, державшего в когтях большую курицу. Но он летел очень высоко и быстро, и я не стал стрелять в него, потому что боялся убить вместе с ним и курицу. Я шел дальше и дальше, встретил много белок и разных других мелких животных. Видел в стороне и крупных, например, несколько оленей и даже огромного медведя, но не хотел с ними возиться... Это было уже около Дауни, только в стороне, потому я и не зашел в город, а то принес бы вам какое-нибудь доказательство, что был там... Когда я возвращался назад и проходил мимо болота, в воздух поднялась целая стая куропаток и понеслась прямо на меня. Я, не будь глуп, натянул лук и пустил несколько стрел. Не знаю, сколько я убил, потому что все убитые попадали в болото, а достать их оттуда я, разумеется, не мог. Но одна из птиц упала с моей стрелой на краю болота... Вот! И теперь скажите по совести, кто из нас заслужил «гран ку»?

С этими словами он торжественно вытащил из-за пазухи обыкновенного цыпленка со свернутой набок головой и торчавшей в груди стрелой, всаженной, очевидно, потом руками.

Сэм и Ян дружно расхохотались.

– Так это, по-твоему, куропатка? – воскликнул сквозь смех Сэм. – Ну и хвастунишка же ты, Ястребиный Глаз. Даже врать толком не умеешь. Напрасно мы назвали тебя Ястребиным Глазом. Самое подходящее для тебя имя – «Хвастун». Надо будет предложить «великому совету»...

– Только попробуй! – угрожающе закричал Гай, и в его глазах сверкнул злой огонек. – И вообще, если вы мне не верите, я больше никогда к вам не приду!

Он схватил своего цыпленка и выбежал из типи, провожаемый громким смехом товарищей.

Но на другой день Гай снова явился. С него взяли торжественное обещание никогда больше не лгать и не хвастаться, и мир был опять восстановлен.

Глава 26

Неожиданный посетитель

Билл Хеннард был сыном зажиточного поселенца. Унаследовав от отца большую ферму, он живо промотал наследство и из бездельника мало-помалу превратился в настоящего преступника, не раз сидевшего в тюрьме.

Это был сильный широкоплечий человек с неприятным лицом и грубым, осипшим от постоянного пьянства голосом. Его считали главным виновником всех местных краж. Люди шептались, что если бы не постоянное заступничество одного богатого человека, Билл давно бы сидел в тюрьме.

Как-то Билл, бывший под хмельком, проходил через лес Рафтена и наткнулся на поселение мальчиков. Он подошел к типи, когда Ян готовил возле него обед. Услышав шаги, мальчик с живостью обернулся, полагая, что это идет кто-то из его товарищей, но вместо них он увидел свирепого вида оборванца.

– А, ты никак обед готовишь? – спросил незнакомец неприятным голосом.

– Да, – ответил Ян, и сердце его сжалось от страха, когда он припомнил рассказы о ворах и бродягах.

– Ты что же, один здесь живешь? – продолжал незнакомец.

– Нет, с двумя товарищами... Но они ушли ненадолго и скоро вернутся.

– Гм!.. А что, они так же юны, как ты?

– Да, мы почти ровесники.

– А вот это очень хорошо!.. Ну-ка, живо тащи еду!

Но мальчик не двигался с места. Бродяга влепил ему затрещину и заорал:

– Оглох, щенок? Я научу тебя повиноваться!..

Ян хотел было спасти бегством, но бродяга в несколько прыжков догнал его, швырнул на землю и связал ноги мальчика веревкой так, что тот мог делать лишь самые маленькие шаги. Затем бандит схватил Яна за шиворот и насмешливо проговорил:

– Теперь не убежишь... Ну, пошел за обедом! Да чтобы живо!

Ян поспешил исполнить приказание. Через минуту он вернулся с котелком горячего супа. Споткнувшись, он пролил половину супа на пол.

– Осторожно, болван! – прикрикнул на него незнакомец и дал ему новую затрещину. – Тут и так мало еды, а ты еще нарочно проливаешь.

– Я нечаянно... – попытался оправдаться Ян. – Ради Бога, не бейте меня...

– Ишь ты, какой недотрога! – насмешливо произнес бродяга и отвесил мальчику еще одну оплеуху. – Поджарь-ка еще хороший кусок мяса, да поживее поворачивайся, если не хочешь как следует познакомиться с моими кулаками!

Ян поспешил повиноваться. Взяв кусок мяса, он вышел из типи и начал жарить его над костром. Вдруг он услышал в кустах легкий шорох. Ян взглянул туда и увидел лицо Сэма, который знаками подзывал его к себе. Обрадованный мальчик, путаясь в веревке, заковылял к товарищу.

– Я все видел, – шепотом сказал ему молодой Рафтен. – Займи пока бродягу, а я побегу за отцом. Он живо управится с этим разбойником.

– Ради Бога, Дятел... – начал было Ян, но его прервал грубый голос из типи:

– Эй, ты, недотрога! Неси скорее мясо! А не то сам выйду и расправлюсь с тобой!

Ян молча махнул рукой и поспешил к жарившемуся мясу, а молодой Рафтен со всех ног бросился по направлению к дому.

Насытившись, бродяга закурил трубку. Тут раздался громкий свист, заставивший сердце мальчика забиться от радости. Свист означал

приближение Калеба, который всегда таким образом предупреждал мальчиков о своем приходе.

Бродяга тоже услышал свист и навострил уши. Когда свист повторился, он вдруг вскочил и выбежал из типи. Ян воспользовался этим, схватил оставленный незнакомцем нож, перерезал веревку на ногах и тоже выскочил наружу:

– Мистер Кларк!!!

– А, старый черт! Тебя-то мне и нужно! – воскликнул разбойник и бросился на старика.

Хотя в этот раз Калеб был без собаки, он не отступил. Между ним и бродягой началась отчаянная борьба. Несколько минут она продолжалась почти с одинаковым успехом для обоих противников, но вскоре сделалось ясно, кто останется победителем. Калеб был уже стар и не обладал прежней силой, поэтому сравнительно молодой и более сильный противник вскоре подмял его под себя. Сунув по привычке в карман руку за ножом, Билл вспомнил, что оставил его в типи. Разбойник выругался и принялся душить противника руками.

Бедному старику, конечно, пришлось бы несладко, если бы не подоспела помощь. На тропинке показались Рафтен и его сын.

Увидев Рафтена, бродяга оставил полузадушенного старика и с яростью бросился на нового противника. Но на этот раз против пьяного бродяги сражался не стариk, а сильный человек средних лет, к тому же боксер. Не прошло и пяти минут, как разбойник уже лежал на земле, а победитель сидел на нем.

– Принесите-ка веревку! Да покрепче! – крикнул он мальчикам, с трудом сдерживая старавшегося вырваться противника.

Сэм бросился в типи и через мгновение вернулся с крепкой и длинной веревкой. Связав при помощи сына руки и ноги бродяге, фермер поднялся на ноги.

– Фу! Ну и здоров же этот негодяй! – проговорил он, тяжело отдуваясь. – Ба! Да у вас тут, должно быть, происходило настоящее

сражение! – продолжал он, только теперь заметив старого охотника, лежавшего без движения на земле. – Э! Да это, никак, Калеб?

Фермер подошел к бывшему приятелю и нагнулся над ним:

– Калеб, как дела? Это я, Рафтен. Ишь, как тебя помял этот бандит...

Но старик только молча вращал глазами и тяжело дышал.

– Бедняга, он не может даже говорить! – с видимым участием проговорил фермер. – Сэм, – обратился он к сыну, – принеси-ка воды.

Пока приводили в чувство старого охотника, связанный по рукам и ногам бродяга сидел на земле и дико озирался по сторонам.

Благодаря заботам своего бывшего приятеля и мальчиков Калеб вскоре настолько пришел в себя, что смог при помощи фермера подняться на ноги. Рафтен взял его под руку и отвел в типи.

Тут из кустов появился и Гай. Притворившись, что он ничего не знает о только что случившемся, мальчик выразил глубокое сожаление, что ему не пришлось выказать свою храбрость и оказать помощь всем, кто в ней нуждался.

Калеб был еще слаб, его уложили в постель.

– Ян, – сказал фермер, – посиди около старика. А мы с Сэном отведем разбойника пока ко мне, а потом сдадим его, куда следует. Ему будет очень полезно посидеть год-другой в тюрьме... Там его живо усмирят... Мать даст чего-нибудь подкрепляющего для Калеба, и Сэм принесет.

Шествие тронулось. Бродяге развязали ноги, а к скрученным назад рукам привязали длинную веревку, свободный конец которой вручили Гаю с приказанием крепко держать. Мальчику это доставило огромное удовольствие. Дергая за веревку, как за вожжу, он то и дело покрикивал:

– Но, но, лошадка! Не ленись! Беги как следует!

«Гм?.. Где же я видел такую руку?» – спрашивал сам себя Рафтен, идя позади бродяги. На одной руке пленника недоставало двух пальцев...

Через час Сэм и Гай вернулись в типи. Мисс Рафтен снабдила их укрепляющими настойками, благодаря которым Калеб к вечеру почувствовал себя гораздо бодрее. Тем не менее старый охотник все-таки остался ночевать у мальчиков.

Глава 27

Дружеская услуга

Вечером Рафтен пришел навестить Калеба, к которому опять почувствовал прежнюю симпатию, хотя и не мог объяснить себе почему. С удовольствием узнав, что старику гораздо лучше, он сообщил ему об исчезновении разбойника.

Рафтен был сельским судьей. Он запер преступника в пустом сарае и послал Сэма за полицейским. А когда тот пришел забрать арестанта, оказалось, что бродяга сбежал. На полу сарай валялись обрезки веревки, а в стене, выходившей в сад, были выломаны две доски.

– Но далеко ему все равно не уйти, – прибавил фермер. – Человека с тремя пальцами на руке нетрудно выследить... Как ты думаешь, Калеб, это не Билл Хеннард?

– Кажется, он, – с задумчивым видом ответил старик.

Подружившиеся вновь приятели беседовали долго. Калеб рассказал, как у него был украден револьвер и некоторые другие вещи, а также и письма, и как потом револьвер нашелся. Собеседники припомнили, что во время их ссоры присутствовал Хеннард. Это обстоятельство многое объяснило. Выяснилось и то, что Калеб был обображен собственным зятем.

Рафтен долго ломал голову, как возвратить старику так бессовестно отнятую у него ферму. И тут ему в голову пришла блестящая мысль.

– Калеб, дружище! – воскликнул он. – Я, кажется, придумал, как выгнать с фермы твоего милого зятка.

Калеб с недоумением взглянул на собеседника.

– Да, да, слушай! – продолжал с улыбкой Рафтен. – Я дам тебе тысячу долларов...

– Тысячу долларов?! – воскликнул огороженный стариk.

Тысяча долларов в Сангере тогда значила не меньше, чем сто тысяч в каком-нибудь большом городе. Калеб разинул рот от изумления.

– Да, тысячу долларов, а лучше и все полторы тысячи, – продолжал фермер. – Не изумляйся и выслушай, что я тебе скажу.

И он подробно передал старому другу свой план. Выслушав приятеля, стариk с чувством пожал ему руку.

Когда Рафтен рассказал жене о том, что он придумал для Калеба, и об обещании выдать ему полторы тысячи долларов, изумленная женщина всплеснула руками.

– Полторы тысячи долларов! Вильям, разве можно так насмехаться над бедным стариком? А я думала, что ты в самом деле помирился с ним...

– Успокойся, это вовсе не насмешка, – перебил фермер. – Вот деньги, которые я хочу дать ему. Он их только покажет своему ворузьку и потом сейчас же возвратит мне. Калеб человек честный и не обманет меня, да и пользы ему никакой не будет, если бы он захотел присвоить себе эти ничего не стоящие бумажки.

И он показал жене пачку фальшивых кредиток, находившихся у него, как у судьи, на хранении.

Получив от Рафтена эту пачку, Калеб тотчас же отправился с ней к зятю.

Дочь Сарианна встретила отца если и не особенно приветливо, то и не враждебно, зато зять с сердцем крикнул:

– Что тебе нужно, старый дармоед? Мало того, что ты живешь на нашей земле, так еще и постоянно шляешься к нам неизвестно зачем.

– Дик, ты забываешь, что это мой отец... – попыталась защитить Калеба Сарианна.

– Я ничего не забываю! – гневно перебил тот жену. – Если бы он был настоящим отцом, то не стал бы лодырничать, а работал бы на ферме от зари до зари!

– Успокойся, Дик, теперь я уж недолго буду надоедать вам, – проговорил слабым голосом старик, тяжело опускаясь на стул.

– А что с тобой, отец? – с участием спросила молодая женщина.

– Мне что-то очень не по себе... Должно быть, долго не протяну...

– Давно пора! – пробурчал Пог.

– Я... отдал вам... свою ферму, – продолжал еще более слабым голосом Калеб, как бы не слыша слов зятя. – Но мне хотелось бы... Ох, как у меня жжет внутри!.. Дайте мне чего-нибудь выпить.

Сарианна бросилась к дверям, но муж гневным окриком остановил ее.

– Стой! Мало ли чего он захочет. У нас не трактир... Продолжай, что ты там еще хотел сказать? – обратился он к старику.

– Я отдал вам ферму, – проговорил все более и более слабеющим голосом старик, – а теперь хочу отдать и вот эти деньги... Я приберег их на... черный день... Их немного... всего полторы... тысячи... долларов, но, думаю, и они вам... пригодятся... Мне же они больше не... понадобятся... Вот... они.

Он дрожащей рукой вынул из кармана куртки пачку крупных кредиток и вместе с револьвером, который вытащил как бы нечаянно, положил их перед собой на стол.

Полторы тысячи долларов! Эта сумма вдвое превышала стоимость фермы... Зять вскочил с места. Его обращение со стариком моментально изменилось.

– Сарианна! – крикнул он жене. – Отец совсем болен, его трясет лихорадка. Ему необходимо согреться. Сделай скорее грот, а я пока разведу огонь.

Молодая женщина поспешила выбежала из комнаты, а ее муж стал разводить огонь. Когда в камине весело затрещали дрова, Сарианна вернулась со стаканом горячего грота.

– Вот, выпей, отец, – сказала она, поставив перед стариком стакан. – Это тебя подкрепит. Может быть, ты голоден? Я быстро приготовлю...

– Нет... благодарю... мне теперь лучше, – проговорил Калеб, сделав несколько глотков из стакана. – Ну, так слушайте. Банкноты эти именные, то есть их номера записаны в банке на мое имя. Поэтому их можно передать только официально, по дарственной. Где у вас моя дарственная на ферму? Я бы добавил туда пару строк, чтоб все было по закону...

Пог бросился за документом. В те времена в Канаде еще не существовало нотариальных реестров, в которые заносятся все важные документы. У кого находился в руках такой документ, тот считался неоспоримым владельцем известного имущества, а если лишался документа, то терял и право на имущество.

Пока зять ходил за документом, старик дрожащими руками перебирал банкноты, делая вид, что пересчитывает их.

– Верно... как раз... полторы тысячи, – как бы про себя проговорил он, когда зять вернулся с документом, пером и чернилами.

Услышав еще раз магические слова «полторы тысячи», Пог изобразил на своем лице приятную, заискивающую улыбку и поспешил вручить старику документ, услужливо подвинув пузырек с чернилами и перо поближе к тестю, а сам скромно отошел в сторону.

Руки Калеба сильно дрожали, когда он разворачивал пергамент. Стариk внимательно осмотрел его и убедился, что это та самая дарственная, которой он думал облагодетельствовать дочь и зятя, но которая сделала его нищим, когда зять выставил его с фермы.

Калеб оглянулся. Зять и дочь находились на противоположном конце комнаты и делали вид, что смотрят в окно. Стариk вдруг поднялся, быстро подошел к камину и бросил в него документ. Потом, держа в правой руке револьвер, а в левой пачку кредиток, он повернулся спиной к камину и выпрямился во весь рост.

От его слабости не осталось и следа. Зять бросился было к камину, чтобы спасти документ, но при виде наведенного на него револьвера со страхом отступил, глядя обезумевшими глазами, как беспощадный огонь уничтожал документ, а вместе с ним и его, Пога, право на ферму...

– Убирайтесь теперь вон из моего дома! – произнес твердым и повелительным тоном Калеб и, подойдя к двери, стукнул в нее: – Судья Рафтен, прошу вас войти и вывести отсюда этих людей.

Дверь отворилась, в комнату вошел Рафтен в сопровождении двух полицейских, которые по приказанию судьи без церемоний вытолкали вон упирающегося Пога и его жену. Старик позволил им взять только их собственные вещи, и через полчаса бывшие владельцы фермы отправились пешком по дороге в Дауни, везя небольшую ручную тележку, нагруженную немногочисленными пожитками.

– Ну, вот, дружище, все и устроилось, – проговорил с улыбкой Рафтен, глядя в окно на Пога с женой. – Давай теперь...

Он вдруг замолчал и стал выжидать, что сделает его приятель. Тот понял, в чем дело, и поспешил вручить Рафтену пачку кредиток, которую все еще держал в руке.

– Вот, получай обратно свои деньги, Вильям, – сказал он. – Большое тебе спасибо.

– Не стоит, – ответил Рафтен. – Ну, теперь до свидания. Устраивайся, а потом зови на новоселье, или, вернее, на «староселье».

И друзья дружески распостились. Калеб так и не узнал, что капитал в полторы тысячи долларов, который был у него в руках, в действительности не имел никакой ценности.

Через несколько дней, когда старик ужинал в обществе Турка, в дверь тихонько постучали. В комнату вошла Сарианна.

– Что тебе нужно? – резко спросил Калеб.

– Отец, прости меня! – ответила подавленным голосом молодая женщина. – Ты сам знаешь, что я не виновата. Все это он... А теперь он выгнал меня...

И дочь со слезами на глазах поведала отцу всю правду. Пог женился на ней из-за фермы, а теперь он больше знать не хочет жену и велел ей даже не показываться ему на глаза.

– Он вел очень дурную жизнь, гораздо хуже, чем думают другие... Он постоянно водил компанию с разными темными личностями... Я это знала, но вынуждена была скрывать, потому что он угрожал убить меня... – заключила молодая женщина и горько расплакалась.

Калеб очень любил дочь и тосковал по ней. Теперь, когда она вернулась и поведала ему всю правду, он обрадовался и оставил дочь у себя. Сарианна опять стала вести хозяйство, и в доме старого охотника снова водворился прежний порядок.

В округе было совершено несколько краж. Во время последней, особенно дерзкой кражи преступников удалось поймать. Их судили и приговорили к нескольким годам тюрьмы. При попытке бежать оттуда преступники были убиты сторожами. Одним из них был Пог, а другим – бродяга с тремя пальцами на правой руке. С тех пор кражи в округе совершенно прекратились.

Глава 28

Новые «индейцы»

По случаю своего «староселья», как назвал Рафтен водворение приятеля на ферме, Калеб устроил вечеринку, на которую были приглашены Рафтены, Бернсы и Бойли. Не были забыты, конечно, и юные «индейцы». Приглашая к себе враждовавших между собой соседей, старый охотник надеялся заставить их помириться.

И он, к своему удовольствию, достиг цели. Гости сначала косились друг на друга, потом приступили к объяснениям и выяснению недоразумений, а потом воцарился мир.

Здесь Ян в первый раз увидел четырех незнакомых мальчиков: Уэсли Бойля, приземистого, живого смуглого подростка одних лет с Сэмом Рафтеном; его двенадцатилетнего брата Питера, толстого веснушчатого блондина с косыми глазами; их двоюродного брата Чарльза Бойля, добродушного, приветливого и веселого мальчика; и Кира Дигби, щеголеватого городского мальчика, всегда являвшегося – даже на ферму к родственникам – в высоком воротничке и белых манжетах.

Все эти подростки живо заинтересовались лесной жизнью «сангерских» индейцев. Последствием этого было появление нового племени, в состав которого вошли три Бойля и их городской родственник Дигби. Ввиду того, что три четверти населения племени принадлежало к семье Бойлей, они назвали себя «бойлерами».

Главным вождем нового племени выбрали Уэсли Бойля – за его ловкость, силу и энергию, а за крючковатый нос, карие глаза и темные волосы назвали его «Черным Ястребом». Городской щеголь, любивший покрасоваться и отлынивать от дела, получил имя «Голубая Сойка». Чарльз Бойль за его особенный смех был назван «Белкой», а Питер Бойль неизвестно почему превратился в «Чижика».

Бойлеры устроили себе лесное обиталище по образцу сангерцев и вообще старались во всем им подражать. Вскоре, однако, между обоими племенами стали возникать на почве соперничества крупные недоразумения, перешедшие затем во вражду. Сангерцы находили, что они, как старые и опытные лесные обитатели, имеют право на подчинение себе новичков, а бойлеры полагали, что они знают не меньше, а кроме того, превосходят сангерцев на одну четверть численностью.

Спор, как водится, решали силой. Произошла битва на кулаках. Перевеса не оказалось ни на той ни на другой стороне. Тогда решили устроить поединок между главными вождями. Победил Черный Ястреб и получил скальп Дятла.

Бойлеры пышно отпраздновали победу. Но вскоре их радость немного омрачилась: Ястребиный Глаз победил на поединке Белку и овладел его скальпом. Вслед за этим Черному Ястребу сделал вызов Бобр. Но главный вождь бойлеров снова оказался победителем, а второй вождь сангерцев лишился скальпа и должен был со стыдом и подбитым глазом удалиться восвояси.

Самолюбие Яна было задето, он решил во что бы ни стало добиться реванша. Ян заметил, что Уэсли Бойль – левша, и воспользовался этим: второй вождь сангерцев, к величайшей радости своего племени и горькой досаде бойлеров, одержал над вождем последних полную и блестящую победу.

В честь этой победы сангерцы устроили военную пляску со скальпами вокруг костра. По окончании пляски Ян произнес речь. Между прочим, он высказал предположение, что бойлеры наверняка совершают на них набег и что необходимо принять меры к отражению нападения. Присутствовавший при этом Калеб заметил:

– На вашем месте я бы заключил мир с бойлерами. К чему враждовать двум родственным племенам? Вы победители, вот и начните сами мирные переговоры.

«Великий совет» сангерских индейцев, выслушав предложение Чародея, уполномочил своего главного вождя Дятла вступить в

мирные переговоры с племенем бойлеров.

Когда оба племени в полном вооружении и боевой татуировке собрались, главный сангерский вождь обратился к бойлерам со следующей речью:

– Великие вожди и воины славного племени бойлеров! Все наши распри не приведут ни к чему хорошему. Гораздо приятнее нам находиться в мире и дружбе. Давайте заключим вечный мир и соединимся в одно могущественное племя. Тогда нам никакой враг не будет страшен.

– Мы согласны, – заявил Черный Ястреб. – Но с условием, что наши племена, соединившись в одно, получат общее название «бойлеры», так как наше племя многочисленнее вашего, и что главным вождем буду я.

– Это будет несправедливо, – возразил Дятел. – У нас есть еще Чародей. С ним нас столько же, сколько и вас. Кроме того, наше место лучше вашего: у нас имеется озеро для купания и рыбной ловли.

Упоминание об «озере», приведенное так кстати, возымело надлежащее действие. К тому же бойлеры были отпущены родными только на десять дней, а сангерцам отпуск был продлен еще на неделю. Было решено использовать этот короткий срок наиболее эффективно. Бойлеры изъявили согласие примкнуть к сангерцам, поселиться на том же месте, где жили сангерцы, и объединенное племя назвать общим именем – «сангерские индейцы».

Открытым остался только вопрос о главном вожде. Но и этот щекотливый вопрос был разумно разрешен Чародеем.

– Подождите несколько дней, пока не познакомитесь поближе друг с другом, а потом и выберете достойнейшего, – посоветовал он.

Совет этот был принят без возражений, и все немедленно приступили к работам, которых оказалось немало. Прежде всего было необходимо соорудить для новых «индейцев» типи и постели по образцу сангерских, потом позаботиться об оружии. Сангерцы весело принялись помогать новым товарищам и словом и делом.

Бойлеры вскоре убедились, что сангерцы действительно намного превосходят их в знании лесной жизни и умении приспосабливаться к ней.

Время проходило очень весело, но, к великому сожалению мальчиков, слишком уж быстро.

Глава 29

«Мнение» и «знание»

Все мальчики были школьного возраста, и некоторые из них отличались любознательностью, как, например, Ян и Уэсли Бойль. Последний изобрел игру в «мнение».

– Сколько будет шагов отсюда до того вон дерева? – спрашивал он.

Все заинтересовались этой игрой, и каждый, высказав свое мнение, записывал его. Потом измеряли данное расстояние, и тот, кто вернее определял его, получал какую-нибудь награду. Больше всех наград получили Ян и Уэсли.

Ян придумал еще более интересную игру в «знание».

– Кто из вас может определить рост собаки по величине ее следа? – спрашивал он у товарищей.

Те в недоумении переглядывались, и кто-нибудь из них возражал:

– Да разве это можно сделать?

– Не только можно, но и нетрудно, – продолжал Ян. – Для того, чтобы определить ее рост, нужно взять в дюймах длину следа передней лапы и помножить на восемь; получится ее рост до плеча.

– Значит, по-твоему, рост каждой собаки в восемь раз больше следа ее передней лапы? – с сомнением спрашивали его.

– Да, – утверждал Ян. – Кроме того, по следу собаки можно узнать и ее вес. Для этого нужно перемножить в дюймах длину и ширину ее передней лапы, потом произведение помножить на пять; получится ее вес в фунтах. Это правило неприменимо только к таксам. Собаки этой породы отличаются несоразмерно длинным туловищем и слишком короткими лапами.

Затем, перейдя от мира животных к миру растительному, юный лектор продолжал:

– А вы знаете, как определяют высоту дерева по отбрасываемой им тени?

– Ну, это еще труднее! – воскликнули слушатели. – Как же это делают?

– А вот как. Желающий сделать это выжидает, пока его собственная тень будет одинаковой длины с ним самим, что обычно бывает утром и перед вечером. Тогда он измеряет тень, которую отбрасывает дерево, и получает его точную высоту. Разумеется, это можно делать только в солнечный день.

– То-то и оно! – воскликнул Уэсли Бойль. – А если день пасмурный? Лучше определять высоту на глаз. Попробуем определить высоту вот этого дерева? – указал он на ближайшую березу.

– Ну, что ж, пробуйте! – сказал с улыбкой Ян.

– А ты разве не будешь участвовать? – спросил Уэсли.

– Буду, только после вас. Хочу посмотреть, как вы будете это делать.

Уэсли подошел к дереву, взглянул на него и сказал:

– Мерить будем не до вершины – до нее трудно добраться, чтобы потом проверить измерение, – а вот до этого нароста на дереве.

Он измерил глазами высоту, на которой находился нарост на дереве от земли, и объявил:

– Тридцать восемь футов!

Потом подошел Сэм и взглянул на Уэсли, стоявшего у дерева. Он знал, что рост Уэсли ненамного превышает пять футов. Сравнив в уме рост мальчика с искомой высотой, Сэм решил, она не должна превышать 35 футов. Приблизительно так же определили высоту дерева и остальные, используя почти такие же приемы.

Настала очередь Яна, все время с улыбкой смотревшего на товарищем. Он приступил к делу совсем иначе. Воткнув у самого дерева небольшой колышек, Ян отошел от дерева шагов на двадцать и вбил в землю шест с таким расчетом, чтобы его верхушка находилась ровно в 10 футах от основания. Затем, отойдя еще на

несколько шагов, он прилег и стал так смотреть на дерево, чтобы его глаз был на одном уровне с колышком, вбитым у дерева, и на одной линии с верхушкой шеста и наростом на дереве. Этот уровень он тоже отметил колышком.

После этого юный геометр стал измерять расстояние. Между «глазным» колышком и основанием палки оказался 31 фут, а между тем же колышком и колышком, вбитым у дерева, – 87 футов. Из этих данных Ян сделал следующий вывод. Так как десятифутовый шест пересекал линию на расстоянии 31 фута, то цифра 31 должна была относиться к 10, как 87 к высоте нароста, следовательно, эта высота равнялась 28 футам.

Один из мальчиков взобрался на дерево и измерил при помощи веревки высоту нароста от земли. Оказалось 29 футов, Ян ошибся только на один фут! Так «знание» одержало победу над «мнением».

Все объединенное племя пришло в восторг и присудило Бобру «гран ку». Только один Гай, по обыкновению, остался при особом мнении, объявив, что все это «ерунда».

Глава 30

Длинное болото

Отпуск мальчиков через несколько дней заканчивался, поэтому было решено предпринять поход к Длинному Болоту, который им обещал устроить Калеб.

Но прежде чем отправиться, было необходимо избрать главного вождя. Прав на это почетное и ответственное звание больше всех имели Черный Ястреб, Дятел, Бобр и Гай (последний, впрочем, по собственному мнению). Бобр отказался выставлять свою кандидатуру. Дятел получил три голоса, Черный Ястреб – четыре, а Гай – один, и то свой собственный. Следовательно, большинство голосов было в пользу вождя бойлеров, но сангеры не согласились с этим.

Обратились за разрешением этого спора к Чародею. Он посоветовал мальчикам подождать, поскольку поход в полной мере покажет силы и способности каждого. На том и порешили, а временным вождем выбрали Чародея.

Длинное Болото, к которому «индейцы» предполагали направиться, представляло собой необитаемую местность, миль тридцать длиной и десять шириной, и находилось милях в двенадцати к северу от Сангера. Охотники уверяли, что там еще водились олени, попадались даже медведи и рыси, а зимой и волки. В самом болоте не было недостатка во всевозможной дичи; в протоках встречались бобры и выдры. Дорог там не существовало, имелись только длинные прогалины между топями.

Такова была местность, в которую направились юные дикари под руководством старого охотника. Мальчики были в восторге. Наконец-то они отправятся в настоящее «индейское путешествие» в дикую страну, где их, по всей вероятности, ожидает целый ряд приключений, сопряженных со всевозможными опасностями!

Спать улеглись накануне пораньше. Рано утром Ян забил в барабан. Все немедленно поднялись и после легкого завтрака тронулись в путь. Часа через четыре добрались до пустынной местности, почти лишенной лесной растительности и воды. Мальчики порядком устали и готовы были сделать здесь привал, но предводитель не согласился.

– Пройдем еще немного, пока не найдем воду, – сказал он.

Нехотя пошли дальше. Через милю добрались до подходящего места, где и решили сделать привал. После короткого отдыха принялись готовить завтрак. Одни отправились за топливом для костра, другие – за водой. Вода оказалась грязной и сильно отзывала болотом.

– Эта вода не годится для питья, – сказал Чародей. – Бобр, – обратился он к Яну, – покажи им, как добывать хорошую воду.

Ян накоротко выстругал деревянную лопату и футах в двадцати от болота принялся копать яму. Все с любопытством столпились вокруг него. Когда он выкопал фути три в глубину, в яме показалась вода.

– Да эта вода еще хуже той! – заметил Черный Ястреб, внимательно следивший за работой товарища.

– Сейчас увидишь, какая она будет, – проговорил Ян, продолжая копать.

Бобр прекрасно помнил урок Калеба, и через десять минут он осторожно начерпал кружкой целое ведро холодной и прозрачной воды.

После завтрака Калеб сказал своим юным спутникам:

– Я довел вас до этого места. Отсюда вы отправитесь на поиски приключений самостоятельно. Вот вам три задачи. Во-первых, на северо-западе находится Бобровая река; ее нетрудно узнать, другой большой реки в Длинном Болоте нет. Во-вторых, на севере лежит небольшая открытая равнина, по которой протекает ручей; по этой равнине сейчас кочует одно индейское племя. В-третьих, на северо-востоке есть небольшой сосновый лес, где еще водятся олени. Каждое из этих мест находится милях в десяти-двенадцати отсюда и

очень недалеко одно от другого. Постарайтесь побывать там и принесите какое-нибудь доказательство, что вы там были. Теперь вот что еще. Всем вместе вам идти не следует. Пойдете по двое, один из вас останется со мной. Бросьте жребий и отправляйтесь.

По жребию выпало Яну идти с Питером Бойлем на северо-восток к лесу, Сэму с Чарльзом Бойлем – на северо-запад к реке, а Уэсли Бойлю с Гаем – на север к индейцам. Кир Дигби оставался с Калебом, кстати сказать, городской франт очень обрадовался.

Часов в одиннадцать утра юные путешественники, разделившись на три партии, приготовились выступить в путь. Калеб напутствовал их:

– Отправляйтесь, друзья мои, и будьте смелее, а главное, осмотрительнее, зря в опасность не лезьте, но и не выказывайте постыдной трусости. Мы будем ждать здесь вашего возвращения. К закату солнца разведем костер; его дым укажет вам обратный путь. Если кто-то заблудится, пусть разведет несколько дымовых костров, и мы придем за вами. Кто из вас доставит больше сведений и доказательств, тот получит «гран ку» и звание главного вождя.

Все три партии отправились в разные стороны.

Яну, конечно, хотелось идти с Сэном, но пришлось подчиниться жребию. Впрочем, Чижик оказался довольно хорошим товарищем, несколько медлительным, зато вполне сговорчивым.

Оставив позади холмистую местность, путники вскоре очутились перед обширной топью. Идти было трудно: ноги постоянно уходили по колени в мох, под которым была вода. Ян для себя и своего спутника вырезал по длинной палке. С помощью этих палок они, прежде чем сделать шаг вперед, нащупывали дорогу, чтобы не увязнуть в болоте.

Через полчаса трудный путь стал надоедать спутнику Яна, и мальчик начал просить вернуться назад. Ян уговорил его продолжать путь, и вскоре они подошли к небольшой реке, похожей по описанию Калеба на Бобровую. И действительно, Ян нашел на берегу следы бобров и срисовал их; потом ему попалась

замысловатая запруда из глины и древесных ветвей. Ян взял одну ветку, обмазанную глиной с приставшими к ней волосами бобровой шкуры, и спрятал ее в сумку.

После этого юные путники пошли вдоль речки и вскоре добрались до небольшого бугорка, на котором оказалось совершенно сухо. Здесь Ян, к большому удовольствию своего уставшего спутника, решил сделать привал и индейским способом развел костер, причем немало удивил Питера Бойля.

Подкрепившись мясом с хлебом, напившись чаю и отдохнув, Питер повеселел.

– Ну, у Бобровой реки мы побывали, теперь пойдем к индейцам, – сказал Ян; он рассчитывал побывать во всех трех местах, указанных Калебом.

Мальчики направились к северу. По дороге они спугнули стаю уток, и Яну удалось подстрелить одну из птиц.

Через несколько миль Питер снова стал жаловаться на усталость и нездоровье. Вопреки предостережениям Яна, он часто пил болотную воду и расстроил себе желудок.

Скрепя сердце Ян выбрал новое возвышенное место и развел на нем огонь, чтобы напоить заболевшего товарища горячим чаем, подкрепиться самому, а потом отправиться в обратный путь. После нескольких кружек горячего напитка, благотворно подействовавших на больного, последний заснул. Ян знал, что сон – самое лучшее в подобных случаях средство, и отошел немного в сторону, чтобы не тревожить заснувшего товарища.

От нечего делать мальчик принялся осматривать окрестности. Неподалеку он заметил дым, не сигнальный, а обыкновенный. Ян направился в ту сторону и вскоре увидел небольшую зеленую равнину, посреди которой весело протекал ручеек с прозрачной водой. На берегу ручейка стояли три индейских типи.

Ян догадался, что это и есть поселение индейцев, о которых говорил Калеб. С сильно бьющимся от радостного волнения сердцем мальчик смело направился к индейцам. Через полчаса он дошел до

них и был встречен яростным лаем нескольких собак. На лай из одного типи вышел высокий пожилой индеец и с удивлением посмотрел на юного белого дикаря с луком в руках и колчаном со стрелами за плечами.

Ян, как учил его старый охотник, приложил правую руку к сердцу, в знак своих миролюбивых намерений, и сделал попытку объясниться знаками. Он ткнул себя пальцем в грудь, потом поднял вверх два пальца, желая этим показать, что их только двое; затем, обернувшись назад, объяснил знаками, что там находится его товарищ и что он лежит больной. В довершение всего мальчик показал себе на рот и на живот, поясняя, что он голоден.

Индеец тотчас вернулся в типи, а через мгновение вышел оттуда с несколькими кукурузными лепешками и вяленым оленым языком. Все это он вручил мальчику и знаками показал, что больше ничего не может сделать для неожиданного посетителя. Ян поблагодарил и, сделав рукой прощальный знак, удалился.

Когда он вернулся к Питеру, тот уже проснулся и объявил, что чувствует себя гораздо лучше. Мальчики снова тронулись в путь. Хотя Ян и уверил своего спутника, что они возвращаются назад, на самом же деле он направился на северо-восток, где должен был находиться указанный Калебом лес.

Пройдя несколько миль и зорко взглядываясь вперед, Ян, к своему величайшему удовольствию, увидел наконец вдали темную зелень соснового леса. Через четверть часа юные путники уже находились под соснами и с удовольствием втягивали в себя их живительный аромат.

– Вот теперь мы можем и вернуться назад, – сказал Ян.

– Я слишком устал, – проговорил слабым голосом Питер и в изнеможении опустился на усыпанную сосновыми иглами землю. – Давай сначала отдохнем немного.

Ян взглянул на свои часы, потом на небо и сказал:

– Сейчас шесть часов. Скоро начнет темнеть. К тому же собирается дождь. Нам лучше переночевать здесь.

– Нет! Нет! – вскричал с испугом Питер, вскакивая на ноги. – Я здесь ни за что не останусь. Пойдем скорее!

– Нельзя! – твердо произнес Ян. – Дорогой нам негде будет укрыться от дождя, да и идти в темноте очень неудобно. Но ты не бойся, мы здесь отлично устроимся под любым деревом. Нужно прятаться, сейчас польет!

И действительно, едва мальчики успели встать под густую сосну, как дождь полил точно из ведра. К счастью, он был недолгим и скоро перестал.

Ян набрал валежника посуше, развел костер и развесил промокшую одежду. Невдалеке оказался ручеек. Мальчик налил в жестяной чайник воды и поставил его на огонь. Через непродолжительное время путешественники, в сухой одежде, с удовольствием закусывали оленым языком и кукурузными лепешками, запивая их горячим чаем.

Было уже около восьми часов, когда мальчики окончили ужин, от усталости их сильно клонило ко сну. Подбросив хвороста в костер, путники устроили возле него постель из травы и мягкого хвороста, завернулись в шерстяные одеяла, взятые по совету предусмотрительного Калеба, и крепко проспали до утра.

Отлично выспавшись, Ян проснулся первым и поспешил взглянуть на часы. Было уже около шести, в лесу почти совсем рассвело. Ян разбудил Питера, который тоже хорошо выспался и чувствовал себя гораздо лучше, чем накануне. Они развели потухший за ночь костер и вскипятили воды для чая. На закуску у них осталось немного хлеба, одна индейская лепешка и кусок оленевого языка, зато была еще и целая утка, застреленная накануне Яном.

Лепешку и кусок языка Ян решил оставить как доказательство посещения индейцев, а утку изжарить по индейскому способу. Однако он, очевидно, не совсем еще усвоил этот способ, потому что с одной стороны птица сильно пригорела, а с другой – не прожарились. Тем не менее проголодавшиеся путники съели ее всю вместе с остатками хлеба и запили горячим чаем.

Перед уходом Ян захватил с собой несколько сосновых шишек и, срезав кору на том дереве, под которым они провели ночь, написал карандашом на обнаженном месте: «Под этим деревом 10 августа 18.. года Ян Умен и Питер Бойль провели ночь».

Обратная дорога обошлась без приключений. Часа в три мальчики увидели дымовой сигнал Калеба, а в четыре уже были на его стоянке. Товарищи, вернувшиеся еще накануне к вечеру, встретили путешественников криком «ура», а Турок приветствовал их радостным лаем.

В ожидании ужина сильно проголодавшихся юных путешественников накормили легкой закуской и напоили чаем. Перед ужином, который мог поспеть только часа через два, Ян просил своих товарищей рассказать об их путешествии.

Сэм Рафтен сообщил, что он со своим товарищем прошли миль десять, но никакой реки не обнаружили и, кроме голой болотной земли, они ничего не видели.

Уэсли Бойль сказал, что они прошли гораздо больше, но никаких индейцев не нашли.

– Мы прошли, по крайней мере, миль пятьдесят, а то и все шестьдесят! – воскликнул Гай и хотел было поведать о выдуманных приключениях, но Калеб движением руки остановил лгунишку.

– Теперь ты, Ян, расскажи о своем путешествии, – обратился он к мальчику.

Ян скромно и правдиво рассказал обо всем и в подтверждение представил вещественные доказательства: ветку с куском глины с Бобровой реки, кусок оленевого языка и кукурузную лепешку, полученные им от индейца, и несколько сосновых шишек, взятых им из леса.

Выслушав рассказ юного путешественника, Калеб торжественно проговорил:

– Ян, ты совершил сразу три подвига, следовательно, заслужил тройной «гран ку»... Да здравствует второй санглерский вождь Бобр! Дятел и Черный Ястреб, вы должны отдать ему свои скальпы.

Все снова прокричали «ура» победителю, а Сэм и Уэсли Бойль покорно вручили ему свои почетные знаки. Только один Гай не поддался общему воодушевлению.

– Экая важность! Я бы и не то еще сделал! – проворчал он, но так тихо, что его никто не услышал.

Глава 31

Новый подвиг Яна

Ужин был приготовлен под руководством Калеба из дичи, которую охотник настрелял в отсутствие мальчиков, он был обильным и вкусным. Во время еды все весело болтали и перекидывались шутками. «Индейцы» уже успели отдохнуть и жаждали новых приключений.

– Вы не знаете, где водятся еноты или рыси, мистер Кларк? – спросил Ян.

– Говорят, в лесу около владений Бидди Баггса иногда попадаются их следы, – ответил охотник. – Если хотите, пойдемте туда. Это недалеко отсюда.

Вся компания быстро снялась с места и отправилась в путь. Ночь была очень теплая, но темная. Пустили вперед Турка и шли чуть не ощупью по его следам, то есть по лаю, доносившемуся то с одной стороны, то с другой. Вдруг лай собаки сделался коротким и стал доноситься с одного места.

– Турок напал на следы какого-то зверя, – сказал охотник. – Пойдемте туда.

Пес стоял под большим деревом, упервшись в ствол передними лапами, и лаял очень отрывисто.

– Не понимаю, на кого он лает, – произнес в недоумении старик. – Зверь сидит на дереве – это несомненно. Но только это не енот, потому что Турок не так лает... Нужно добыть огня.

Зажгли несколько смолистых веток и осветили ими дерево. При свете этих факелов мальчики вроде бы разглядели в листве чьи-то блестящие глаза.

– Хорошо бы забраться на дерево и взглянуть, – продолжал Калеб. – Есть желающие?

– Я! Я!... – дружно воскликнули юные охотники, не исключая даже Гая.

– Ну, не все разом! – с улыбкой проговорил стариk. – Довольно одного... Только я должен вас предупредить. Нам неизвестно, какой зверь находится на дереве. Я не думаю, что там сидит енот, потому что Турок лаял бы на него иначе. Он сейчас лает, как на кошку, значит, чует зверя кошачьей породы, вроде рыси. А рысь очень опасна, особенно когда раздражена или ранена. Поэтому лезть на дерево необходимо с величайшей осторожностью и не зевать там, а смотреть в оба. Ну, кто готов? Я могу дать ему револьвер.

Мальчики смущенно молчали. Наконец вперед выступил Ян:

– Я попробую.

– И я тоже! – поспешил отозвался Уэсли.

– Молодцы! – похвалил их старый охотник. – Но полезет один. Бросьте жребий.

Лезть выпало Яну. Он взобрался на ближайший толстый сук и стал вглядываться вверх, но ничего не мог разглядеть. Тогда он начал подниматься выше, пробираясь в густой листве. Товарищей, стоявших под деревом, уже не стало видно. Мальчику стало страшно, но он устыдился своей трусости и храбро полез еще выше.

Вдруг над его головой раздался хриплый вой и, взглянув вверх, Ян увидел пару горящих недобрым огнем глаз и смутное очертание щетинистой полосатой морды с большими баками.

Собрав все мужество, Ян крикнул вниз:

– Это рысь!

Зверь тут же спрыгнул с верхней ветки на боковой сук, немного ниже того, на котором сидел Ян, и со свирепым рычанием бросился на мальчика. Ян поспешил выстрелить, но промахнулся. Крепко держась левой рукой за ближайший сук, Ян выстрелил еще раз.

Рысь, испустив хриплый стон, впилась зубами в правую руку мальчика. Ян выронил револьвер и почувствовал, как челюсти огромной кошки стали мало-помалу разжиматься. Через мгновение

рысь рухнула вниз вслед за револьвером. Больше Ян ничего не помнил.

Очнулся он только утром и увидел, что лежит возле костра, окруженный товарищами. На коленях перед ним стоял Калеб и перевязывал его укушенную руку. Неподалеку лежал убитый зверь, оказавшийся крупной рыбью.

Когда Ян окончательно пришел в себя, ему рассказали, что он упал с дерева вслед за убитой рыбью, но, к счастью, был подхвачен Калебом, а потому и отделался только укусом и легкими ушибами. Боль в руке почти прошла благодаря какой-то целебной траве, которую старый охотник приложил к месту укуса при перевязке.

Все товарищи очень сочувственно отнеслись к Яну, искренне восторгались его подвигом и единодушно расценили этот подвиг как «гран ку». Только один Гай находил, что это «пустяки» и что он ни за что не позволил бы такому ничтожному зверю, как какая-нибудь «рысишка», укусить себя.

С аппетитом позавтракав, Ян почувствовал себя почти совершенно здоровым. Обратный путь обошелся без всяких приключений, и к закату солнца вся компания была уже дома, в своем лесном уголке.

Глава 32

Памятный вечер и торжество Яна

Наступил последний день вольной лесной жизни юных дикарей. Калеб где-то пропадал с самого раннего утра. Его дочь Сарианна давно что-то мастерила, а в это утро была особенно занята. Перед обедом старый охотник успел побывать у Рафтенов, Бернсов и Бойлей. Там тоже принялись хлопотать. Словом, происходило что-то особенное; все к чему-то готовились.

После обеда всё, наконец, разъяснилось. Часа в три к лесу потянулись четыре шествия: одно от Рафтенов, другое от Бернсов, третье от Бойлей и четвертое от Калеба Кларка. Все семейства явились в полном составе; взрослые несли тяжелые корзины, а дети – пучки цветов.

Прибывшие гости разместились на зеленом берегу около плотины. Старый охотник и молодой Рафтен были распорядителями.

Торжество началось состязанием в беге. Первым победителем оказался Ян, вторым – Уэсли Бойль. Потом стреляли в цель и охотились на оленя. В стрельбе и охоте Ян, по причине большой руки, не мог принять участия. Взамен этого Яну, по требованию Рафтена, пришлось показать свою «ученость». Он с точностью измерил высоту дерева, не взлезая на него, и определил расстояние между двумя отдаленными предметами не шагами, а научным способом. Фермер пришел в полный восторг.

– Вот что значит образование-то, Сэм! – воскликнул он, толкнув в бок сына. – Если бы ты мог это делать, я бы тогда... Молодчина, Ян!.. Погоди, дружище, у меня есть для тебя кое-что довольно приятное.

С этими словами он достал из кармана пять долларов и вручил их мальчику:

– Это премия от общины за убитую тобой рысь. А если окажется, что она душила моих ягнят, то я добавлю еще десятку!

(Впоследствии это подтвердилось, и Ян получил от Рафтина обещанную награду).

После состязаний мальчики скрылись в типи. Калеб водрузил в землю высокий шест, к которому был прибит деревянный щит, обтянутый кожей и прикрытый сверху брезентом.

Все гости уселись вокруг этого шеста, около которого с одной стороны лежали шкуры енота и рыси и какой-то сверток, а с другой – стояли два совиных чучела.

Вдруг раздался барабанный бой, и из типи с громкими криками выскочили юные «индейцы» в полной боевой татуировке и принялись плясать под барабан, в который бил Калеб. Мальчики трижды обежали вокруг щита, все время приплясывая и оглушительно крича.

Но вот барабан вдруг умолк, и «индейцы» уселись на корточках вокруг заранее разведенного невдалеке «костра совета». Сэм, в качестве первого сангерающего вождя, закурил «трубку мира». Когда трубка обошла всех членов совета, Сэм поднялся и торжественно произнес:

– Великие вожди и славные воины сангерающих индейцев! Вам известно, что мы собрались здесь для выбора главного вождя. Племя наше многочисленно, но оно сделалось еще многочисленнее с тех пор, как к нему присоединилось другое не менее многочисленное и славное племя бойлеров. У нас есть несколько храбрых и мудрых вождей, но до сих пор нет главного вождя. Сегодня мы должны, наконец, выбрать его. Наш выбор должен пасть на достойнейшего...

Громкие крики «хай! хай! хай!» и барабанный бой на минуту прервали оратора. Когда вновь водворилась тишина, он продолжил:

– У каждого из вас есть разные достоинства, а у кого их больше всех? Кто быстрее всех бегает? Бобр. Кто лучше всех лазает по деревьям и искуснее выслеживает зверей? Бобр. Кто выдержал испытание характера на могиле Гарни? Бобр. Кто прострелил из лука сову прямо в сердце? Бобр. Кто убил енота и рысь? Бобр. Кто может

побороть каждого из нас? Бобр. У кого больше всех «гран ку»? У Бобра.

– Ты позабыл упомянуть о его учености, – прервал оратора Рафтен.

– Не мешай, отец! Ученость не индейское достоинство, – возразил тот.

Сконфуженный фермер замолчал, а юный оратор заговорил с еще большим воодушевлением:

– У кого больше всех скальпов? Все у того же Бобра. Вот скальп, полученный им в битве с врагом: вот другой – с головы первого вождя вражеского племени; вот третий – с головы второго вождя того же племени; вот четвертый – с головы первого вождя сангерцев; вот пятый – с головы первого вождя бойлеров, и вот, наконец, шестой, доставшийся ему в одной славной битве.

Перечисляя скальпы, Дятел передавал их Калебу, который привязывал эти трофеи к краю щита, прибитого на шесте.

– У кого из нас имеется столько подвигов?.. Вы молчите?.. Молчу и я...

– У меня тоже есть... – начал было Гай, но шум голосов, кричавших «хай! хай! хай!» и барабанный бой прервали его.

– Поэтому я предлагаю почтенному совету избрать нашего мудрого и непобедимого вождя Бобра главным вождем могущественного соединенного племени сангерских индейцев, – продолжал оратор, когда затих шум. – Кто имеет что-либо возразить, пусть выступит...

– Я... – завизжал было снова Гай, но дружно раздавшиеся возгласы «Бобра! Бобра! Пусть он будет нашим главным вождем!» – опять заставили его замолчать.

Ян был единогласно избран главным вождем.

– Вот видишь, мама, какая несправедливость! – со слезами досады и зависти шепнул матери Гай, подойдя к ней. – Ведь я тоже мог бы быть...

Но и в этот раз он был прерван бурными восклицаниями товарищей и гостей, когда Калеб снял брезент, покрывавший щит, к которому он прикреплял скальпы.

На щите по черному фону белой краской были изображены буйвол и бобр. Первое изображение представляло герб санглерских индейцев, а второе – имя их нового главного вождя.

После этого стариk развернул лежавший рядом пакет. В нем оказались индейская военная куртка из кожи буйвола, штаны и мокасины из другой, более мягкой, кожи и роскошный головной убор. Все было украшено самыми замысловатыми рисунками, вышивками и бахромой, искусно сделанной Сарианной по указаниям Калеба.

Новый главный вождь тотчас же был наряжен в это одеяние. Гордый и счастливый полученными знаками отличия, Ян был так взволнован, что не мог даже выразить своей признательности племени, удостоившему его такой чести, и молча стоял с жезлом в руке.

Выручил его Калеб. Глядя на своего любимца с отеческой гордостью, он сказал:

– Уже с той ночи, когда ты побывал на могиле Гарни, я понял, какой ты молодчина. Потом я еще раз убедился в этом, когда ты прошел Длинное Болото и побывал во всех трех местах, куда не сумели попасть другие. А твой вчерашний поединок с рысью окончательно убедил меня в том, что ты достоин быть не только настоящим индейцем, но и главным вождем...

– И, кроме того, он так учен, что может... – опять вмешался было Рафтен, но Калеб не дал ему закончить и громко крикнул:

– Да здравствует главный санглерский вождь Бобр!

Крик этот был дружно подхвачен всеми присутствующими под аккомпанемент барабанного боя. Когда крики и барабанный бой, наконец, затихли, женщины открыли принесенные ими корзины и достали из них угощение.

Никогда не было в Сангере такого оживления, как в этот памятный вечер. Все от души смеялись и непринужденно болтали. Старая вражда была совершенно забыта, и все чувствовали себя точно в одной семье. Даже вечно угрюмый и нелюдимый Рафтен шутил и острил, но не удержался и прибавил:

– Ну, ребятки, каникулы кончились! Завтра с утра придется приняться за работу!

Так и закончилась простая и правдивая история лесной жизни юных дикарей, но эта веселая жизнь навсегда осталась у них в памяти.

Э. Сетон-Томпсон

Маленькие дикари

Примечания

1

Ф у т – мера длины, равная примерно 0,3 метра.

[Вернуться](#)

2

К у б á рь – волчок, юла.

[Вернуться](#)

3

Д ю й м – мера длины, равная примерно 2,5 сантиметра.

[Вернуться](#)

4

Т ý п и – переносное жилище североамериканских индейцев, шалаш конической формы, покрытый шкурами.

[Вернуться](#)

5

Я р д – мера длины, равная примерно 0,9 метра.

[Вернуться](#)

6

Фунт – мера веса, равная примерно 0,45 килограмма.

[Вернуться](#)